

Максим Кирчанов

Zemnieki, latvieši,
pilsoņi

*идентичность, национализм и
модернизация в Латвии*

Воронеж
«Научная книга»
2009

**ПАМЯТИ
ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
АРТЕМОВА
(1934 – 2005)**

УДК 94
ББК 63.3
К 436

Рецензенты:

д.и.н., проф. кафедры истории Средних Веков и зарубежных славянских народов ВГУ
С.В. Кретинин;
проф. ВФ РАГС при Президенте РФ **В.И. Федосов**

ISBN 978-5-98222-461-3

К 436 Кирчанов М.В. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 203 с.

В монографии впервые в российской историографии анализируются проблемы истории латышского национального движения, трансформации традиционных крестьянских сообществ в латышскую нацию, идейные основы латышского национализма в XIX – начале XX века. Для студентов-регионоведов и студентов-историков, изучающих историю Центральной и Восточной Европы, стран Балтии и России, а так же для всех интересующихся историей Латвии.

УДК 94
ББК 63.3
К 436

ISBN 978-5-98222-461-3

© М.В. Кирчанов, 2009
© Научная книга, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
СТАНОВЛЕНИЕ ЛАТЫШСКОГО НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ: РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА	
1. Латышские крестьяне и возникновение протонационализма в Латвии в первой половине XIX века	9
2. Немецкий поселенец, барон, пастор и латышский крестьянин в 1800 – 1850-е годы: метаморфозы отношений и взаимопредставлений	26
3. Старолатышский этап в истории Латвии (1820 – 1850-е годы): история Латвии становится латышской	37
4. Религиозное возбуждение и крестьянский протест: зарождение народного латышского движения	48
НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ЛАТВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	
1. Общественная деятельность младолатышей в 1850-1880-е гг.	66
2. Идейные основы латышского национального движения 1860 – 1890-х гг.	79
3. Модерновые дискурсы младолатышского национального движения	96
4. Политическая программа латышского национализма в 1850 – 1890-е гг.	110
РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛАТВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОТ ЛАТЫШСКОЙ НАЦИИ К ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
1. Имперская периферия в начале XX века: национальное движение в 1900 – 1910-е годы	122
2. Русский национализм «открывает» Латвию: латышско-русская полемика начала XX века	139
3. От латышской нации к латышскому государству: идейные основы латышского национального движения в 1900 – 1910-е гг.	152
4. 1914 – 1920: латышский национализм между империями, республиками и войнами	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194

ВВЕДЕНИЕ

1990-е годы на всем постсоветском пространстве были отмечены национальным подъемом, вызванным распадом Советского Союза и появлением на политической карте Европы независимого Латвийского государства – Латвийской Республики. Националистические движения стали влиятельной политической силой. Национализм, националистические политические доктрины и идеологии стали играть определенную роль в политической жизни. Развитие общества в новых государствах постсоциалистического пространства оказалось подчинено национальным идеям. Национализм начал оказывать направляющее влияние на развитие политических режимов. Национализм пришел и в исторические исследования. Историки стали носителями национализма, выразителями его идей, популяризаторами национального прошлого. Сегодня, более чем пятнадцать лет спустя после восстановления политической независимости, когда национальная эйфория сменилась необходимостью решать реальные проблемы связанные как с европейской интеграцией, так и интеграцией всего латвийского общества в целом – проблемы истории латышского национального движения становятся все более актуальными. Перед исследователями стоят задачи осознания особенностей политических процессов в современной Латвии.

По данной причине, очевидной становится роль исследовательского сообщества, которое должно осмыслить дискуссии 1990-х годов, подвести первые итоги, оценить достижения в изучении латышской национальной истории и пересмотре исторических стереотипов советского периода. Историческая наука должна вместе с тем и обозначить перспективные направления в развитии латвийского общества, признавая его уникальную национальную латышскую специфику, что будет способствовать более полному и глубокому пониманию истории латышского национального движения.

В центре настоящей книги – история Латвии второй четверти XIX - начала XX века. Предметом этой книги является латышское национальное движение, его идеология и эволюция. Целью – исследование истории развития латышского национального движения в XIX - начале XX века. Под национализмом автор понимает идеологию латышского национального движения, направленную на культивирование и развитие латышской национальной идентичности. Понятия «национализм» и «национальное движение» используются автором как в значительной степени идентичные, совпадающие между собой, политические явления.

Латышское национальное движение возникло и развивалось в крайне неблагоприятных условиях двойного национального и социального гнета, полном отсутствии национальной интеллигенции и национальной латыш-

ской буржуазии. Поэтому, оно развивалось в условиях постоянной острой политической борьбы против балтийского неметчества и российской имперской администрации. Латышское национальное движение - национальное движение модернизационного плана: оно ставило не просто цели поддержки латышской национальной идентичности (латышский язык - латышская литература - латышская культура), но и ее построения на принципах современной (модерновой) нации европейского типа.

Латышское народное возрождение – важнейший этап на пути латышского народа к созданию независимой латышской государственности. Следовательно, концепции латышского национального движения вырабатывались постепенно, на протяжении всей его истории, корректируясь по мере изменения политической ситуации в Латвии и Российской Империи. Латышское национальное движение не было антирусским с самого начала во всех сферах. Антирусские настроения усиливались по мере развития политики русификации. Поэтому, факт развития националистического движения в Латвии не исключает контактов латышских национальных деятелей с русским и немецким обществом. Эти контакты имели место, являясь важными стимулами в развитии латышского национального движения.

Проблема отношений между русскими и латышами, латышами и немцами состояла в разном понимании роли и места этих этнических общностей в политической структуре Империи. В отличие от русских и немцев, которые воспринимали неравноправное положение латышей как данность, латыши стремились изменить ситуацию и занять свое место среди привилегированных наций. Следовательно, успех латышского национального движения и крах политик германизации и русификации вытекает из всего характера Российской Империи, которая была не способна диалог с латышским движением, но стремилась к его подавлению репрессивными мерами.

В качестве хронологических рамок настоящей книги выбран весь период с 1815 года по начало XX века, так как он знаменуются наиболее важными событиями в истории национального движения, начиная с мощного импульса Французской революции, наполеоновских войн, первых крестьянских волнений на территории Латвии, и завершая постановкой вопроса о создании латышской государственности. События XIX столетия в истории Латвии органически связаны между собой. Национальное движение во второй половине века стало естественным продолжением начала национальной активизации латышей в форме крестьянских волнений и религиозных движений в первой половине столетия. Движение же автономию в первые годы XX века не было бы возможно без более ранних событий.

В период написания книги автором использованы принципы исследований национализма выработанные в западной историографии. Ее основы были заложены теоретиками австрийско-немецкой социал-демократии. В

1924 году вышла книга Отто Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия»¹, где национальный вопрос интерпретируется в категориях политической и социально-экономической истории, в категориях культуры и языка. Позднее эти идеи широко использовались исследователями национализма, которыми были заложены методологические принципы, базирующиеся на комплексном анализе национализма как явления политического, культурного, социального и экономического. В связи с этим следует упомянуть исследования Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хроха, Б. Андерсона, Э. Смита², посвященные различным аспектам истории национализма на Западе, вполне применимы для изучения истории латышского национального движения.

Компаративный метод был использован, так как национальное движение в XIX веке имело место не только в Латвии, но аналогичные процессы были характерны и для других регионов Европы. Обращение к аналогичным процессам в других частях Европы показывает вписываемость исторического процесса в Латвии в общеевропейский исторический процесс. При работе над диссертацией использованы метод компаративизма и достижения французской «школы Анналов». «Школа Анналов» актуальна при изучении национальных движений, так как она позволяет отойти от истории национализма как истории социально-экономических категорий и перейти к более сложной, комплексной и синтетической, истории, учитывающей разные проблемы, связанные с развитием национализма.

Эта книга, вероятно, представляет собой первую на русском языке работу, посвященную истории латышского национального движения, где бы анализировались как события его предыстории – изучаются особенности сознания латышских крестьян, анализируются факторы немецкого влияния и показана история раннего религиозно-национального движения. Исследование написано на основе неизученных латышских источников и историографии с привлечением исследовательской литературы на языках народов Восточной и Центральной Европы, что придает ему новаторский характер для отечественной историографии.

В рамках этой книги впервые представлена хронология истории латышского национального движения, которая демонстрирует то, что национальное возрождение на территории Латвии хронологически совпало с аналогичными явлениями у других народов Центральной и Восточной Европы, что подтверждает развитие Латвии в рамках европейского исторического процесса. В настоящей диссертации впервые представлен анализ основных концепций латышского национализма в XIX - начале XX века в рамках истории именно национального, а не социально-экономического движения, что было характерно для советской исторической науки.

В основе настоящей монографии лежит диссертация, защищенная автором 15 мая 2006 года на историческом факультете Воронежского государственного университета. В период работы над текстом диссертации с

целью его превращения в монография автор счел необходимым внести некоторые изменения: во-первых, сокращено Введение; во-вторых, из текста убрана библиография; в-третьих, изменены названия параграфов и глав; в-четвертых, текст несколько изменен в области расширения сносок на издания, которые не были доступны автору в период работы над диссертацией; в-пятых, в третьей главе добавлен раздел, посвященный событиям в Латвии в 1917 – 1918 годах, который отсутствует в тексте диссертации.

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 52 - 120; Bauer O. Die Nationalitäten Frage und die Sozialdemokratie / O. Bauer. - Vienna, 1924.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. - М., 2001; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. - М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм / Э. Хобсбаум. - СПб., 1998; Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. - М., 2002; Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. - L., 1983; Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. Cambridge, 1983; Hroch M. Social Conditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations / M. Hroch. - Cambridge, 1985; Hroch M. Narodni Hnutí v Evropě 19. Století / M. Hroch. - Praha, 1986; Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas / M. Hroch. - Prague, 1968.

I. СТАНОВЛЕНИЕ ЛАТЫШСКОГО НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ: РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА

ЛАТЫШСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОТОНАЦИОНАЛИЗМА В ЛАТВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Латыши принадлежат к балтийской группе индоевропейских народов наряду с литовцами. Раннее к ним принадлежали и пруссы, населявшие территорию Пруссии, но ассимилированные немцами. Древняя история балтийских народов известна мало, но, скорее всего, они под общим названием эстиев фигурировали уже в работах римских авторов. В I тысячелетии н.э. предки латышей населяли обширные территории современных Беларуси, Украины и западных областей России. Позднее, под натиском славянского переселения ареал расселения балтийских языков сократился до узкой полоски побережья Балтийского моря. К концу I тысячелетия н.э. на территории расселения латышских племен (куршей, земгалов, латгалов) активно протекали процессы формирования классового общества и государства¹. Первые государственные образования возникли в землях обитания восточных латышских племен, которые находились в вассальной зависимости от различных русских княжеств, в первую очередь Полоцкого. В начале XIII века, с завоеванием латышских территорий немцами, в истории латышских племен начинается новый период.

Завоеванные Тевтонским орденом латышские территории подвергаются незначительной немецкой колонизации. Немцы приносят характерные для германского феодализма общественные институты и социальные отношения. В XVI веке под влиянием Ливонской войны на смену орденскому типу управления приходят немецкие герцогства – Курляндское и Лифляндское. Немногочисленная латышская знать быстро германизируется, крестьяне продолжают сохранять традиционный уклад жизни. В XVIII столетии прибалтийские территории постепенно входят в состав Российской Империи и к концу столетия латыши оказываются подданными империи. Вхождение этих территорий в состав России не привело к радикальным политическим и этническим изменениям. Немецкая элита сохранила свою власть, став постепенно частью правящего класса Российской Империи².

Большая часть народов Восточной и Центральной Европы, по словам современного болгарского исследователя истории национальных движений А. Ковачева, к 1840-м годам испытывала на себе «чуждую политическую власть». Лорд Актон в 1862 году отмечал, что «правительства не признавали прав на национальное самоопределение, а народы этих прав за со-

бой не утверждали». Многие европейские народы, действительно, оказались лишенными государственной независимости и «насильственно удерживалась в составе существующих государств»³. Именно так характеризует ситуацию в Европе отечественный исследователь истории национализма А.С. Мыльников. Все эти замечания в равной мере применимы и к Латвии, где к 1840-м годам, после долгого перерыва в национальной истории, вызванного немецким завоеванием и последующим господством, возникает латышское национальное движение.

При этом следует отметить, что понятие «Латвия» к тому времени еще не оформилось окончательно. При этом латыши, проживавшие относительно компактно, не были объединены в рамках одной территориальной единицы. В начале XIX века, отмечает немецкий историк Х.-Х. Нольте, восточнее Рейна не было не одного государства, где границы совпадали с границами проживания этнических групп. Вместо «Латвии» в литературе того периода использовались другие понятия – Курляндия и Лифляндия. В Восточной и Центральной Европе того времени, как было показано в советской историографии, существовало немало регионов, которые были лишь территориальными и этнографическими понятиями, не связанными с национальными и тем более политическими общностями и образованиями. Этнические территории на данном этапе нередко не совпадали с существовавшим административным делением и использование дихотомии болгарской исследовательницы Ц. Георгиевой «народ – пространство» в отношении Латвии того периода не совсем оправдано⁴. Понятие «Латвия» тогда имело несколько иное значение. Оно означало не территорию, населенную латышами, а одну из территории германского мира. Это понятие широко использовали балтийские немцы, обозначая его как Lettland, Lievland или Kurland⁵. В целом Прибалтика политически и культурно была по преимуществу немецкой, являясь составной частью германского мира⁶.

Латвия в рассматриваемый нами период представляла собой «Европу в миниатюре», так как ее развитие демонстрировало наличие самых разных тенденций – этнического своеобразия (в Латвии помимо латышей и немцев жили русские, поляки и евреи), плюральности экономического развития (капиталистический путь развития при сохранении значительного количества пережитков от феодальной эпохи) и разнообразие религиозных идей (ветви западного христианства, католицизм и протестантизм, соседствовали с православием и различными протестантскими сектами). Иными словами на латышских землях существовало «несколько культурных уровней». По терминологии известного исследователя национализма Эрнеста Геллнэра, в Латвии на данном этапе существовало агро-письменное общество. Согласно Э. Геллнэру, оно основано на сельском хозяйстве и относительно стабильной технологии. Мировоззрение, на котором базируется такое общество, не требует активного познания и интенсивного освоения природы, а предусматривает лишь сосуществование общества, человека и

природы. Для члена такого общества особо важно то место в социальной лестнице, которое он занимает. Именно в такой обстановке и возникало латышское освободительное национальное движение. Чешский историк Мирослав Хрох подчеркивает, что «национальное движение возникает не в вакууме»⁷.

Немаловажно рассмотреть и внешние условия возникновения латышского национализма в Латвии. Что же представляла собой Латвия в 1800 – 1840-х годах? Каковы важнейшие вехи латышской национальной истории данного периода? Латыши, которые еще на протяжении XVIII века в десять раз по численности, по подсчетам немецкого историк Андреаса Каппелера, превосходили немцев, к началу XIX века, пребывали в особых условиях. Составляя большинство населения на латышских территориях, латыши в сравнении с балтийскими немцами не обладали никакими правами, составляя бесправное население. Латышские диалекты, в отличие от остальной Европы, где местные языки сохраняли свое влияние, фактически не получали никакого применения в общественной жизни, за исключением церковной службы. Своего рода местным “lingua franco” был немецкий язык. Боснийский историк Фуад Слипичевич, характеризуя данный феномен в общеевропейской перспективе, писал, что «язык, которым пользовались в управлении, судопроизводстве и в школе был исключительно немецкий язык». В общеимперской перспективе латыши оставались одним из инородческих племен⁸.

Латыши, в свою очередь, по терминологии А. Ковачева, жили при «полном доминировании традиционной народной культуры». На данном этапе латыши представляли собой «относительно однородное в этническом плане население». Ситуацию на латышских территориях того времени можно описать словами немецкого историка Х.-Х. Нольте, который пишет, что «отношения между людьми складывались на личном уровне, они ели то, что выращивали, придерживались традиционного образа жизни». По причине засилья традиционных форм хозяйствования и быта, из-за неравноправного положения латышей вплоть до 1812 года мы практически не знаем не одного латыша, который мог бы называться деятелем латышской национальной истории. Латыши были, главным образом, крестьянами. Перефразируя слова украинского историка Ивана Лысяка-Рудныцкого, фатальная особенность региона состояла в том, что латыш был синонимом крестьянина, а немец - барона и господина. Национальные проблемы теснейшим образом переплетались с аграрными, что было характерно для Европы в целом. Несмотря на тесное переплетение национального и аграрного в Латвии, немецкий барон, подобно русскому помещику в Украине, не был эффективным проводником германизации, как русский - русификации⁹. Россия так и не создала среди немецкого балтийского дворянства группы, ориентированной исключительно на интересы Империи, а не свои собственные.

Латышские крестьяне находились в угнетенном состоянии и очень редко попадали на страницы источников. Поэтому, далее мы предпримем попытку впервые рассмотреть динамику их развития в изучаемый период. Латышские крестьяне, скорее всего, владели только теми диалектами, на основе которых во второй половине XIX века возник латышский язык. Ни одна из наций Европы XIX столетия «не состояла из людей, говоривших на одном языке». Немецкий язык знали немногие. Русский язык так же не был широко распространен в Латвии. Крестьяне русским языком практически не владели, по-русски, по свидетельству авторов первой половины и середины XIX века, они могли объясняться с большим трудом. В подобных ситуациях некоторые этнические угнетенные общности находились на грани уничтожения и ассимиляции представителями другой более развитой группой¹⁰. Таким образом, национальные противоречия отличались значительной остротой. Гнет в отношении латышей исходил от немцев и имел национальный характер. Наличие национального гнета вело к тому, что он затруднял процессы формирования наций и деформировал их. Именно по данной причине, латышская знать была быстро германизирована, хотя отдельные ее представители сохраняли свои права и некоторые национальные особенности относительно долго вплоть до XVI века. Советская исследовательница К.Л. Струкова оценивала эту ситуацию как «деформацию социальной структуры» угнетенной национальной общности¹¹.

В немецкой литературе в отношении латышей к XIX веку прочно установилась снисходительное отношение. Латыши рассматривались как народ неисторический, как один из «усталых народов окраин» в более поздней терминологии Х. Аубина. По данной причине, доступ к их истории, в мир латышской народной культуры не прост, так сфера ее бытования – устная традиция. Она очень редко привлекала внимание немецких пасторов и фиксировалась в исключительных случаях. К тому же в распоряжении исследователей практически нет собственно латышских источников по первой четверти XIX века. «Скудость свидетельств об угнетенных классах прошлого» – так определял такую ситуацию Карло Гинзбург. А.Я. Гуревич констатирует наличие «скудости сведений о простолюдинах» в дошедших до нас источниках. Описывая состояние латышского народа к началу XIX века, П.М. Токарев лишенный собственно латышских источников, комментировал его самым общим образом: «не видя к себе человеческого отношения со стороны господ, латыши, естественно, огрубели и сделались лживыми и суеверными. О просвещении народа и исправлении его недостатков почти никто не заботился. Без обучения и просвещения народ дожил до XVIII века – лишь с реформацией впервые появилась у латышей письменность и были переведены на латышский язык десять заповедей»¹².

Балтийский регион уже относительно давно входил в состав Империи, однако русским в полном смысле этого слова он не являлся. Ряд латыш-

ских исследователей все же констатировал, что попытки его унификации с остальной частью Империи все же имели место, но все эти «русификаторские устремления» (*pārkievošanas centieni*) особых результатов не принесли. Это объясняется тем, что русские власти придерживались политики непрямого господства, предпочитая использовать местную политическую элиту и не проводить политики русификации. О русской колонизации провинций не было и речи. Русское население было незначительно и проживало в основном в городах. Русского чиновничества было еще меньше. Влияние администрации из Санкт-Петербурга ограничивалось временными ревизиями. Русский язык практически не звучал. Национальная культура не попала под доминирующее влияние русской, а находилось под влиянием немецкой¹³.

Латышские крестьяне особого интереса у немцев не вызывали. Российский латышский историк Р.Ю. Виппер (Виперс) описывал ситуацию таким образом: «судьбами крестьянства интересовались мало, класс пахарей, который во все времена кормил население, долгое время находился в загоне». При этом политический момент в латышской среде того времени еще не играл значительной роли, так как политическое сознание еще не сложилось. Латышский историк Т. Зейдс в связи с этим считал, что в образовании латышей как общности политические аспекты, в отличие от языковых и психического склада, особой роли играть не могли. Между латышами существовали надлокальные формы массовой идентификации, которые главенствовали над формами ограниченными той или иной территорией, на которой латыши проводили большую часть жизни. О положении латышских крестьян мы можем судить на основании ряда письменных источников, авторами которых являлись балтийские немцы – лютеранские пасторы или деятели Просвещения. Например, Теодор-Людвиг Лау описывал состояние латышей так: «положение ... подданных ... тяжелое ... им оставлена единственно слава послушания»¹⁴.

Латыши были объединены «религиозным крестьянским культом», латышской народной культурой, которая, будучи в значительной степени традиционной, отличалась во многом от культуры немцев. Проявлением латышской народной культуры и опорой идентичности на данном этапе была народная культура, представленная латышскими народными песнями, сказками, загадками и т.д. Данные проявления народной латышской культуры сохранились, несмотря на то, что лютеранское немецкое духовенство стремилось их уничтожить, заменив христианскими традициями. Советская латвийская историография рассматривала немецкую лютеранскую церковь в Латвии как «орудие классового гнета и порабощения». Между латышами существовали и политические отношения, идеи и понятия, которые были свойственны им как узкой группе населения. В силу данных политических понятий латыши были тесно связаны с Российской Империей как государством и его отдельным институтом в форме немец-

кого балтийского дворянства, которое и осуществляло над ними политическую и экономическую власть. Сознание латышей имело традиционный характер. Поэтому, утверждения советских авторов о присущем местной крестьянской идентичности диалектизме¹⁵, скорее всего, не соответствуют действительности.

Латыши в первой половине XIX века собственной социальной организацией не обладали, что не мешало процессу развития в их среде элементов национального самосознания. В соответствии с терминологией болгарского исследователя В. Кацунова латыши на данном этапе находились в состоянии формирования этнической общности. Рассматривая процесс формирования национального самосознания народов Европы в XIX веке, В. Кацунов отмечает, что в ходе этого процесса кристаллизуются и важнейшие признаки этнической общности – единство языка, культуры, традиций. Данные особенности сами по себе не формируют этническую общность, так как для полного складывания нации необходима социальная организация, которая играет роль важнейшего консолидирующего фактора и гарантирует воспроизводство этнических признаков. С другой стороны в латышской среде уже существовали элементы «этнолингвистической и этнорелигиозной общности»¹⁶.

Латышские крестьяне в рассматриваемый нами период уже обладали определенным национальным самосознанием, которое отделяло их от немцев. При этом сознание латышей нередко не выходило за рамки традиционного и религиозного. Религиозность латышей в данном случае была народной, неосознаваемой разумом, а поддерживаемая устоями традиционного латышского крестьянского быта. Мышление латышей было не только традиционным, но и глубоко архаичным. Естественными и характерными для него были образы народного средневекового крестьянского менталитета, что проявлялось, например, в вере в оборотней и ведьм, проведение судебных процессов над ними. Последняя волна активизации подобных судов, по мнению Х. Брунингга и К. Страубергса¹⁷, имела место во второй половине XVIII столетия.

Попытки германизации латышей не принесли серьезных результатов и не смогли коренным образом изменить этническую ситуацию в регионе. Германизации в регионах с немецким доминированием, как правило, подвергались лишь те, кто открыто разрывал со своим слоем. В народном сознании немцы и латыши существовали во многом как изолированные понятия. Истоки сохранения латышей как независимой общности Т. Зейдс был склонен искать в «социально-экономических условиях жизни». В отличие от Пруссии, отмечал советский латвийский историк, латышские земли не знали массовой немецкой колонизации, а местное население после немецкого завоевания в лице немцев обрело новых властителей. Такое резкое противопоставление народностей как в экономической и социальной сфере, так и в политической жизни препятствовало сколько-нибудь значи-

тельному онемечиванию латышских крестьян». Немцы позиционировались в латышском сознании как совершенно чуждая им общность. В пользу этого говорит то, что в латышских народных песнях, дайнах, образ «немца» и «немецкого» присутствует относительно часто и оценивается, как правило, крайне негативно¹⁸.

Таким образом, латышские крестьяне на протяжении длительного времени являлись носителями традиционного самосознания, отличительной чертой, которого, по мнению американского исследователя традиционных обществ и массовых движений Э. Хоффера, было то, что они стремились к консервации условий своего существования, так как при помощи этого пытались противостоять чувству неуверенности и ощущению опасности. Латышские крестьяне во многом еще зависели и от природы, испытывали «благоговейный страх перед внешними силами». Латышские крестьяне¹⁹, как люди с традиционным крестьянским самосознанием, «стояли перед миром как перед всемогущим судьей»²⁰. Такая ситуация, разумеется, не могла не способствовать возникновению в среде крестьян определенных идей. В латышском случае неуверенность и опасность, по мнению крестьянской массы, исходили именно от немцев, находившихся в более благоприятном положении по сравнению с ними.

Активизация латышского крестьянства проявилась в начале XIX века, что вылилось в ряд восстаний, хотя крупная волна волнений в латышских землях имела место во второй половине XVIII века. Восстания стали, скорее всего, не следствием социально-классовых противоречий, а результатом национального гнета. Национальный гнет неизбежно вызывал отпор у угнетенных народов, что проявлялось в форме восстаний. Крестьянские восстания были «бунтами и конвульсивными массовыми истериями», «спонтанными волнениями». Восстания быстро сходили на нет, что характерно, в частности, и для Каугурмуйжского восстания. Каугурское (Каугурмуйжское) восстание 1802 года (*kauguru nemieri*) – первое в их ряду латышских крестьянских восстаний XIX века. Данная активизация свидетельствовала о том, что латыши были не просто этнообщностью, но этно-социальной общностью²¹.

В данном случае следует, как считает французский историк Р. Шартье, отказаться от представления о классовой борьбе как об универсальном факторе объяснения истории и сведения этой борьбы к истории экономики. В латышском случае в роли универсального фактора выступила не классовая, а национальная борьба. Анализируя особенности данной активизации крестьян, следует принимать во внимание то, что восстание было не только результатом социально-классовых противоречий, как стремилась показать его советская историография. Причины восстания в Каугурмуйже не следует сводить исключительно к классовым противоречиям – восстание стало, скорее, результатом материальных проблем, жизненных тягот и невзгод широких масс латышского крестьянского населения. Скорее всего,

события 1802 года стали результатом того, что «увеличение количества жителей не сопровождалось пропорциональным возрастанием богатств общества»²².

В ходе суда была выявлена национальная и политическая сознательность крестьянских лидеров: они апеллировали к опыту Французской революции, которая оказала свое влияние на аграрную проблему в Латвии. Латышские историки А. Капостиныш и Т. Драудиныш показали, что участники восстания, в особенности – Готхард Иогансон, были знакомы не только с событиями французской революции, но и с работами Гарлиба Меркеля. Таким образом, в Латвии появилось немало крестьян, которые оказались грамотными. В Латвии возник незначительный слой своего рода «размышляющих крестьян»²³, которые умели читать, а, читая, проецировали прочитанное на реальность, которая с идеями, почерпнутыми ими из книг, резко расходилась. От чтения и восприятия идей просветителей и Библии было недалеко и до бунтов.

Каугурское восстание, ставшее результатом стремления крестьян к более справедливому и социальному порядку, нежели тот, что существовал в реальности²⁴, привело к тому, что немцы начали уделять внимание положению латышей. При этом, ряд авторов склонен к тому, чтобы не придавать крестьянским восстаниям значительной роли в становлении национальных движений. Например, словенский автор Франц Роде считает, что историки-марксисты в значительной степени преувеличивали роль восстаний, рассматривая их как движение масс на пути к созданию национально-государства. Франц Роде считает, что восстания были социальными, а не национальными движениями. «Национального значения восстания не имеют, так как нечто подобное происходило во всех европейских странах»²⁵, - пишет словенский историк.

Немцы после восстания стали задумываться о положении крестьян и о причинах их активизации. Это подтверждает предположение Р. Виппера (Виперса) о том, что господствующие классы вспоминали о крестьянах лишь «в пору крестьянских восстаний». Об этом говорит тот факт, что после восстания власти провели анкетирование пасторов, стремясь выяснить причины восстания. Пастор Г. Бергман писал: «тридцать лет тому назад крестьяне были самостоятельнее, здоровее, лучше питались и одевались чем теперь. Сейчас они бедны, малодушны, ленивы и пьяницы. Их бедность происходит из-за возросшего гнета повинностей. Число крестьян увеличилось вдвое, а поля остались прежними». Другой пастор Я. Лангевитц, констатируя «тягу к несоразмерному потреблению водки», признавал и факт нехватки у латышских крестьян земли. К. Шрейбер констатировал бедность латышского крестьянина: «крестьянин в этом крае почти повсеместно беден. Причина тому барщина, которая не выдерживает никакого сравнения с доходом крестьянина». Пастор И. Клеман все проблемы крестьян объяснял их «леностью, недобропорядочностью и распутным об-

разом жизни». Немногие пасторы признавали, что корень проблем кроется в крепостном праве. Это, в частности, относится к Ф. Фрейтагу. Помня о Каугурском восстании, пасторы рекомендовали провести ряд изменений в Прибалтике, а именно – ввести наследование усадеб для крестьян, упорядочить повинности, внедрить земледелие среди рыбаков, запретить винокурение и создание корчм. Особое внимание пасторы уделили необходимости просвещения и морального перевоспитания крестьян, использованию латышского языка при судопроизводстве²⁶.

Результаты анкетирования пасторов толкнули российские власти на некоторые изменения в своей политике, которые, в свою очередь, способствовали дальнейшей активизации латышей. Правительство предприняло ряд шагов для регулирования положения в аграрной сфере. В 1804 году было учреждено «Положение о лифляндских крестьянах». Оно признавало крестьян крепостными, но они считались прикрепленными к земле, а не к личности помещика. Это вело к запрету продажи крестьян без земли. Активизации отдельной части латышских крестьян положение способствовало и тем, что разрешало латышам-дворохозяевам передавать свои земельные владения по наследству. В дальнейшем активизации латышских крестьян способствовали новые законы – 1817 года для Курляндской губернии и 1819 года для Лифляндской губернии. Активизации крестьян служило то, что они, в соответствии с этими законами, признавались лично свободными. Еще к большей активизации вело и то, что ограничивалась их свобода передвижения, а земли признавались собственностью помещика. Крупный специалист по данной проблематике русский балтийский историк М. Духанов комментировал отмену крепостного права в Прибалтике так: «отмена крепостного права ускорила разложение феодализма и ускорила формирование капиталистического уклада. Однако господство старых отношений не было уничтожено. Крестьяне обрели лишь урезанную свободу, земля же осталась в полной и неограниченной собственности помещиков»²⁷.

Другим событием, повлиявшим на национальную активизацию латышей, была Отечественная война 1812 года и вторжение французской армии в Россию, по причине чего территория Латвии была временно занята французскими войсками. Словенский исследователь А. Ленарчич отмечает, что появление наполеоновских войск повсеместно «проветривало» местные общества. Часть латышей оказалась призванной в российскую армию, что объективно способствовало их политизации. Появление наполеоновских войск и французской администрации имело самое положительное значение для угнетенных народов. Данный факт признается большинством национальных, например, сербской и боснийской, историографий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Начало войны, поспешное отступление русской армии вели в национальных окраинах к разложению государственной структуры и старой администрации. Этот процесс был характе-

рен для всех частей Империи, занятых Наполеоном. При этом его положительные последствия были различны. Французское положительное влияние не было в полной мере реализовано на латышских территориях, так как, с одной стороны, французы не имели достаточно времени для ликвидации германского господства; с другой, российский царизм достаточно быстро смог вернуть себе влияние в Латвии, после чего репрессировал тех, кто пытался сотрудничать с французами²⁸.

В ходе войны смогли проявить себя и первые латышские объединения, возникшие еще в XVIII веке. В данном случае речь идет о братствах, которые использовали войну для укрепления своих позиций. Появление и активизация братств стали результатом роста «общественных потребностей» латышей и их «соприкосновения с развитыми культурными центрами». В латышском случае в роли таких центров выступали Германия и Россия. В братстве перевозчиков числилось, например, к 1795 году 49 владельцев лодок и 48 их сыновей. Кроме братства перевозчиков существовали братства браковщиков мачт, весовщиков, трепальщиков пеньки²⁹.

Факты этих крестьянских восстаний, которые свидетельствуют не о самом хорошем отношении к немцам со стороны латышей позволяют поставить под сомнения утверждения ряда немецких историков о том, что в Прибалтике немцы и латыши пребывали в состоянии полнейшей гармонии, что оценивалось как «длившиеся веками мирные взаимоотношения». Скорее всего, правы те историки, которые считают, что восстания крестьянства угнетенных наций в общеевропейской перспективе наводило на помещиков страх и ужас, ввергая их в панику. При этом в зарубежной историографии показано и то, что подобные крестьянские восстания угнетенных народов имели не только социальное, но и национальное значение³⁰.

К 20-м годам XIX века латышское крестьянство уже утратило свое внутреннее структурное единство и в его рамках возможно выделение нескольких социальных слоев и категорий. В 1956 году известный латышский историк Я. Зутис, комментируя эту ситуацию, писал, что в «период разложения барщинного хозяйства крестьянство уже делилось на ряд прослоек – хозяев, батраков и бобылей». Параллельно хозяева рассматривались им как основа для формирования латышской национальной сельской буржуазии. Оценка данного процесса Я. Зутис глубоко идеологична – представители латышской национальной буржуазии рассматривались им как верные приспешники немецкого дворянства и лютеранских пасторов³¹. Правда, как согласовались интересы буржуазии и крупных землевладельцев он все же не пояснял.

При этом в регионе практически не имели место политические изменения. Политическая власть была сосредоточена в органах местного немецкого самоуправления – ландтагах. Немецкие бароны, которые были и основными земельными собственниками, составляли политическую элиту региона, которая была преимущественно немецкоязычной, несмотря на то,

что они проживали на территории России. Процесс обрусения практически не затронул балтийских немцев. В регионе имел место, скорее, обратный процесс – шла постепенная, хотя и практически не приносящая результатов, германизация, как латышей, так и русских, в первую очередь представителей политической элиты. Для примера упомянем известное в Латвии начала XX века семейство фон Андреянофых. Параллельно шел процесс изменения крестьянской общности в сторону общности нового типа, на основе которой, согласно Э.Вебер, постепенно начинает складываться нация³². Теория Э. Вебер, связанная с аналогичными процессами, имевшими место во Франции, по мнению прибалтийских историков, вполне применима, в том числе и к Латвии³³.

Латышей к 1840-м годам можно рассматривать уже как в определенной мере сложившуюся общность. Отличительной чертой развития латышской общности было то, что она в отличие от наций Западной Европы была сформирована не в собственном национальном государстве и не в процессе борьбы за создание такового, а в рамках чуждой им, но развитой, государственности. Они были выделены из соседних народов этнически, лингвистически и религиозно. Правда, латыши в Российской Империи были разделены территориально. Как отмечает отечественный историк национальных движений В.И. Фрейдзон ряд наций жил в составе многонациональных Империй, будучи разделенным и административно. Латвия данного времени – это «окраинная иноязычная культурная сфера». По мнению отечественной исследовательницы национальных движений Н.Н. Грацианской ее жители были «локальной группой», которая имела ряд существенных признаков, а именно: наличие своего диалекта, существование специфических особенностей культуры, ярко выраженное самосознание. Что касается М. Хроха, он в качестве особенностей латышей на раннем этапе националистического движения обозначает память об общем прошлом, плотность и интенсивность языковых и культурных связей, наличие концепции равенства всех членов данной этнической группы³⁴.

Используя терминологию того же М. Хроха, латыши – это «non-dominated ethnic group» или «недоминирующая этническая группа» - «группа, не имеющая государственности, не имеющая правящей элиты и собственной литературной традиции на родном языке». Освобожденные без земли еще в начале XIX века, латыши, правда, в своем большинстве, были заняты в сельском хозяйстве. Шло и формирование, правда, медленное, латышского класса собственников. Экономически и культурно регион был ориентирован скорее на Западную Европу, германские земли, чем собственно на Россию – именно в этом и стоит, на мой взгляд, искать причины его особого места в экономике Российской Империи. Западный исследователь Энтони Смит считает, что группа аналогичная латышам данного этапа может быть определена как народность или индивиды «носящие опреде-

ленное имя с общими мифами происхождения, историей и культурой, с привязанностью к конкретной территории и чувством солидарности»³⁵.

Любая, даже самая робкая, попытка взаимодействия в политической сфере между прибалтийскими немцами и лояльными российскому государству латышами срывалась по причине отсутствия со стороны рыцарства какой-либо готовности к этому». Другой немецкий историк Х. Аубин так же признавал факт наличия взаимного культурного непонимания между немцами и латышами. «С нашей стороны имели место многие преувеличения, часто нам не хватало понимания других народов, нередко мы сами не проявляли даже желания понять», - писал он. При этом Лифляндия оставалось одной из наиболее развитых в экономическом плане регионов Империи – принципиальное значение настоящего аспекта признают и многие западные авторы. На фоне этой экономической развитости мы видим и сложный социально-этнический конфликт между латышами и немцами. Первые были социально бесправны и германизировались, вторые составляли властвующую элиту. Между этими группами, вне всякого сомнения, были не только различия культурного, этнического и языкового плана. Каждая из них, по терминологии М. Хроха, создавала свой образ врага³⁶.

В целом, к 1830 – 1840-м годам латыши не были ассимилированы немцами и растворены в германской среде. Немецкий язык и немецкая культура не стали для них родными. Употребление латышского (по определению М. Грушевського – «народного языка») языка никогда не прерывалось. Латыши смогли сохранить определенное «этнолокальное самосознание». Оно имело, скорее всего, именно языковой характер, но не национальный латвийский, так как понятие «Latvija» к тому времени еще не сложилось. Кроме этого к 1840-м годам возникают и идеологические расхождения, что вылилось несколько позднее в столкновение двух национализмов – немецкого и латышского. Наличие таких условий в любом регионе исключает развитие национальной культуры какой бы то ни было общности³⁷.

В Латвии к 1840-м годам уже сложился определенный и весьма специфический протонационализм. Термин национализм неуместен, так как не было организованного движения, организаций и объединений, общепризнанных лидеров и теоретиков. Движение, начавшееся во второй половине 1840-х годов, носило стихийный, религиозный характер, его лидеры были скорее религиозными мыслителями. Признаками раннего латышского протонационализма было следующее: латыши и немцы особого уважения друг к другу не питали, между ними существовало чувство взаимной отчужденности. Немцы стремились к германизации латышей, их онемечиванию. Латыши воспринимали немцев, скорее всего, как чужих. Тенденции к компромиссу и сближению во взаимных интересах между этими группами не существовало. Отличительной чертой этого раннего латышского национального движения было отсутствие национальных высших

классов, пусть и утративших национальную идентичность, как это было, например, в Чехии или в Украине.

¹ См.: Гимбутас М. Балты / М. Гимбутас. - М., 2004. - С. 113 - 185.

² См.: Дини П.У. Балтийские языки / П.У. Дини. - М., 2002. - С. 27 - 190.

³ Ковачев А. Българското краезнание в периода 1878 – 1912 г. / А. Ковачев. - Велико Търново, 1999. - С. 8; Акто́н Л. Принцип национального самоопределения / Л. Акто́н // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 29; Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII – XIX вв. / А.С. Мельников. - СПб., 1997. - С.8.

⁴ Нольте Х.-Х. Индивидуализм и нация на Западе / Х.Х. Нольте // Из истории международных отношений и европейской интеграции. - Воронеж, 2003. - С. 21; Богданова И.А. Литература конца XVIII в. – 30-х годов XIX в. / И.А. Богданова // История словацкой литературы. - М., 1979. - С. 25; Георгиева Ц. Пространството на българите и неговите граници през XV – XVII в. / Ц. Георгиева / Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски». - Исторически факултет. - 1995. - Т. 88. - С. 5 – 36.

⁵ В данной диссертации понятие «Латвия» означает территории, населенные латышами и входившие в состав Российской Империи. Хотя в рассматриваемый этап оно не употреблялось, в настоящей диссертации оно широко используется вместо понятий «Лифляндия», «Курляндия» и «Латышский край». Под последним понимали южные уезды Лифляндской губернии и часть Витебской губернии (Латгале), населенную латышами.

⁶ О балтийских немцах и их роли в истории Латвии существует огромная немецкая историография. См.: *Aufklärung in den baltischen Provinzen Rußlands* / hrsg. O.-H. Elias. - Köln - Wien, 1996; *Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Entwicklung des Russischen Reiches von der zweitenn Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg* / hrsg. A. Eisfeld, B. Meissner. - Köln 1999; *Deutsche, Deutschbalten und Russen. Studien zu ihren gegenseitigen Bildern und Beziehungen* / hrsg. K. Meyer. - Lüneburg 1997; *Pistohlkors G. von, Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder* / G. von Pistohlkors. - Berlin, 1994.

⁷ Horvath P. *Vývoj národnostného zlozenia a nírodných ideológií v Uhorsku v XVIII storočí* / P. Horvath // *Historicky časopis*. - 1993. - No 3. - S. 455; Енш Г. Производство бумаги в Латвии до середины XIX века / Г. Енш // Из истории техники. - Т.5. - Рига, 1965; Jenšs J. *Kapitālistiskā manufaktūra Vidzemē XVIII gs. beigās* / J. Jenšs. - R., 1951; Ronis J. *Kapitālisma attīstība Latvija 19.gs. otrā pusē* / J. Ronis // *Padomju Latvijas Skola*. - 1948. - No 12; Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. - М., 2000. - С. 32; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 147; Хрох М. Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 9.

⁸ О понятии, термине «инородцы» и его эволюции см.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. - М., 2000. - С. 88; Mugurevics A. *Ethnis Processes in Baltic-inhabited territories and the Emergence of the Latvian Nation in the 6th to the 16th century* / A. Mugurevics // *Social Sciences in Latvia*. - Vol. 3. *Latvian Ethnic History*. - 1997; Slipičević F. *Opšta i nacionalna istorija* / F. Slipičević. - Beograd, 1968. - S. 175; Slocum J. *Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia* / J. Slocum // *Russian Review*. - Vol. 57. - No 2. - 1998. - P. 173 - 190.

⁹ Ковачев А. Българското краезнание в периода 1878 – 1912 г. - С. 16; Козлов В.И. Общее и особенное в формировании молдавской буржуазной нации / В.И. Козлов // Формирование молдавской буржуазной нации. - Кишинев, 1978. - С. 6; Нольте Х.-Х. Инди-

видуализм и нация на Западе. - С. 18; Лисяк-Рудницький І. Історичні есе / І. Лисяк-Рудницький. - Т.1. - Київ, 1994. - С. 424; Пюимеж Ж. де, Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма / Ж. де Пюимеж. - М., 1999. - С. 188; Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX веке / А. Миллер // Россия - Украина: история взаимоотношений / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 151.

¹⁰ Нольте Х.-Х. Индивидуализм и нация на Западе. - С. 18; Записки православного латыша Индрика Страумите // Самарин Ю.Ф. Соч. - Т. 8. - М., 1890. - С. 262; Sederberg A.R. Suomen historia varpaudenajalla / A.R. Sederberg. - Porvoo-Helsinki, 1947. - S. 592; о теории А. Седерберга см.: Такала И.Р. Идеиние истоки национального движения в Финляндии / И.Р. Такала // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. - Петрозаводск, 1980. - С. 96 – 97; Rauch G. von, Die nationale Frage in den russischen Ostseeprovinzen im 19. Jahrhundert / G. von Rauch // Der Ostseeraum im Blickfeld der deutschen Geschichte. - Köln-Wien, 1970. - S. 165 - 181; Обушенкова Л.А. Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций / Л.А. Обушенкова // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 51; Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XIX века / В.И. Фрейдзон. - Дубна, 1999. - С. 32.

¹¹ Струкова К.Л. Об особенностях развития сербской и болгарской наций / К.Л. Струкова // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 62.

¹² Aubin H. An einem neuen Anfang der Ostforschung / H. Aubin // Zeitschrift für Ostforschung. - 1952. - Hefte 1; Кудрявцев О.Ф. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви» / О.Ф. Кудрявцев // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина жизни одного мельника жившего в XVI веке / К. Гинзбург. - М., 2000. - С. 5; Гинзбург К. Сыр и черви. - С. 31; Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский Проспект», или исповедь историка / А.Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. - М., 1994. - С.27; Токарев П.М. Краткая история латышского народа / П.М. Токарев. - Рига, 1915. - С. 78.

¹³ Unams Ž. Krievu laiki Latvija / Ž. Unams. - R., 1936; Svēlpis A. Jautājums par Jaunā Stendera pārvācšanas propagandu / A. Svēlpis // Ученые записки Латвийского государственного университета имени П. Стучки. - Т. 159. Германия и Прибалтика. - Рига, 1972. - lpp.50; Straubergs J. Vecā Rīga / J. Straubergs. - R., 1951. - lpp. 95; Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture / T. Zeiferts. - R., 1993; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 59; Хрох М. Ориентация в типологии. - С. 16.

¹⁴ Vipers R. Vēstures lielās problēmas / R.Vipers. - R., 1940. - lpp. 125; Зейдс Т.Я. Образование латышской народности в отображении письменных источников / Т.Я. Зейдс // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. - Рига, 1980. - С. 60; Лай Т.-Л. Философские размышления о боге, мире и человеке / Т.-Л. Лай // Zinātniskie raksti. - LXI sējums. Vēstures zinātnes. - 4. izlaidums. - R., 1965. - lpp. 95.

¹⁵ Гинзбург К. Опыт истории культуры: философ и ведьмы / К. Гинзбург // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». - М., 1993. - С. 33; Варпио Ю. Страна Полярной Звезды. Введение в историю культуры и литературы Финляндии / Ю. Варпио. - СПб., 1998. - С. 27; Подмазов А.А. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления (на материалах Латвийской ССР) / А.А. Подмазов. - Рига, 1985. - С. 140; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. - СПб., 1998. - С. 75; Вассар А., Кахк Ю. Земельный вопрос в антифеодальной идеологии эстонского крестьянства / А. Вас-

сар, Ю. Кахк // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. - Тарту, 1975. - С. 48 – 49.

¹⁶ Кацунов В. Этническое самосознание на болгарите през XV – XVII в. / В. Кацунов // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. - Т. 88. - 1995. - С. 39; Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union / R.G. Suny. - Stanford, 1993. - P. 12.

¹⁷ Bruiningk H. Der Werwolfwahn in Livland / H. Bruiningk // Mitteilungen aus der livländische Geschichte. - Bd. XXII. - 1924; Straubergs K. Vilkvaču ideoloģija Latvijā / K. Straubergs // Latviešu vēsturnieku veltījums prof. Dr. Robertam Viperam. - R., 1939.

¹⁸ Лаптева Л.П. Борьба лужицких сербов за национальную самобытность в первой половине XIX века / Л.П. Лаптева // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. - Вып. 1. - Воронеж, 2002. - С. 72; Зейдс Т.Я. Образование латышской народности в отображении письменных источников / Т.Я. Зейдс // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. - Рига, 1980. - С. 61; Розенберг Я. Прусы в латышских народных песнях / Я. Розенберг // Фольклор балтских народов. - Рига, 1968. - С. 140.

¹⁹ О латышских крестьянах в XIX столетии существует ряд русскоязычных работ. См.: Strods H. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu (18.gs. 80. gadi – 19.gs. 60 gadu sākumam) / H. Strods. - R., 1972; Брежго В. Волнения латгальских крестьян, вызванные реформой 19 февраля 1861 года / В. Брежго // Известия АН Латвийской ССР. - 1955. - № 8; Брежго Б. Очерки по истории крестьянских движений в Латвии, 1577 - 1907 / Б. Брежго. - Рига, 1956; Грейтъянис И. Формы протеста и борьба крестьян против остатков крепостничества в Латвии в 80-х гг. XIX века / И. Грейтъянис // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. - Рига, 1963; Козин М. Аграрная политика царизма в Прибалтике в 60-е годы XIX века / М. Козин // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1960 год. - Киев, 1962; Сваране М. Процесс формирования латышской буржуазии в курземской и видземской деревне в 30 - 50-е годы XIX века / М. Сваране // Тезисы докладов, посвященных 75-летию академика Я. Зутиса. - Рига, 1968; Стродс Х. Проект латышских крестьян об отмене крепостного права и барщины в 1810 году / Х. Стродс // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1968 год. - Л., 1972.

²⁰ Хоффер Э. Истинноверующий / Э. Хоффер. - Мн., 2001. - С. 23.

²¹ Stepermanis M. Zemnieku nemieri Vidzemē. 1750. – 1784 / M. Stepermanis. - R., 1956; Zutis J. Latvija kļaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802.gadā / J. Zutis. - R., 1953; Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc / E. Le Roy Ladurie. - Paris, 1967. - Т. 1. - P. 412; Ярв А. История Эстонии / А. Ярв // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокиппи. - Ювяскюля, 1995. - С. 112; LPSR Mazā enciklopedija. - R., 1968. - Vol. 2. - lpp. 54; Миллер И.С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ / И.С. Миллер // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 6 – 7.

²² Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма / Р. Шартье // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». - С. 42; Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc / E. Le Roy Ladurie. - Paris, 1967. - Т. 1. - P. 643.

²³ Stepermanis M. Lielās liesmas atblāzma: Latvija franču buržuaziskais revolūcijas laikā, 1789. – 1798 / M. Stepermanis. - R., 1971; Степерманис М. Влияние французской революции 1789 - 1894 годов на аграрный вопрос в Латвии / М. Степерманис // Ежегодник

аграрной истории Восточной Европы за 1960 год. - Киев, 1962; Kāpostiņš A. Vidzemes zemnieku nemieri Kaugurmuižā 1802. g. / A. Kāpostiņš // Valsts arhīva raksti. - R., 1924; Draudiņš T. Kauguru nemieri / T. Draudiņš // Literatūra un Māksla. - 1950. - No 40; Миллер В.О., Мелькисис Э.А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля / В.О. Миллер, Э.А. Мелькисис. - М., 1977. - С. 146; Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. - М., 2002. - С. 45.

²⁴ Wolf E.R. Peasants. - P.106.

²⁵ Роде Ф. Взгляд на словенскую историю / Ф. Роде // Словенско-русский альманах. История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. - М., 2001. - С. 88.

²⁶ Vipers R. Vēstures lielās problēmas / R. Vipers. - R., 1940. - lpp. 125; Стродс Х. Взгляды немецких пасторов в Лифляндии по вопросу о крепостном праве в период Каугурского восстания / Х. Стродс // Германия и Прибалтика. - Вып. 5. - Рига, 1978. - С. 122 – 129.

²⁷ Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50 – 70-е гг. XIX века и критика ее апологетической историографии / М.М. Духанов. - Рига, 1978. - С. 9.

²⁸ Ленарчич А. Словения в веках. Рассказ о моем народе / А. Ленарчич. - Любляна – М., 2002. - С. 11; Шишић Ф. Југословенска мисао / Ф. Шишић. - Београд, 1937. - С. 51 – 55; Slipičević F. Opšta i nacionalna istorija / F. Slipičević. - Beograd, 1968. - S. 176 – 177; Ерашэвіч А.У. Камісія часовага урада ВКЛ 1812 г.: асаблівасці фарміравання, структура, функцыі, умовы дзейнасці / А.У. Ерашэвіч // Французска-русская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд. - Мн., 2003. - С. 44; Радзюк А. Канфіскацыя як сродак барацьбы з сепаратысцкімі настроямі на землях Беларусі ў часы Аляксандра I / А. Радзюк // Французска-русская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд. - Мн., 2003. - С. 68 - 84.

²⁹ История македонского народа / ред. М. Апостоловски. - Скопье, 1975. - С. 117; История Латвийской ССР / ред. К.Я. Страздинь, Я.Я. Зутис, Я.П. Крастынь, А.А. Дризул. Т. 1. - Рига, 1952. - С. 419.

³⁰ Hubatsch W. Eckpfeiler Europas. Probleme des Preussenlandes in geschichtlicher Sicht / W. Hubatsch. - Heidelberg, 1953. - S. 129; Krestić V. Seljački nemiri u Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih godina XIX vijeka / V. Krestić // Zbornik Historijskog instituta. T. 5. - Zagreb, 1963. - S.425; Slipičević F. Opšta i nacionalna istorija. - S. 206.

³¹ Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvīvaišana 19. gs. 20. gados / J. Zutis. - R., 1956. - lpp. 192, 208. – 209.

³² По данной проблеме конкретных исследований практически не существует, но есть ряд теоретических работ, посвященный вопросам теории или истории Западной Европы, где имели место процессы аналогичные тем, что протекали в Латвии – см.: Lenski G. Power and Privilege. Theory of Social Stratification / G. Lenski. - N.Y., 1966; Weber E. Peasants into Frenchmen / E. Weber. - L., 1979.

³³ Sirutavičius V. “Liaudis virsta tauta”: E. Weber paradigma / V. Sirutavičius // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. - Vol. 4. Liaudis virsta tauta. - Vilnius, 1993. - P. 419 – 436.

³⁴ Миллер И.С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ / И.С. Миллер // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 8 – 9; Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. - С. 4; Данилова А.В. Хорватская культура (1835 – 1867) / А.В. Данилова // Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20 – 70-е годы XIX века. - М., 1991. - С. 117; Грацианская Н.Н. Этнографические группы Моравии: к истории этнического развития / Н.Н. Грацианская. - М., 1975. - С. 169; Хрох М. От национальных движений к полно-

стью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 122.

³⁵ Хрох М. Ориентация в типологии. - С. 10; Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. - Oxford, 1986. - P. 32.

³⁶ Pistohlkors G. von Die Weg zur Minderheit / G. von Pistohlkors // Baltische Briefe. - 1982. - No 11; Aubin H. Grundlagen und Perspektiven geschichtlicher Kulturaumforschung und Kulturmorphologie / H. Aubin. - Bonn, 1965. - S. 770; Хрох М. Ориентация в типологии. - С. 13 – 14.

³⁷ Грушевский М. Иллюстрированная история украинского народа / М. Грушевский. - СПб., 1913. - С. 347, 352; Мыльников А.С. Народы... - С. 14.

НЕМЕЦКИЙ ПОСЕЛЕНЕЦ, БАРОН, ПАСТОР И ЛАТЫШСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В 1800 – 1850-Е ГГ.: МЕТАМОРФОРЗЫ ОТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Первыми отцами латышского национализма, как ни странно это звучит, были именно немцы, в особенности, лютеранские пасторы, которых, используя терминологию историка Т. Завалани, можно определить как «иностранный интеллектуальный стимул», или же в соответствии с советскими концепциями «распространителей религиозного мировоззрения среди крестьян». Состояние немцев в Латвии балтийский немецкий автор М. Хатцель описывал так: «немецкие патриции управляли прибалтийскими городами на манер средневековья, они господствовали экономически и юридически в муниципалитетах и гильдиях, от членства в которых все другие национальности были отстранены, официальным языком в крае считался немецкий, на нем велись судебные и административные дела, преподавание в школах». Иными словами, немцы были иноземным правящим классом, который доминировал над чуждыми им этническими группами, которые занимали компактные территории, не обладая при этом собственной этнической элитой¹.

Активность пасторов можно объяснить тем, что «в латышском языковом ареале господствовало немецкое культурное влияние»². Преемственность между представителями более ранней немецкой культурной и более поздней местной национальной элиты неоднократно отмечалась и констатировалась еще в советской историографии – при этом данная особенность рассматривалась как общая для большинства национальных движений в Средней Европе в XIX веке³. Будучи в состоянии германизировать землю через координальное изменение ее облика и ландшафта, но не в силах онемечить ее обитателей через прививание им немецкого языка и культуры, немцы уже к концу XVIII столетия начинают проявлять интерес к тому, что в 1864 году пастор Вальтер назовет «исчезающими расами», а сам немецкий интерес – «сожалением». Объектом этого интереса, отмеченного пастором Вальтером и ставшего результатом провала всех попыток германизации, были латыши и латышский язык, значение которого постепенно начинало меняться – он перестает быть только кладезем народной культуры, а становится сферой политического, экономического, юридического и образовательного интереса. Осветим основные моменты этого немецкого интереса к латышам и латышскому языку, которые Р. Виппер (Виперс) свел к тому, что для крестьян кто-то «сочинял песни, придумывал игры и праздники»⁴.

Первые проявления этого интереса можно обнаружить в XVI веке. Интересу способствовало то, что немцы и латыши не жили изолированно, так как на территории Латвии существовал такой тип проживания властвующего и угнетенного населения, при котором господа не изолированы

от крестьян, а живут в крестьянской массе, выполняя над ними свои властные функции. Первыми, кто стал писать по-латышски, были немцы. Одна из первых латышских записей датируется 1522 годом и представляет собой список членов гильдии латышских ремесленников. В 30-е годы XVI века появились три сборника песен на латышском языке – их авторами были Иоганн Экс и Николав Рамм. В 1585 году Петер Канизий в Вильнюсе издал на латышском языке Католический катехизис. В 1586 году появился аналогичный текст, изданный протестантами. Скорее всего, П. Канизий не был первым, кто писал по-латышски: он был первым, чьи работы дошли до нас. Известно, что первая латышская книга была написана в Германии еще в 1525 году либо балтийскими немцами, либо латышами. Ее текст до нас не дошел. Это, скорее всего, была религиозная книга для нужд богослужения. Она была, по всей вероятности, уничтожена католиками, захватившими судно с ними по пути в Ригу. Известно, что С. Мюнстер в одну своих книг включил текст молитвы на латышском языке. Протестантский проповедник Николав Рамм выполнил перевод некоторых религиозных текстов на латышский язык. Но до XVII века использование латышского языка имело эпизодический характер. С XVII века немецкие пасторы начинают более часто использовать латышский язык, что советская историография объясняла их стремлением укрепить авторитет церкви как одной из основ немецкого господства в Прибалтике. Систематический интерес к нему возник лишь в XVII – XVIII веках. Он связан с деятельностью немцев, главным образом, пасторов. Наиболее важными фигурами среди балтийского германства были Георг Манцель, К.Г. Эльверфельдт, Г. Меркель, Э. Глюк, Х. Фюрикер, И. Вишманн, Г.Ф. Стендер, А.И. Стендер⁵.

Георг Манцель (1593 – 1654) был немецким пастором, который написал несколько работ на латышском языке и по проблемам грамматики латышского языка. Это подтверждает предположение итальянского балтиста Пьетро У. Дини о том, что первые немецкие авторы, писавшие на латышском языке были билингвами и трилингвами. Примечательно то, что работы пастора не были адресованы латышам, они предназначались для немецких пасторов, «которые пожелают остаться в Курземе, Земгале и в латышской части Лифляндии, чтобы здесь честным образом зарабатывать свой хлеб». При этом латышский язык Г. Манцеля еще не совсем точен и содержит много ошибок. В процессе своих переводческих усилий немцы должны были преодолеть столь большое количество трудностей, что грамматика для них была нередко неважна, будучи делом второстепенным. Тексты Манцеля свидетельствуют о том, что он относительно хорошо владел структурой латышского языка⁶.

Манцель, в отличие от других немцев, латышским языком интересовался и к записи разных латышских слов подходил более тщательно. Именно он упорядочил написание латышских слов, заложив, тем самым, основы «старой орфографии». В 1638 году Г. Манцель издал словарь

«Lettus», кроме этого перу Манцеля принадлежит сборник упражнений по латышскому языку («Phraseologia Lettica») и образцы речи на латышском языке – «Zehen Gesprache». В 1654 году вышла, пожалуй, самая интересная работа Манцеля – «Долгожданный латышский сборник проповедей» («Langegewunschte lettische Postill»). В латышской историографии Манцель рассматривается почти как латышский автор. В. Сталтмане, например, называет его Манцелисом, подчеркивая, тем самым, его латышскость. Итальянский балтист П.У. Дини считал, что в основе латышского языка первых немецких работ лежит латышский язык Риги и ее окрестностей. В латышском языке данного этапа итальянский исследователь отмечает влияние средненемецкого и земгальского латышского диалекта⁷.

Христоф Фюрикер, или Фирикер (1615 – 1685), перевел на латышский около 180 псалмов Лютера и других немецких авторов, впервые введя рифму в латышский язык⁸. Латышский язык Х. Фюрикера выглядит по сравнению с языком Г. Манцеля более латышским. Это следует объяснять тем, что он лучше знал язык и, скорее всего, использовал его в быту, так как был женат на латышке. Иоганн Вишманн (умерший в 1705 году) в 1697 году написал книгу «Der unnteutsche Opitz» («Ненемецкий Опитц»), которая представляла собой руководство к сочинению и переводу песен. Эрнст Глюк (1652 – 1705) в 1685 году перевел на латышский язык Новый Завет – «Jauns Testaments». Латышский историк П. Зейле отмечал, что перевод, составленный Э. Глюком, имеет большое культурно-историческое значение⁹. Религиозные переводы сыграли очень значительную роль в становлении латышского языка и национального чувства среди латышей, пусть и пока среди их незначительной части. Это подтверждает предположение Б. Андерсон о том, что многие нации стали результатом воображения связанного со священными текстами, в особенности – с их языком¹⁰.

Среди немецких авторов особое место занимают пасторы – отец и сын Стендеры. Готхардт Фридрих Стендер (1714 – 1796)¹¹, известный в историографии как Старый Стендер (по-латышски – Vecais Stenders)¹² оставил несколько работ по грамматике латышского языка – «Новая, более полная латышская грамматика» («Neue vollstandigere lettische Grammatik», 1761), «Латышская грамматика» («Lettische Grammatik», 1783), «Латышский лексикон» («Lettische Lexikon», 1789). Ему принадлежат и сборники художественных произведений на латышском языке («Zingu lustes», «Прелестные басни и рассказы» 1766 года, «Басни и рассказы» 1789 года) и первый латышский труд по естествознанию («Книга высокой мудрости» – «Augstas Gudrihbas Grahmata no Pasaules un Dabas» 1774 года)¹³. В латышской историографии признавались определенные заслуги немецкого автора в исследовании и изучении латышского языка¹⁴, в советской латвийской историографии Старый Стендер рассматривался как деятель реакционного плана, которые вел борьбу против «свободомыслия, атеизма и вольтерьянства»¹⁵.

Его сын, Александр Иоганн Стендер (1744 – 1819), так же известен как автор ряда работ на латышском языке. Важнейшие в их ряду – «Песни, волшебные песни, сказки» (1805, «Dziesmas, stahstu dziesmas, pasakas»), «Веселье крестьянина, в помещика обращенного» (1790, «Lustesspehle no zemneeka, kas par muižhneeku tapa pahrvehrsts»)¹⁶. В 1804 году вышла книга сентиментальной поэзии на латышском языке, автором которой так же был немец. Это была «Книга утех» или «Lihs Mihbas grahmata», которая содержит переводы с немецкого на латышский, выполненные Карлом Готхардтом Эльверфельдом (1756 – 1819) и его пьеса «Bertulis un Maja». Заслуга Юного Стендера, как его нередко называют в латвийской историографии, состоит в переводе на латышский язык ряда стихотворных текстов, что способствовало его обогащению и делало возможным дальнейшее развитие языка уже по инициативе национальных деятелей свободных от немецкого влияния. Например, Юный Стендер для перевода использовал следующий немецкий текст: «Die Erde trinkt Wasser. Die Meer trinkt die Sonne. Die Sonne trinkt das Meer. Alles, was auf der Welt ist, trinkt. Warum soll ich auch nicht trinken nach aller Gebrauch?» На латышский он перевел этот текст таким образом: «Zeme dzer ūdeni, Jūra dzer sauli. Saule dzer jūru, Visi dzer pasaulē, Kādēļ es lai nedzeru, Sakiet jel man?» («Земля пьет воду, море пьет солнце, солнце пьет море, все пьют мир, почему же я ничего не пью?»)¹⁷.

Очень много для роста интереса немцев к латышам (и тем самым для развития предпосылок для зарождения латышского национализма) сделал Гарлиб Меркель (1769 – 1850), по определению литовской националистической газеты «Vienybė lietuvninkus», «апостол единства латышей», «активный, темпераментный и страстный публицист». В латышской историографии он традиционно рассматривался как носитель прогрессивных идей и один из предшественников латышского общественного мнения, латышской политической мысли. Меркель (получивший в немецкой историографии не самую лестную оценку, но идеализируемый в советской исторической литературе)¹⁸ написал ряд книг на немецком языке, а именно – «Die Letten vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts», которая позднее была переведена на русский и латышский языки, «Wannen Ymanta» и «Die Vorzeit Lieflands». Кроме этого он - автор нескольких статей по латышской проблематике¹⁹.

«Wannen Ymanta» представляет собой размышления Меркеля о латышской донемецкой истории, которую он, по сути, и придумал. В его книге фигурируют вождь Видевутс, священная роща Ромова, боги Перконс, Потримпс и Пиколс. Книга «Ваннен Иманта» посвящена борьбе латышей с немцами – вождю Иманте, погибшему в бою с предателем Каупо²⁰. Наличие подобных идей в книге Гарлиба Меркеля позволяет найти в его творчестве идеи романтизма. По данной причине, Г. Меркеля можно рассматривать как «романтиком внутри просветительства».

Гарлиб Меркель был одним из первых немецких авторов, кто констатировал элементы национального самосознания у латышей, направленного, в первую очередь, против немцев. Он считал, что единственное чувство, которое латыши в состоянии испытывать в отношении немцев, это ненависть «в соединении с горьким отвращением». Немецкий автор считал, что латышский крестьянин самому понятию «немец» придает особое значения, понимая под ним все исключительно самое плохое и опасное для него. В связи с этим он приводит пример суда над латышскими крестьянами, которые убили проходившего мимо них охотника только из-за того, что он был неместным и к тому же немцем. Подводя итог антинемецким настроениям латышей, Гарлиб Меркель заключает, что в случае «общего восстания ни одна немецкая нога не уйдет отсюда», предвидя, видимо, полное истребление немцев восставшими латышами. Советская латвийская историография, рассматривая творчество Г. Меркеля, указывала неоднократно на прогрессивное значение его взглядов для развития латышского крестьянства. Однако в вину ему ставили то, что он не понимал классовой сущности существовавшего порядка, не призывал крестьян к революционной борьбе. В целом же характер его работ оценивался как «ограниченный»²¹.

Фигура Г. Меркеля – исключение среди всех балтийских немецких деятелей в рамках немецкой историографии. Если другие немецкие деятели в своем большинстве оценивались негативно, то Меркель идеализировался, рассматривался как первый латышский национальный деятель. Еще в XIX веке о нем писали: «нетленный памятник он воздвиг себе в сердцах латышей: пока латышский народ будет существовать и вкушать плоды свободы, он с благодарностью будет вспоминать борца за свободу – Гарлиба Меркеля»²². Гарлиб Меркель рассматривался латышским историком К. Ландерсом как «один из самых лучших и искренних друзей латышей», который «в очень определенных и ярких красках отобразил жизнь и страдания латышских и эстонских рабов под варварским игом немецких баронов, выступал за человеческие права этих угнетенных народов, за облегчение их судьбы». При этом К. Ландерс в некоторой степени идеализировал Г. Меркеля: «память этого первого страстного борца за свободу латышей останется дорогой каждому развитому латышскому гражданину – народ не забудет того, кто в те страшные времена так последовательно и смело выступил в защиту его, в грязи затоптанных, прав»²³.

По инициативе немцев, этих, по словам современного эстонского историка Н. Басселя, просвещенных интеллигентов, переживавших «брожение в умах», были созданы и первые культурные организации – «Латышское литературное общество» и «Рижское общество для изучения истории и древностей». Первое было широко известно как Общество друзей латышей. Это общество было призвано изучать латышский язык. Его участники стремились остановить развитие независимой латышской литературы. В

Обществе наряду с немцами было и несколько латышей – Ансис Ливенталс и Юрис Барс – сын латышского кузнеца, врач, автор незаконченного немецко-латышского словаря и один из первых переводчиков Крылова на латышский язык. Немцы стояли у истоков и первых латышских газет. В 1768 году увидели свет 25 «номеров» (точнее – «листов») «Латышского целителя или истинного поучения о болезнях». В 1822 году немцы начали издание «Латышской газеты» («Latweeschu Avihzes»). Подобная издательская активность немецких пасторов встретила одобрение части образованных латышей, которые считали, что развитие латышской культуры возможно при помощи немцев. При этом не все латыши относились к данной немецкой деятельности позитивно. Например, позднее часть латышских авторов отзывалась о немецких изданиях на латышском языке крайне негативно²⁴.

В этой газете печатались и работы, авторами которых были латыши, отличительной чертой которых была маргинальность²⁵, так как ранние латышские авторы еще не имели четко выраженного национального самосознания и политической программы. Общие идеи первых латышских авторов можно свести к религиозности и романтизму. В западной историографии таких ранних национальных деятелей рассматривают как «первое романтическое поколение»²⁶. Одним из первых таких латышских авторов был К. Крауклинг²⁷. Он был сыном зажиточного латышского торговца, смог получить образование. Много лет он жил в Германии, где стал директором Саксонской королевской библиотеки и редактором «Дрезденской газеты». Крауклинг печатал свои работы в газете под именем «Kurzemes dēls». Обращение в подписи к Курземе говорит о постепенном формировании национального латышского самосознания. Использование слова Kurzemes было шагом к понятию Latvijas. Вместе с Крауклингом в газете «Latweeschu Avihzes» печатались Пурмалс, который был садовником, и Матисс Витиныйш, бывший ключником²⁸.

Деятельность немецких просветителей в Российской Прибалтике имела важные результаты для балтийских наций, в том числе и для латышей. Наиболее активный период деятельности просветителей в общеевропейских рамках направленной на развитие культур угнетенных народов датируется 1780 – 1810 годами. После этого угнетенные нации смогли обрести уже своих национальных деятелей. Современный эстонский историк Н. Бассель комментирует это иностранное влияние как введение балтийских наций в мир европейской культуры. «Вхождение в немецкоязычную языково-культурную общность при всех плюсах и минусах этого вхождения является неоспоримым историко-культурным фактом духовной родословной народа и его культуры. Принадлежность к этой общности способствует формированию европейскости культуры», - пишет он. Н. Бассель считает, что балтийские народы прошли культурное развитие до XIX века так же в рамках немецкой европейской культурной школы. Эстонский немец-

кий историк Аксель де Фриз считал, что благодаря деятельности немецких просветителей «прибалтийские народы, эстонцы и латышами, тесными узами судьбы оказались связанными с западом»²⁹.

Другие историки, напротив, несклонны преувеличивать значение зарубежного влияния на процесс национальной активизации. Они склонны искать ее причины и истоки исключительно в проблемах внутренней истории той или иной территории. Впервые в историографии данная теория в европейской перспективе вообще была детально представлена и теоретически разработана хорватским историком Ф. Фанцевым. Хорватский историк Я. Шидак отмечал, что основы большинства национальных движений европейских народов были заложены именно в период после Великой французской буржуазной революции, датируя эти события 1790 – 1827 годами и были связаны с особенностями именно местного, культурного, политического и экономического, развития. В пользу незначительной роли немецкого влияния на возникновение национального движения на латышской территории говорят и свидетельства некоторых немецких деятелей XIX века, которые под сомнение ставили факт позитивного влияния угнетателей на угнетенных. Например, Иоганн Готфрид Зейме писал: «предки нынешних родовитых дворян под знаменем религии принесли свободолубивому народу нищету и рабство»³⁰.

Как видим, на раннем этапе развития латышского национального движения число его носителей и сторонников было невелико. Скорее всего, оно было минимально и незначительно. К 1850-м годам число национально сознательных и активных в обществе латышей едва превышало десять – двадцать человек. Эти ранние латышские националисты не имели никакого политического института для выражения своих идей. Ни один институт в Латвии того времени не мог официально предоставлять их интересы. Поэтому, высшие слои латышского общества того времени отвернулись от современности и нередко обращались к миру фантазий и мечтаний. Этот мир был исключительно созданием ранних латышских литераторов³¹. По данной причине, актуально замечание французского историка Р. Шартье о том, что при изучении идеологии общественных движений исследователь особое внимание должен уделять проблеме распространения новых идей и степени их проникновения в широкие народные массы³². Видимо, на раннем этапе развития латышского национального движения степень проникновения национальных идей в массы была крайне незначительной.

Немцы в Прибалтике сделали много для начального изучения латышского языка и начала его литературного оформления. Итальянский исследователь П.У. Дини комментировал это так: «в ареале латышского языка было два общих момента важных для нивелирования разных диалектов и способствовавших определенной языковой унификации». Таким фактором он считает немецкое лютеранское богослужение³³. В латышском случае мы

можем говорить об определенном немецком «цивилизационном влиянии»³⁴ немцев на латышей. Этим самым они подготовили почву для дальнейшей активизации латышского национального движения, для возникновения латышского национализма – на появление первых латышских авторов, в том числе и Индрикиса Страумитса (Яниса Лициса), творчество которого будет подробно рассмотрено ниже. Развитие латышской национальной литературы началось в первой четверти XIX века, когда появились писатели, имена которых нам известны. Македонские историки определяют этот общий для многих европейских наций феномен как «возрождение после глубокой вековой анонимности»³⁵. При этом роль германского элемента на данном этапе еще была очень значительной. Немцы были идейными отцами латышского национализма. Они стали первопроходцами в изучении латышского языка и латышских народных традиций. При этом именно немцы были представителями не просто правящей элиты, а элиты чуждой как культурно, так и в языковом отношении³⁶.

Деятельность немцев, заинтересованных в изучении латышского языка и истории, имела свои результаты, особенно в использовании языка в религиозной службе. Итальянский исследователь П.У. Дини по этому поводу пишет: «литургические гимны не отражали какого-либо определенного диалекта и более всего другого способствовали выработке литературного стандарта; кроме того, слушая проповеди, латышские крестьяне имели возможность совершенствовать собственный повседневный стиль»³⁷. При этом немцы вовсе не предполагали, что результаты, а тем более последствия их деятельности будут такими. По началу, интересуясь латышским языком, немцы полагали, что это будет лишь способствовать германизации. Именно поэтому, немцы не возражали против ограниченного преподавания в церковных школах пасторами латышского языка, так как считали, что латышский язык со временем умрет собственной смертью³⁸.

При рассмотрении немецкой активности следует упомянуть Матисса Стобе начавшего в 1797 году издание первого журнала “*Latviska gada grahmata*”. Издание, правда, продолжалось недолго и после двух лет в 1798 году прекратилось из-за недостатка читателей. Однако подобная деятельность имела свои результаты. Латышские историки языка и литературы считают, что это привело к возникновению старого правописания и выработки первых литературных норм. Язык, культивируемый немцам, латышские исследователи обозначают как *veclatviešu rakstu valoda* (язык старых латышских письменных текстов), который в историографии нередко противопоставляется *latviešu literātura valoda* (латышский литературный язык).

Таким образом, немецкое отношение к латышам было достаточно противоречивым. С одной стороны, немецкие авторы видели в латышском крестьянстве необразованную массу, которую следовало германизировать. С другой стороны, понимая, что уровень социального развития латышей традиционен и не создает объективных условий для их быстрой германи-

зации, немецкие авторы в Латвии были вынуждены обратить свое внимание на латышей. Так началось изучение латышского языка и культуры, у истоков чего стояли именно немецкие балтийские деятели.

Несколько веков немецкой просветительской деятельности в регионе дали свои результаты. Были созданы первые обобщающие исследования посвященные языку и культуре латышей. Именно немецкие ученые и просветители предприняли первые попытки кодификации латышского языка. Более того, оно привлекали в сферу культурной активности и отдельных латышей, что создавало объективные предпосылки для развития собственно латышской культуры.

¹ Svēlpis A. Evangeliski-luteriskā baznīca sabiedriskā attiecību sistēmā Latvijā XV- gs. – XIX gs. I pusē / A. Svēlpis. - R., 1978; Zavalani T. Albanian Nationalism / T. Zavalani // Nationalism in Eastern Europe. - L., 1994. - P. 56; Svēlpis A. Jautājumā par Jaunā Stendera pārvācāšanas propagandu. - lpp. 52; Haltzel M. Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands. Ein Beispiel zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855 – 1905 / M. Haltzel // Marburger Ostforschungen. - Bd. 37. - 1977. - S. 1; Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации / М. Хрох // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 123.

² Дини П.У. Балтийские языки / П.У. Дини. - М., 2002. - С. 318.

³ См. напр.: Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи / В.А. Моторный, К.К. Трофимович. - Львов, 1987. - С. 28 – 29.

⁴ Бройи Д. Подходы к исследованию национализма / Д. Бройи // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 209; Vipers R. Vēstures lielās problēmas / R. Vipers. - R., 1940. - lpp. 126.

⁵ Wolf E.R. Peasants. - P. 10; Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 59 – 60; История Латвийской ССР. Краткий курс. - Рига, 1971. - С. 173 - 174; Grabis R. Pārskats par 17. gadsimta latviešu valodas gramatikām / R. Grabis // LPSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti. - No 5. - 1965. - lpp. 260; Hilner G. Ernsts Glücks: latviešu bībels tulks, miera darbos un kara briesmās / G. Hilner. - R., 1918; Zemzaris T. Ernesta Glūcka ziņojumi Vidzemes virskonsistorijai / T. Zemzaris // LVIŽ. - 1940. - No 1; Kallmeyer Th. Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands / Th. Kallmeyer. - R., 1910.

⁶ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 315; История Латвийской ССР. Краткий курс. - Рига, 1971. - С. 176; Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 62.

⁷ Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии / В.Э. Сталтмане. - М., 1981. - С. 4; Дини П.У. Балтийские языки. - С. 319.

⁸ Bērziņš L. Kristofors Fīrkers / L. Bērziņš. - Rīga, 1928.

⁹ Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 61.

¹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - С. 36.

¹¹ О Старом Стендере см.: Страдынь Я. Стендер и его «Книга премудростей мира и природы» / Я. Страдынь // Даугава. - 1984. - № 11. - С. 119 – 125.

¹² О Старом Стендере, равно как и о его сыне, русскоязычной научной литературы практически нет. По данной причине актуальная работа К. Кундзиньша «Старый Стендерс, его жизнь и деятельность», вышедшая в Елгаве в 1879 году на латышском языке – см.: Kundziņš K. Vecais Stenders savah dzīvē un darba / K. Kundziņš. - Jelgava, 1879.

¹³ См. работы Старого Стендера: Stender G.F. Lettisches Lexikon / G.F. Stender. - Jelgawa, 1789; Stender G. Zingu luhstes / G.F. Stender. - Jelgawa, Vol. 1. – 2., 1785, 1789.; Stender G. Jaukas pasakas un stahsti / G.F. Stender. - Jelgawa, 1766; Stender G. Grahmata augstas gudrihbas no pasaules un dabbas / G.F. Stender. - Jelgawa, 1776.

¹⁴ Endzelīns J. Vecā Stendera latviešu gramatika un vādnīca / J. Endzelīns // Druva. - 1914. - IX. - lpp. 907. – 911.

¹⁵ Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 68.

¹⁶ О Юном Стендере специальная литература на русском языке практически отсутствует. См.: Svēlpis A. Jūtājūmā par Jaunā Stendera pārvācošanas propagandu / A. Svēlpis // Pētera Stučas LVU Zinātniskie Raksti. - Vol. 159. - 1972. - lpp. 49 – 72.

¹⁷ Svēlpis A. Jautājūmā par Jaunā Stendera pārvācošanas propagandu. - lpp. 57. – 58.

¹⁸ Vaita H. Garlība Merķēļa rokkraksti Latvijas PSR Zinātņu akadēmijā / H. Vaita. - R., 1968; Vienybe lietuvninkus. - 1892. - No 17; Янкелович Л. Иоганн Готфрид Гердер и Гарлиб Меркель / Л. Янкелович // Германия и Прибалтика. - Вып. 3, Рига, 1974. - С. 86 – 106; Анспак Я. И. Марксистско-ленинская педагогическая мысль в Латвии 1893 – 1917 / Я. И. Анспак. - Рига, 1981. - С. 28 – 29; Daniševskis J. Prūšu junkuri Latvijā. 1812. – 1914 / J. Daniševskis. - R., [b.g.] - lpp. 58; Stritzky K.Ch. Garlieb Merkel und “Die Letten am Ende des philosophischen Jahrhunderts” / K. Stritzky. - R., 1939; Миллер В.О., Мелькисис Э.А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля / В.О. Миллер, Э.А. Мелькисис. - М., 1977.

¹⁹ Merkel G. Die Letten, vorzüglich in Liefland, an ende des philosophischen Jahrhunderts / G. Merkel. - Leipzig, 1797; Меркель Г. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия / Г. Меркель // Чтения в обществе истории и древностей российских. - М., 1870. - Кн. 1. - Отд. IV; Merķelis G. Latvieši, sevišķi Vidzeme, filozofiskā gadsimtena beiges / G. Merķelis. - R., 1953; Merkel G. Wanen Ymanta, eine Lettische Sage / G. Merkel. - Leipzig, 1802; Merkel G. Die Vorzeit Lieflands / G. Merkel. - Bd. 1 - 2. Berlin, 1807; Merkel G. Über Dichtergeist und Dichtung unter den letten / G. Merkel // Der Neue Deutsche Merkur. - 1797. - St. 5. - S. 29 - 49; Merkel G. Sitten Liefland in der ersten Hälfte 16. Jahrhunderts / G. Merkel // Der Neue Deutsche Merkur. - 1798. - St. 11. - S. 223 - 240; Merkel G. Supplement zu den Letten / G. Merkel. - Weimar, 1798.

²⁰ Merkel G. Darstellung und Charakteristiken aus meinen Leben / G. Merkel. - Leipzig, 1839.

²¹ О роли Г. Меркеля см.: Zeids T. Garlībs Merķelis un viņa “Latvieši” / T. Zeids // LPSR ZA Vēstis. - 1977. - No 9; Strods H. Garlieb Merkel und die lettische Ethnographie / H. Strods // Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte der 18. Jahrhunderts. - Halle, 1982. - S. 251 – 274; Меркель Г. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия / Г. Меркель // Чтения в обществе истории и древностей российских. - М., 1870. - Кн. 1. - Отд. IV. - С. 16; История Латвийской ССР / ред. К.Я. Страздинь, Я.Я. Зутис, Я.П. Крастынь, А.А. Дризул. Т. 1. - Рига, 1952. - С. 412.

²² Garlībs Merķelis latvju brīvības apustulis // Austrums. - 1890. - No 1. - lpp. 187. – 200.

²³ Landers K. Latvijas vēsture. Otra daļa / K. Landers. - Peterburga, 1908. - lpp. 189.

²⁴ Бассель Н. История культуры Эстонии / Н. Бассель. - Таллинн, 2000. - С. 23; История Латвийской ССР. Т. 1. - С. 592; Berziņš L. Latviešu rakstniecība svešu aizbildniecībā / L. Berziņš // Latvieši. - R., 1930; Lejnieks K. Latviešu draugi pagātnē / K. Lejnieks. - R., 1937; Birkerts A. Latviešu intelligence savās cīņās un gaitās / A. Birkerts. - R., 1927; Записки православного латыша Индрика Страумите // Самарин Ю.Ф. Соч. Том 8. - М., 1890. - С. 261.

²⁵ О маргинальности в национальных движениях см.: Богданова И.А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры / И.А. Богданова // Культура

и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европ в конце XVIII – 70-х годах XIX века). - М., 1974. - С. 71.

²⁶ Ravbar M. Pregled hrvatske, srbske in makedonske književnosti. - S. 120.

²⁷ Фамилия Крауклинг или Kraukling представляет собой германизированный вариант латышской фамилии Крауклиньш или Kraukliņš.

²⁸ История Латвийской ССР. Т. 1. - С. 587 – 588.

²⁹ Ārons M. Latviešu literāriskā biedrība sava simts gadu darba / M. Ārons. - R., 1929; Ravbar M. Pregled hrvatske, srbske in makedonske književnosti. - S. 105; Бассель Н. История культуры Эстонии. - С. 27; Vries A. de Die Westorientierung der baltischen Völker / A. de Vries // Jahrbuch der baltischen Deutschthums. - Bd X. - 1963. - S. 114 – 115.

³⁰ Fancev F. Dokumenti za naše podrijetlo hrvarskega preporoda (1790 – 1832) / F. Fancev. - Zagreb, 1933; Šidak J. Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta (1790 – 1827) / J. Šidak // Historijaki zbormik 1980 – 1981. - Zagreb, 1982; Seine J. Mein Sommer 1805 / J. Seine. - Berlin, 1968. - P. 69.

³¹ Шартье Р. Культурные истоки французской революции / Р. Шартье. - М., 2001. - С. 21.

³² Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 16.

³³ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 325.

³⁴ О данном процессе см.: Костяшов Ю.В. О немецком цивилизационном влиянии на сербов в Австрии в XVIII веке / Ю.В. Костяшов // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. - Вып. 1. Воронеж, 2002. - С. 53.

³⁵ История македонского народа / ред. М. Апостолски. - Скопье, 1975. - С. 118.

³⁶ Хобсбаум Э. Век капитала / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 121.

³⁷ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 325.

³⁸ Лаптева Л.П. Борьба лужицких сербов за национальную самобытность в первой половине XIX века / Л.П. Лаптева // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. - Вып. 1. Воронеж, 2002. - С. 74.

СТАРОЛАТЫШСКИЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ЛАТВИИ (1820 – 1850-Е ГГ.): ИСТОРИЯ ЛАТВИИ СТАНОВИТСЯ ЛАТЫШСКОЙ

Первые латыши, получившие образование, появляются в начале XIX века, хотя и не исключено, что элементы такой латышской культуры имели место и ранее. Подобная точка зрения представлена, например, в работах К. Кундзиньша¹ и А. Апиниса². Тем не менее, нам известно, что лишь некоторые латыши имели возможность только в XIX столетии получить образование в Дерптском университете. Первый латыш поступил в университет в 1803 году. Им был Карлис Вильямс из прихода Лугажу. С 1803 года в университете начали преподавать латышский язык. Первым специалистом по языку был О. Розенбергер³. Особое место среди первых образованных латышей занимает Нередзигайс Индрикис или Слепой Индрикис (Neredzīgais Indriķis, 1783 – 1828) – в 1806 году вышла его книга “Песни Слепого Индрикиса” (“Tā neredzīgā Indrika dziesmas”). Отличительная черта работ Слепого Индрикиса – прославление Бога и всех земных господ. Такая направленность ранней латышской литературы стала возможна в силу неразвитости на территории Латвии общественных отношений. Именно поэтому деятельность первых латышских авторов XIX века, которых можно назвать просветителями, была лишена ярко выраженного буржуазного смысла, который был характерен для других, более передовых, европейских стран⁴. Деятельность Слепого Индрикиса встретила позитивную реакцию и со стороны некоторых балтийских немцев. Например, работавший в Тарту Розенбергер опубликовал стихотворение, посвященное латышскому поэту⁵. Кроме этого он начал компанию по сбору денег среди студентов для покупки кокле слепому поэту. На первую половину XIX века, когда были заложены основы национальных культур народов Прибалтики⁷, приходится и деятельность ряда других авторов-латышей – среди них наиболее яркими были Ансис Ливенталс (1803 – 1878) и Ансис Лейтанс (1815 – 1874). Им не предшествовала самобытная латышская литературная традиция, несмотря на то, что определенные элементы для ее возникновения в латышской среде в предшествующий период все же имелись. Этому в частности могла способствовать значительная грамотность, характерная для латышского населения⁸. Упомянутый выше Лейтанс занимался переводами с немецкого на латышский – им были переведены «Графиня Геновева» (1845), «Полководец Евстахий» (1841) и «Роза Сосновой горы» (1847). Ливенталс начал писать в Биржах под руководством пастора Лундберга. Иногда он писал о трудной жизни латышских сирот и детей («Matīsiņš»). Обычно Ливенталс в апологетическом духе писал о крестьянах-труженниках и крестьянах-собственниках («Miķelis bij par kalpu vecam vagaram»). Правильное поведение крестьян должно быть таким: «в чужие дела не вмешиваюсь, держусь при своем сословии, в которое бог меня поставил – вот такое мое счастье».

Поэт верил в освобождение латышей, в их лучшее будущее: «и тех, которые в качестве рабов угнетенные рыдают в беде, господи, освободи, и пусть мы все будем жить как люди». Иногда в работах Ливенталса звучат антинемецкие мотивы: «но и ваши имена не будут забыты, вы - кровопийцы латышской крови, и проклятиями вас будет, как собак, вспоминать все человечество»⁹.

Эта литература имела глубинные истоки, связанные с религиозностью. В некоторой степени ее можно рассматривать как народную литературу. Французский исследователь Р. Мандру, изучавший историю аналогичного явления во Франции, рассматривал подобную литературу как «литературу ухода от действительности». По мнению Р. Мандру, такая литература способствовала формированию мировоззрения, проникнутого фатализмом, преклонением перед чудом и тайной. Такая литература уводила читателей от осознания их истинного общественного и политического положения¹⁰. Тем не менее, в ряде случаев эта литература вела к политизации, что, в конечном итоге, вылилось, по словам Р. Шартье, в «литературизацию политики»¹¹.

Параллельно с прозой в 1830 – 1850-е годы под немецким влиянием делала свои первые шаги и латышская поэзия. Из ранних латышских поэтов упомянем и Яниса Рубенса, в 1841 году написавшего «Песню друзей латышей», где были и такие слова: «когда ж для латышей настанет то время, что для всех уже пришло». В 1840-е годы в литературу приходят и Эрнестс Динбергис (1816 – 1902) и Фридрихс Малбергис (1824 – 1907). Малбергис нередко ставит в центр своего творчества проблему сохранения латышской нации. Как латышский националист он крайне негативно относился к отрыву некоторых латышей от национальных корней¹². В поэзии Фридрихса Малбергиса присутствуют элементы индивидуализма, национализма и религиозности. Как националисту, ему был интересен латыш, а, как традиционалисту, повседневный труд. В центре многих его стихов – латышские крестьяне и рыбаки, каждодневный труд которых он описывает в духе протестантской трудовой этики¹³.

Как видим, в Латвии на данном этапе существовала определенная политическая напряженность, которая стимулировалась тем, что собственно латышская культурная начинает делать свои первые шаги. Эти шаги, правда, делались под немецким контролем. Скорее всего, в рассматриваемый период политических причин было недостаточно для того, чтобы началось развитие национального движения. Дорогу активному и интенсивному национальному движению проложили, скорее всего, отдельные политические деятели и мыслители, принадлежавшие к немецкому или латышскому обществу, активность которых все же развивалась, главным образом, в области культуры и литературы¹⁴. Наличие этих двух лагерей (германского и латышского) в обществе Российской Латвии подтверждает предположение Э. Хобсбаума о том, что «Европа, не говоря об остальном мире, явно была

разделена на нации», которые имели свои интересы и политические устремления¹⁵. Кроме этого наличие наций в Балтийском регионе стимулировалась и неудачей немецких попыток ассимиляции латышей. Ассимиляция потерпела крах, так как растворение латышей в немецкой среде не делало их полностью равноправными с немцами¹⁶. Появление подобной литературы, что стимулировалось развитием книгопечатания, которое вело, по словам Р. Шартье, к образованию общественности. Это вылилось в объединение людей, которые находились относительно далеко друг от друга¹⁷, что способствовало, в конечном итоге, формированию более развитой латышской общности, отдельные представители которой постепенно начинают осознавать свой «политический индивидуализм»¹⁸.

Таким образом, к 1840-м годам внутренне положение в Латвии может быть охарактеризовано так: латышский язык уже имел ряд областей, где он использовался относительно широко, что делало возможным начало национального движения с перспективой Национального Возрождения латышей. Параллельно главенствующая роль принадлежала все же немецкому языку. Латышский язык был «языком культуры созданной народом», немецкий – языком «культуры, навязанной народу»¹⁹. Это относится в первую очередь к церковным службам. Кроме этого на латышском языке выходили книги и имели место попытки начать издание газет, которые, правда, к значительным результатам так и не привели. Однако латышский язык использовался и образованными латышами, которых было гораздо меньше чем образованных немцев. В целом, в Латвии 1840-х сложилась ситуация аналогичная той, что имела место в Италии к 1860 году, когда в новообразованном Итальянском королевстве итальянский язык использовался лишь 2.5 % всего населения²⁰. В отношении Латвии 1840 года эта цифра, которая характеризует применение латышского языка, может оказаться еще меньшей.

К 1850-м годам в Латвии сложились культурные предпосылки для начала национального движения. Первые латышские авторы, которых можно называть и первыми латышскими просветителями, в Латвии, как и в других регионах Европы, «подготовили широкий процесс национального возрождения»²¹. К 1850-м годам в Латвии сложились условия для конца «народной» истории, когда ее главными акторами были народные массы. На историческую арену вышли отдельные образованные латыши, способные не только писать под контролем немецких пасторов в верноподданническом духе, но и самостоятельно мыслить. По мере увеличения их числа менялось их мышление, эволюционируя в сторону инакомыслия. «Характерные черты» культурной истории не исчерпывают всего многообразия бытующих в среде крестьянства представлений. Раннее безмолвствующее большинство больше не представляется как нечто костное, единомыслящее. Перед нами предстают живые и говорящие люди, в поведении кото-

рых были возможны ценностные предпочтения и даже своего рода инакомыслие»²², - так комментирует такой феномен Е.Е. Савицкий.

В самой культурной сфере существовали три тенденции. Первая, если мы используем концепцию Р. Мандру, сводится к тому, что угнетенные классы (в нашем случае, угнетенная нация – латыши) способны на пассивное освоение культурных продуктов выработанных высшими классами. «Под культурой народных масс мы понимаем культуру воспринятую, ассимилированную, переработанную этими массами»²³, - писал Р. Мандру. В Латвии мы действительно наблюдаем то, как немцы навязывали латышам свои культурные нормы. Вторая тенденция, разработанная в исследованиях Боллем, говорит о том, что угнетенные имели возможность обладать половинчатой культурной самостоятельностью²⁴. В Латвии эта культурная половинчатая самостоятельность латышей очевидна с 1830-х годов. Третья тенденция предусматривала выход угнетенных за культурные рамки того общества, в котором они существовали. Такой подход получил детальную разработку в исследованиях Фуко. Эта тенденция наблюдаема в работах И. Страумитса, фактически порвавшим с ранней прогерманской лютеранской традицией. Разрыву в значительной мере способствовало то, что немцы не хотели видеть в латышах равных партнеров. Отношение балтийских немцев к латышам строилось исходя из того, что позднее немецкий историк Х. Аубин назовет “west-östliche Kulturgefälle” или «западно-восточной культурной покатостью» - теорией, которая автоматически не включала народы и государства восточнее Германии в число равных с немцами²⁵.

Все они, в разной степени, могут быть рассмотрены как предшественники Индрикиса Страумитса и других ранних латышских национальных деятелей. Деятельность первых латышских общественных деятелей способствовала активизации латышей. Отличительными признаками ранних латышских национальных теоретиков было, как правило, то, что они нередко чувствовали себя не на месте, имели неутоленные стремления к творческой работе²⁶, так как последняя либо всячески стеснялась немецкими пасторами, или направлялась ими в определенное, выгодное им, русло. Данная активизация имела самые различные формы и проявления, в том числе и религиозные. Рост религиозной активности латышского населения вылился в переход части крестьян в православие, что, в конечном счете, и привело к появлению такого памятника как «Записки православного латыша Индрика Страумите».

Второй тенденцией в латышском национализме после германской могла быть пророссийская. Однако мы не располагаем значительным числом источников, которые подтверждали бы ее существование. При этом отрицать ее наличие в Латвии так же нельзя. Латышские земли входили в состав Российской Империи и определенные слои населения, конечно, связывали надежды на лучшее будущее именно с Россией. Правда, не стоит преувеличивать влияние этой группировки, как делалось это в советской

латвийской историографии второй половины 1940-х – начала 1950-х годов²⁷. Анализ работ тех лет создает впечатление, что латыши с самого Раннего Средневековья хотели лишь одного – войти в состав сначала Руси, затем Русского Государства, а потом и Российской Империи.

Особая роль в формировании латышского национализма, если мы обратимся к сфере латышско-русских отношений, принадлежит проникновению на территории населенные латышами православия. Православие выглядело в глазах латышей привлекательным в первую очередь по той причине, что в рамках русского православия нерусские имели значительный вес²⁸, в то время как в немецком лютеранстве их роль всячески принижалась и латыши не имели возможностей для карьерного роста и продвижения, конечно, если они не собирались становиться немцами, приняв немецкий язык и культуру, отвергнув при этом свои национальные традиции. Если для русских православие, по словам А. Каппелера, было способом обособления от нерусских²⁹, то для нерусских латышей православие было возможностью обособления от нелатышских немцев и достижения равенства с православными русскими.

Активное проникновение православия в Латвию и переход части крестьян в «русскую веру» из лютеранства в 1840-е годы не было случайным явлением, несмотря на то, что православная церковь не проявляла постоянный интерес к миссионерской деятельности среди неправославных христиан³⁰. Оно имело свои истоки. Первые православные миссионеры в латвийских землях появились еще в период существования Древнерусского государства. Местное население восприняло православие не в силу какого-либо принуждения, а совершенно свободно, по влечению своего ума и сердца³¹. Вторая волна православной христианизации латышей связана с деятельностью белорусских правителей Полоцкого княжества³². Влияние православия было подорвано немецким завоеванием – немцы с усердием уничтожали не только оставшиеся капища (большая их часть была уничтожена до этого псковичанами или новгородцами), но и православные храмы. Третья волна проникновения православия приходится на годы, последовавшие за присоединением латышских земель к России. В советской историографии переход в православие рассматривался, как правило, как «социальное явление, борьба против феодализма»³³. Особо активно православие в Латвию начало проникать в 1840-е годы, что в советской латвийской историографии объяснялось тем, что лютеранство не имело прочных корней и основ среди латышей³⁴. А.А. Подмазов был во многом прав, и его выводы согласуются с заключениями его более ранних, дореволюционных, предшественников, например, Ю.Ф. Самарина, который истоки православного движения искал в том, что латыши были отстранены от лютеранской церкви и не осознавали ее как свою. «Все низшие должности замещались всегда из туземцев, а диаконы и пресвитеры выписывались из-за границы, а латыши не имели почти никакого понятия о догматическом учении, а в

обрядов не видели ничего, к чему могли бы привязаться даже силою привычки»³⁵, - писал Ю.Ф. Самарин. Именно таким положением он объяснял, что «в умах латышей зашевелилась потребность такой веры, которую они могли считать своей»³⁶.

Остановимся на основных моментах третьей волны проникновения православия в Латвию, которую можно датировать 40-ми годами XIX века, определенными С. Сахаровым как «самая яркая эпоха в истории православия в Прибалтике»³⁷. Несколько ранее, в 1836 году, в Риге была учреждена кафедра православных епископов. Именно с ней русские прибалтийские историки межвоенного периода были склонны связывать «народное движение латышского населения в лоно православной церкви»³⁸. В середине 1830-х годов император Николай I констатировал необходимость изменения церковной политики в Прибалтике в сторону создания там викариатства Псковской епархии или самостоятельной епархии. В результате, было создано новое Рижское епископство³⁹. Рижские епископы успешно использовали противоречия между латышами и помещиками. Латышские крестьяне сами стремились использовать православие в своих интересах. Православные епископы осознали то, что крестьяне не видели в лютеранстве ничего хорошего. Они понимали, что «кирха и пастор были покорными слугами помещиков, у кирх стояли позорные столбы, а в кирхах – позорные скамьи для наказания крестьян, около кирх помещики строили корчмы для спаивания крестьян»⁴⁰. Истоки перехода части латышских крестьян в православие следует искать не только в тяжелом положении латышей, их политическом, социальном и экономическом неравноправии. Современная эстонская и финская историография считает, что переход в православие свидетельствовал не о росте национального самосознания, а, скорее всего, об обратном. Например, Антс Ярв отмечает, что к смене религии латышских и эстонских крестьян призывали «русские националисты», которые стремились к русификации местного населения, дабы «крепче привязать приграничные области к России»⁴¹. На переход в православие толкали собственные духовные искания, которые стимулировалась хозяйственными затруднениями - неурожаем 1838, 1839, 1840 и 1841 годов. Цены на территории, населенных латышами, в значительной степени выросли. Латыши начали отправляться в Ригу с жалобами. Сначала местные власти просто выдворяли их за пределы города, а после того как число крестьян значительно возросло, они пошли на применения силы против них. В июне 1841 года часть латышских крестьян в Риге нашла убежище на территории архиерейского подворья, где их принял епископ Иринарх, который вскоре был отозван⁴².

Вместо него епископом стал ректор Московской духовной академии преосвященный Филарет. Именно при Филарете имело место наиболее массовое движение латышей в православие. Индрикис Страумитс, комментируя переход латышей в православие, писал: «мирно, тихо, спокойно, без

шума, с величайшим благоговением, никого не трогая, ни дома, ни по дороге, никого не задевая ни словом, ни делом, ни помещиков, ни пасторов, потекли латыши густыми толпами со всех концов в город Ригу, принимать новую веру, веру православную»⁴³. Филарет, проживая в Риге, видел, в каком состоянии пребывают латышские крестьяне. Положение их он считал неудовлетворительным, о чем и писал в Санкт-Петербург. В национальном споре между латышами и немцами епископ оказался на стороне латышей. Стремясь облегчить их положение, он начал оказывать им материальную помощь. Это привело к росту популярности епископа среди латышей, которые стали обращаться к нему с просьбами по принятию в православие. В 1844 году, благодаря поддержке епископа, православие приняла община гернгутеров во главе с Давидсом Балодсом (Баллодом). В целом, к 1848 году православие приняло 138 416 латышей⁴⁴. Они были объединены в 33 латышских прихода⁴⁵.

В 1842 году на латышский язык были переведены православный молитвослов, краткий катехизис и чин литургии Иоанна Златоуста. Кроме этого было усилено преподавание и изучение латышского языка в Псковской духовной семинарии, где он был введен еще в 1840 году. В 1845 году целая религиозная община гернгутеров во главе с Давидсом Балодсом перешла в православие. Сам Д. Балодс получил сан священника. После этого на латышский язык было переведено еще несколько православных книг, строились церкви и открывались школы. В 1847 году в Риге была создана духовная семинария⁴⁶. После этого, однако, волна перехода в православие начала постепенно спадать, хотя определенные рецидивы православного влияния на развитие латышского национального движения сохранялись и на более позднем этапе – вплоть до 1880-х годов.

Выше нами были рассмотрены две тенденции, которые существовали в среде российских латышей к 1840-м годам. Наличие двух тенденций говорит о том, что латышский национализм на рассматриваемом нами этапе находился в состоянии особой стадии, которую, на мой взгляд, можно определить как предпарадигмальную. В случае ранней истории латышского национального движения под парадигмой⁴⁷ следует понимать тенденцию, которая определяет и направляет развитие национализма на путях его институционализации. Предпарадигмальную стадию национализма, которая отличалась наличием нескольких противоборствующих тенденций, пережили практически все европейские национализмы⁴⁸. В латышском контексте предпарадигмальная стадия характеризуется наличием двух противоборствующих тенденций – тенденции прогерманской и в большей степени европейской и тенденцией пророссийской. Предпарадигмальная стадия национализма была отмечена развитием национального движения, которое, по образному выражению Э. Хобсбаума, существовало «вне зоны современного буржуазного мира». Такое движение, как правило, было на-

правлено против иноземного владычества и являлось фактором, который ускорял развитие собственно националистического движения⁴⁹.

Данное движение в Латвии стало возможным благодаря немалому энтузиазму крестьянских масс, недовольных своим неравноправным положением⁵⁰. В латышском национализме предпарадигмальная стадия состояла в процессе перехода части латышских крестьян в православие. Анализируя случаи перехода в православие, следует принимать во внимание то, что нередко сознание конфессиональной принадлежности «проявляет себя с достаточной силой», что приводит к тому, что этническое самосознание отходит на второй план⁵¹. В советской историографии национальная природа перехода в движения нередко отрицалась⁵². Например, латышский историк Хейнрихс Стродс считал, что это было движение, вызванное кризисом феодальной системы и обусловленное социально-экономическими причинами⁵³.

Участники национальных движений на Западе в конце 1840-х годов отстаивали буржуазно-демократические свободы⁵⁴. Латышские крестьяне отстаивали религиозные и национальные свободы - именно в этом они вступили в конфликт с балтийскими немцами. Их противоречия, на смену социальному, обретают национально-религиозный характер⁵⁵. Если в 1848 году крестьяне в ряде стран Европы добились свободы⁵⁶, то латышское крестьянское движение требовало реальной реализации свободы, так как крепостное право в латышских землях было отменено раньше. Подъем национального движения в Латвии с аналогичными процессами в Европе сближало то, что они подавлены репрессивными мерами со стороны имперского правительства при активной помощи местных инонациональных элит⁵⁷. В латышском случае в роли такой элиты выступила немецкое дворянство. В результате национальные движения, как в Латвии, так и в Европе встретили полное непонимание со стороны властей, так как политические элиты и правящие круги были далеки от лидеров национальных движений⁵⁸, которые воспринимались как смутьяны, которые покушались на веками установленный порядок.

На данном этапе в Латвии все более стали заметны тенденции к тому, что низшие элементы общества могут становиться политической силой. Кроме этого латышский протонационализм на данном этапе был явление скорее деструктивным, нежели созидательным. В 1840-е годы не было разработано латышской национальной программы создания латышского общества (что было сделано позднее) и, поэтому, первые латыши с национальным, пусть и религиобразующим, сознанием были готовы принять чуждые политические и религиозные установки.

Таким образом, к середине XIX века Латвия представляла собой периферию Российской империи. Латыши были в большей части крестьянами, а их сознание редко поднималось выше традиционного уровня. Однако многовековое соседство с немцами привело к изменениям. Традиционный

уклад постепенно начинает разрушаться, на территории Латвии более частыми становятся крестьянские волнения, в рамках которых крестьяне пока не выдвигают национальных требований. Вместе с тем крестьянская религиозность начинает обретать новые черты, и движение за переход в православие уже содержит некоторый национальный подтекст. К тому же в среде латышских крестьян появляются и первые лидеры - выразители уже не просто крестьянских, но уже и частично латышских чаяний.

¹ Кундзинь К. Литература эпохи феодализма / К. Кундзинь // История латышской литературы. - Рига, 1971. Т. 1. - С. 26 - 46.

² Apinis A. Rokraksta grāmatas 18.gs. otrajā un 19.gs. pirmajā pusē / A. Apinis // Latvijas PSR Valsts Bibliotēka. - Sēj. 1. - R., 1964; Apinis A. Latviešu gramatniecība: no pirmsākumiem līdz 19.gs. beigām / A. Apinis. - R., 1977.

³ Исаков С. Сквозь годы и расстояния. Из истории культурных связей Эстонии с Украиной, Грузией и Латвией в XIX – начале XX века / С. Исаков. - Таллин, 1969. - С. 178.

⁴ Богданова И.А. Литература конца XVIII в. – 30-х годов XIX в. / И.А.Богданова // История словацкой литературы. - М., 1979. - С. 26.

⁵ Latweeschu Awihzes. - 1829. - No 52.

⁶ Исаков С. Сквозь годы и расстояния. - С. 178.

⁷ Aleksandravičius E. Kultūrinis sąjūdis Lietuvoje 1831 – 1863 metais. Organizaciniai kultūros ugdymo aspektai / E. Aleksandravičius. - Vilnius, 1989.

⁸ Об этой грамотности см.: Салминь А. О грамотности крестьян Лифляндии и Курляндии в XVIII веке по архивным документам / А. Салминь // Архивное строительство в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. - Рига, 1968.

⁹ История Латвийской ССР. Т. 1. - С. 588 – 589.

¹⁰ Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siècle: la Bibliothèque bleue de Troyes / R. Mandrou. - Paris, 1964.

¹¹ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 21.

¹² Малберг Ф. Притча / Ф. Малберг // Антология латышской поэзии. - Рига, 1955. - С. 48.

¹³ Малберг Ф. Борьба / Ф. Малберг // Антология латышской поэзии. - Рига, 1955. - С. 47.

¹⁴ О роли мыслителей в генезисе политических явлений см.: Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Révolution française 1715 – 1787 / D. Mornet. - Paris, 1967.

¹⁵ Хобсбаум Э. Век капитала / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 119.

¹⁶ Хобсбаум Э. Век империи / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 223.

¹⁷ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 43.

¹⁸ Šišić F. Uvod u političku povijest hrvatske // Horvat J. Politička povijest hrvatske / F. Šišić. - Zagreb, 1936. - S. 53.

¹⁹ Гинзбург К. Сыр и черви. - С. 33.

²⁰ Tullio de Mauro Storia linguistica dell'Italia unita / Tullio de Mauro. - Bari, 1963. - P. 41.

²¹ Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.) / В.И. Фрейдзон. - СПб., 2001. - С.87.

²² Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. - М., 2002. - С. 49.

- ²³ Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Biblioteque bleue de tryes / R. Mandrou. - Paris, 1964. - P. 9 – 10.
- ²⁴ Bolleme G. Litterature populaire et litterature de colportage au XVIII siecle / G. Bolleme // Livre et societe dans la France du XVIII siecle. - Paris, 1965. - Vol. 1. - P. 61 – 92.
- ²⁵ Aubin H. Grundlagen und Perspektiven geschichtlicher Kulturaumforschung und Kulturmorphologie / H. Aubin. - Bonn, 1965. - S. 774.
- ²⁶ Хоффер Э. Истинноверующий. - С. 63.
- ²⁷ См. напр.: История Латвийской ССР. Т.1. - Рига, 1952.
- ²⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 101.
- ²⁹ Там же. - С. 183.
- ³⁰ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской Империи / А. Каппелер // Россия - Украина: история взаимоотношений / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 132.
- ³¹ Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836 – 1936) / С. Сахаров // Даугава. - 1992. - № 6. - С. 178.
- ³² Апинь И. Место белорусов Латвии в ряду других народов / И. Апинь // Беларусіка / Albaruthenica. 17. - Мн., 2001. - С. 42 – 43.
- ³³ Greitājnīs I. Par dažām lauku iedzīvotāju cīņas formām pret feodālisma paliekām Latvijā XIX gs. 80. gados / I. Greitājnīs // Zinātniskie raksti. - 40. sējums. Vēstures zinātnes. - 3. izlaidums. - R., 1961. - lpp. 246.
- ³⁴ Подмазов А.А. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления / А.А. Подмазов. - Рига, 1985. - С. 141.
- ³⁵ Самарин Ю.Ф. Православные латыши / Ю.Ф. Самарин // Самарин Ю.Ф. Соч. Т.8. - М., 1890. - С. 489, 491.
- ³⁶ Самарин Ю.Ф. Православные латыши. - С. 527.
- ³⁷ Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836 – 1936). - С. 180.
- ³⁸ Там же. - С. 180.
- ³⁹ Там же. - С. 181.
- ⁴⁰ Там же. - С. 181.
- ⁴¹ Ярв А. История Эстонии. - С. 116.
- ⁴² Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836 – 1936). - С. 182.
- ⁴³ Записки православного латыша Индрикуса Страумите // Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 8. М., 1890. - С. 265.
- ⁴⁴ Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836 – 1936). - С. 184.
- ⁴⁵ Там же. - С. 185.
- ⁴⁶ Карпухина С. Православные церковноприходские школы на территории Латвии в XIX веке. - Рига, 1993.
- ⁴⁷ По проблемам «парадигмы» в теоретическом плане см.: Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. - М., 2003. - С. 76, 259 - 260.
- ⁴⁸ Для германского национализма на определенном этапе была характерна борьба мало-германской и великогерманской тенденции, то есть создания единого государства на основе только немецких земель, или в объединении их вместе с австрийскими территориями.
- ⁴⁹ Хобсбаум Э. Век революции. - С. 196.
- ⁵⁰ Хоффер Э. Истинноверующий. - С. 20.
- ⁵¹ Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общности / П.И. Пучков // Советская этнография. - 1973. - № 6. - С. 62.
- ⁵² См.: Степране И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. / И.Я. Степране. - Рига, 1966.

⁵³ Strods H. Baltijas zemnieki un pareizticība (1841.g. – 1864.g.) / H. Strods // Вопросы аграрной истории Латвии. Latvijas agrārās vēstures jautājumi. - Рига, 1984. - С. 79.

⁵⁴ Bogdanov V. Hrvatska ljevica u godinama revolucije 1848 – 1849 u svijetlu naše četrdesetosmaške štampe / V. Bogdanov. - Zagreb, 1949. - S. 391.

⁵⁵ О религиозном факторе в Прибалтике см.: Garve H. Konfession und Nationalität. Ein Beitrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert / H. Garve. - Marburg, 1978.

⁵⁶ Лециловская И.И. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 году / И.И. Лециловская // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. - М., 1961.

⁵⁷ Jelačić Al. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848 – 1849 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka / Al. Jelačić. - Zagreb, 1925. - S. 20 – 24.

⁵⁸ Bogdanov V. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848 – 1849 / V. Bogdanov. - Zagreb, 1949. - S. 121 – 128.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРОТЕСТ: ЗАРОЖДЕНИЕ НАРОДНОГО ЛАТЫШСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Рассматривая ранний латышский национализм, историк сталкивается со скудостью источников и крайне малым количеством упоминаний о национализме в немецкой и российской печати того времени. По данной причине, исследование раннего латышского национализма неизбежно будет развиваться вокруг анализа взглядов наиболее ярких его представителей – Индрикиса Страумитса и Яниса Спрогиса, которые в самом общем плане могут быть определены как носители «идей народного освобождения»¹.

В латышском случае истоки предпарадигмальной стадии, которая выразилась в переходе в православие, могут быть определены и как социальные. Это наложило и существенный отпечаток на идеи раннего латышского национализма на воззрения И. Страумитса и Я. Спрогиса. Бедность и голод толкали латышских крестьян, в том числе и теоретиков народного протонационализма (Страумитс и Спрогис оба по социальному происхождению были крестьянами), на смену веры. Польский историк Ежи Топольски характеризует бедность как «составную часть механизма исторических перемен в различных сферах»². При этом для ранних латышских националистов социально-экономические причины не играли роли главных побудительных факторов для перехода в православие. При этом роль социального фактора в формировании латышского национального движения и самосознания не отрицалась даже в западной историографии, в том числе и среди историков-эмигрантов. Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по этому поводу пишут: «появление и рост национального сознания в XIX столетии сопровождался социальной борьбой крестьянства против культурно и этнически чуждой элиты»³.

Латышские национальные деятели того времени, будучи верующими людьми, могли не рассматривать материальные блага в качестве стимула для смены веры. Скорее всего, они руководствовались «ценностями духовной жизни»⁴. Латышские авторы в своем национальном бесправии для поиска выхода из него обратились к религии. Немецкий историк Х.-Х. Нольте отмечает, что, компенсируя тенденции к всеобщей секуляризации, национализм обретает «почти религиозную святость»⁵. Параллельно, предпарадигмальная стадия в развитии любого национализма сопровождается, как правило, острой идейной борьбой и появлением работ, которые несут в себе противоречия эпохи, отражая наличие различных тенденций.

Начало национальной активизации латышей Страумитс связывал в одинаковой степени с российским и германским влиянием. Описывая ситуацию в Латвии, он отмечал, что на ее территории «с давнего времени соседствовали две народности – сильное меньшинство и слабое большинство». При этом отношение Страумитса к немцам однозначно негативное.

Что касается России, латышский автор так же согласен далеко не со всеми проявлениями ее внутренней политики в Прибалтике. Он считал, что российские власти всегда смотрели на латышские земли как на чуждый, ненужный им, край, отдав его на откуп местной немецкой знати. Когда же он писал о желании латышей слиться с русским народом, автор, скорее всего, в данном случае не искретен. Россию он рассматривал как один из инструментов ослабления немецкого влияния на латышей. Особое неодобрение Страумитса вызывало то, что российские власти в конфликтах между латышами и немцами поддерживали последних, руководствуясь социальными и экономическими интересами. Подобную политику автор был склонен объяснять слабой осведомленностью российских властей, которые, по его словам, не знали, что в регионе «правит не закон, а обычай»⁶. Такие идеи, выраженные в Записках, говорят о том, что их автор, по терминологии М.С. Джунусова, явно находился в состоянии «амбивалентности патриотических чувств»⁷, то есть имел двойственное отношение к Латвии, стремясь с одной стороны к распространению православия и слиянию с Россией, с другой, выступая с критикой балтийских немцев.

Упрекая Россию, Индрикис Страумитс значительное внимание уделял критике немцев, которым он приписывал желание отделиться от Российской Империи. «Несчастливая наша Родина подарена немцам, а мы пошли в придачу как рабочий инвентарь», - писал он. Страумитс считал, что именно немцы были распространителями антирусских идей в Прибалтике. Латышский автор указывал на то, что немцы стремятся скрыть царские милости в отношении латышей, а возвеличивают исключительно себя: «мы слышим и нам говорят о русских только худое, а подари немец железного петуха на кирху – об этом прогремят по всей Лифляндии, а милость царя под спудом». Страумитс придерживался мнения, что немцы сознательно не дают латышам развиваться, отстранив их от управления и участия в общественной и экономической жизни: «все доходные места и должности были заняты немцами, даже промыслы были в их руках, латышу туда не было и доступа». Страумитс обвинял немцев в том, что они низвели латышей до уровня быдла, стремясь навязать латышам слово *lops* («быдло») в качестве самоназвания⁸.

Страумитс был склонен винить немцев во всех несчастьях латышей и их родины – «бедного, бесхлебного края». Латвия, по словам Страумитса, это рай для дворян и ад для местных латышских крестьян. Конфронтация между латышами и немцами в такой ситуации, по словам И. Страумитса, была совершенно естественным явлением: «какие чувства мог питать латыш к дворянству, которое лишило его хлеба и опаивало водкой». Именно немцы, по мысли Страумитса, источник всех проблем латышского населения, именно немцы низвели латышей до того, что те «жили хуже скота». Это проявлялось в полном бесправии латышских крестьян перед немецкими господами, которые, что «вздумали, то и делали»⁹.

Индрикис Страумитс, обладая развитым латышским национальным самосознанием, понимал, что нет ничего более лучшего для привлечения большего числа сторонников как создания особого образа немцев. Немец, в сознании латышского автора, исключительно – враг, господин, от власти которого надо избавиться. В связи с этим Страумитс стремился доказать, что единственным немецким средством в общении с латышами было насилие. Страумитс считал, что немецкие бароны периодически устраивали бойни латышских крестьян, подвергая унижениям и издевательствам всех латышей, независимо от пола и возраста¹⁰.

Среди немцев Страумитс особо выделял пасторов, которых обвинял в том, что они «портили хороший латышский народ». Немецкие пасторы, по словам латышского автора, самые последовательные сторонники политики дворянства. Именно пасторов обвинял он в идейной поддержке немцев в их угнетении латышского населения. О пасторах, которые были «так умны, учены и набожны», Страумитс писал с явным пренебрежением. Страумитс считал, что пасторы способны лишь на то, чтобы произносить обличительные речи в интересах немецкого дворянства. Латышский автор обвинял пасторов в том, что те ведут светский образ жизни, стремясь ни в чем не отступать от светских господ. «Домашняя и служебная жизнь пасторов была посвящена интересам земным ... они были трубою дворянства ... задача их жизни состояла в том, как бы увеличить свои доходы ... все время они проводили в смотре за ходом хозяйственных работ ... главным их развлечением было ходить на охоту с помещиками, а из-за отсутствия собак для исполнения этой должности сгонялись латыши», - писал Индрикис Страумитс. Автор Записок стал свидетелем все большей секуляризации пасторов, что способствовало отходу латышей от немцев и ослаблению германского влияния в их среде. Страумитс отмечал, что пасторы «духовными делами занимались меньше всего, от кирхи и службы уклонялись»¹¹.

Страумитс не обошел своим вниманием и попытки онемечивания латышских крестьян немцами. Германизация, разумеется, не могла вызвать у латышского автора никаких симпатий и оценивалась им крайне негативно. Основными проводниками политики онемечивания он называет пасторов. Считая, что попытки германизации в Прибалтике не принесли и не принесут результатов, Страумитс все же пишет о том, что ограниченное число латышей немцы все-таки смогли онемечить. Важнейший канал германизации, согласно Страумитсу, образование, которое немцы давали некоторым латышам при условии принятия ими немецкого языка и немецких традиций. Комментируя усилия немцев, направленные на германизацию, Страумитс писал: «немцы учили латышей, но образование предлагалось им при обязательном условии забыть свой родной язык и даже усвоить себе немецкий выговор, выучиться картавить как немцы и перед каждым латышским словом несколько раз повторять беззвучную немецкую букву ö, ö, ö».

Страумитс считал, что такие латыши опасны, так как стремятся «плюнуть на родной язык»¹².

Понимая необходимость противостояния немцам при помощи русских, Индрикис Страумитс останавливался и на том, как немецкие пасторы относились к России и русским. В своих Записках он свидетельствует о том, что немецкие авторы стремились разжечь в латышской среде недоверие и ненависть к русским. По словам Страумитса, особых успехов в этом направлении немцы достичь не смогли, и латыши стремились к росту контактов с русскими. Страумитс писал, что в своем желании освободить часть латышей от русского влияния, немцы с церковной кафедры утверждали, что «во всех русских лавках понаделаны западни с кольцами, что как только латыш войдет один в лавку, так хозяин ногой надавит кольцо и латыш провалиться, а там его и убьют, а в погребах у русских всегда находят много убитых латышей». Подобные утверждения пасторов Страумитс расценивал как «распущенные в народе немецкия бредни»¹³.

Индрикис Страумитс отмечал и то, что латыши со стороны немцев подвергались и экономической дискриминации. Описывая злоключения латышей в Риге, автор отмечал, что латыши не имели права посещать немецкие лавки и покупать товары у немецких торговцев. На попытки латышей войти в немецкие лавки немцы, по словам Страумитса, выгоняли и били латышей¹⁴. Страумитс утверждал, что в Риге немцы в лавках не отвечали на вопросы латышей, деля вид, что не понимают по-латышски. Логика латышских крестьян была такова: входить в немецкие лавки не надо, а то «хозяин, пожалуй, прибьет». Если же латыши осмеливались войти, то, по словам Страумитса, немцы все равно их «выводили за волосы»¹⁵. На таком фоне в латышской среде возрос интерес ко всему русскому. «Сложилось, наконец, убеждение, что нет на свете народа лучше русского, нет хуже, Гордее, наглее, драчливее, несправедливее немца», - писал И. Страумитс¹⁶.

Начало национальной активизации латышей Страумитс датировал 1840-ми годами и связывал ее с ростом латышско-русских контактов: «латыши стали более чем прежде сближаться с русскими, интересоваться их бытом, всматриваться в их веру, стали сравнивать, проверять и сличать»¹⁷. Латышский автор считал, что немецкие пасторы и помещики в Латвии были совершенно не готовы к активизации латышского населения. Страумитс отмечал, что немцы не смогли использовать для подавления движения в зародыше шляхту, которую они стремились создать в латышской среде¹⁸. Тем не менее, Страумитс был вынужден признать то, что немецким баронам и пасторам все же удалось внести некоторый раскол в среду латышей: «немцам давно уже удалось привнести в народную массу начало сословного разделения, разбить ее на части, разобщить между собой, противопоставить одну другой»¹⁹. Страумитс придерживался мнения, что движение было «для пасторов было совершенно неожиданное, никогда не приходившее

им на ум». Страумитс считал, что движение выразилось в том, что латыши осознали несправедливость ситуации и стали задумываться о своем неравноправном положении: «у латышей, вскормленных и вспоенных всякого рода унижениями, откуда-то взялась способность чувствовать наносимые им оскорбления; мало того, чувство боли стало выясняться и облекаться в форму суждений, даже осуждений»²⁰.

Одним из первых проявлений национальной активизации латышей Индрикис Страумитс считал появление в Латвии движения гернгутеров. наиболее активными участниками движения, как показал Страумитс, были представители «деревенской аристократии» - состоятельные крестьяне-хозяева и зажиточные арендаторы²¹. Страумитс описывал это движение как совокупность религиозных братств, члены которых «собирались на сходки, рассуждали, предлагали советы и вопросы, постановляли решения». Страумитс был свидетелем того, что гернгутеры «составили себе правила, которые держались в большом секрете, а исполнялись строго с буквальной точностью»²². Национальная активизация в 1840-е годы в латышской среде носила религиозный характер. Центрами латышской национальной жизни становились молитвенные дома гернгутеров, где те проводили свои собрания, которые, как отмечал Страумитс, немецкие авторы стремились представить как «собрания развратников»²³. Страумитс писал, что братство решило строить дома для проведения там молитв, «проповедовать и учить, проповедников назначать по выбору из своей среды при тщательном испытании поведения, познаний и ревности». Страумитс отмечал, что наряду с национальным самосознанием латышские гернгутеры были религиозными фанатиками, посещения коллективные моления за 90 верст от своих хуторов²⁴. Гернгутеры, по словам Страумитса, развернули активную деятельность, «работали неутомимо, не оглядываясь на насмешки и поношения, сыпавшиеся на их головы»²⁵. Их деятельность имела свои позитивные результаты, так как благодаря усилиям гернгутерских проповедников немало крестьян научились читать и писать по-латышски²⁶.

Скорее всего, в данном случае под религиозными мотивами они скрывали свои национальные цели и устремления. Это предположение может оказаться верным, если принимать во внимание то, что с началом гернгутерского движения в Латвии в крестьянской среде появились проповедники, которые проповедовали на латышском языке. При этом, их проповеди по своей направленности отличались от немецких. Если немецкие пасторы стремились воспитывать латышей в верноподданническом духе, то гернгутеры – в национальном. Страумитс описывал эту ситуацию так: «религиозное вдохновение как будто развязало языки и, в самое короткое время, явились между латышами истинно даровитые проповедники». Наиболее талантливым латышским национальным проповедником Страумитс считал Анджса Курмиса²⁷. Немецкий историк Георг фон Раух отмечал, что подоб-

ные явления свидетельствовали о том, что среди латышей стали заметны претензии на право создания своей независимой национальной культуры²⁸.

Индрикис Страумитс анализировал национальную активизацию латышей в религиозных категориях. Переход в православие он рассматривал как «необыкновенное явление среди иноверцев, хвастающихся своей образованностью», как стремление к «истинной вере». Движение в православие им оценивалось положительно, так как в рамках Русской Православной Церкви существовало больше условий и возможностей для использования латышского языка. Именно это движение Страумитс рассматривал как причину, по которой российские власти обратили внимание на положение в Прибалтике. Страумитс совершенно верно отметил и тот факт, что именно в православии немцы увидели угрозу своему господству. Этим он объяснял усиление антилатышской линии немецкого баронства, направленной в первую очередь против православных латышей. Проявлением антилатышских настроений немцев, которые Страумитс испытал на себе, была борьба, направленная против ношения православных нательных крестов, которые немцы, по его словам, называли «собачьими кламберами»²⁹. Переходя в православие, латыши стремились использовать религию как фактор легитимизации своих действий, которые были направлены против немцев³⁰.

Описывая национальную активизацию латышей, Страумитс констатировал наличие двух течений. «Между проснувшимися латышами обозначились две группы. У каждой были свои задачи и цели», - писал он. Первая группа латышей, по словам автора, стремилась покинуть Прибалтику, принять православие и поселиться в русских губерниях. Вторая считала необходимым остаться в Латвии, но при условии проведения «своего рода реформации». Противниками обеих этих групп Страумитс считал в одинаковой степени немецких пасторов и помещиков³¹. Сторонники переселения связывали свои надежды с Россией. Видимо, имея планы переехать в русские губернии, они не стремились становиться русскими. О «полном слиянии с Россией во всех отношениях» Страумитс, скорее всего, писал ради превлечения большего числа сторонников. В действительности, Страумитс считал, что русские крестьяне находятся в более лучшем состоянии, чем латышские. Он полагал, что распространение на латышей русских законов приведет к тому, что возникнут условия для их национального развития. Отвечая на вопросы «Чего же хочет латыш? Чего им все-таки нужно?», он писал, что латыши хотят иметь то, что «имеет Россия, что ей дано: живая вера, один царь, не тысячи царьков, свобода обеспеченного быта и ощущение над собой закона, а не переодетого в закон произвола»³².

Вторым теоретиком раннего латышского национального движения был Янис Спрогис. Спрогис, как и Индрикус Страумитс, отличался про-русской политической ориентацией. При этом Латвию он считал своей Родиной³³. Это можно объяснить тем, что он получил образование в Рос-

сии, кончив курс в Санкт-Петербургской духовной академии. Позднее Спрогис работал архивариусом виленского центрального архива. Латышский исследователь начала 1990-х годов Л. Черевинчик, комментируя эти факты биографии Спрогиса, отмечал, что он принадлежал в одинаковой степени латышской и русской культурам³⁴, что, скорее всего, является преувеличением, так как Спрогис был латышом, но не русским.

В 1868 году им была издана книга «Памятники латышского народного творчества». Из-за германского засилья в Латвии книга не могла быть издана в Риге или другом городе, расположенном на латышской территории. По данной причине, книга вышла в Вильне, где немецкое влияние практически не ощущалось. На страницах этой книги Спрогис впервые ознакомил русских читателей с латышскими песнями, переведенными на русский язык. Латышские сгруппированы Спрогисом по четырем отделам: 1) вода, воздух, суша; 2) предметы растительности; 3) предметы из царства животных; 4) человек. Рассматривая проблемы латышской национальной культуры, Спрогис особое внимание уделял народным песням. «Латышская народная песня была в уважении в глубокой древности, тогда все начиналось и заканчивалось песней, пели молодые и старые, пели в будни и праздники, песня была так обширна, что обнимала весь мир латышей», - писал латышский деятель. Спрогис считал, что «не было ни одного предмета в латышском хозяйственном быту, даже в кругу отвлеченных понятий древнего латыша, который не был бы обставлен поэтическими образами»³⁵. Спрогис с горечью констатировал, что после немецкого завоевания употребление латышской песни стало сокращаться и уменьшаться. В целом, в идеях Спрогиса немало националистического: латышей он идеализировал и относился к ним с особым почтением. К литовцам, например, он таких чувств не питал. «У истых латышей жизнь сохранила часть первобытной простоты»³⁶, - отмечал Спрогис.

Спрогис в своем издании одним из первых пытался выяснить и осмыслить особенности национальной латышской истории. В связи с этим, особенно интересен для него был донемецкий период. Спрогис в некоторой степени идеализировал то время, когда господствовали «понятия языческие». Заслуга Спрогиса состоит в том, что он стремился выяснить проблемы донемецкой истории. Для этого он, в частности, писал: «в доисторической эпохе латышской жизни латышская земля была совершенно свободна от нашествия иноземных завоевателей». Идеализируя раннюю историю латышей, немецкое завоевание рассматривалось Спрогисом как величайшее историческое несчастье латышского народа, которое лишило его возможности самостоятельного политического и культурного развития³⁷.

Спрогис был критиком немецкой политики в Латвии. Как латыша с национально ориентированным мировоззрением Спрогиса не устраивало то, какая политика проводится немцами в отношении латышского населения. Спрогис во многом справедливо обвинял немцев в подавлении ла-

тышской культуры, попытках германизации латышского населения. Комментируя немецкое засилье, Спрогис писал, что «в настоящее время немецкое господство над латышами достигло зенита своего величия». Именно этим Спрогис объяснял упадок латышской народной культуры, отход латышей от народных традиций, в особенности – песенных³⁸.

В предисловии, написанном Спрогисом для издания латышских народных песен, есть ряд элементов от более позднего и развитого национализма. Подобно латышским националистам второй половины XIX – начала XX века, Спрогис идеализирует латышей. Он был склонен к тому, чтобы выделять их из числа соседних народов. Латыши рассматривались им как уникальная и неповторимая общность. В связи с этим Спрогис писал об «отличительных свойствах латышского поэтического гения», который, по его словам, был «чрезвычайно оригинален и самобытен»³⁹.

Что касается издания народных латышских песен Спрогиса, то в его рамках присутствуют песни, посвященные различным сторонам жизни латышей. Особое внимание он уделил песням о «русских и Русской земле» («Крѣве, крѣву земе»), литовцах («лейши»), пруссаках («пруши»), неметчине («Вацземе»), Риге. Спрогис видимо сознательно отбирал латышские песни опубликованные в своем издании. В песнях о России, с одной стороны, заметен социальный подтекст, что говорит о социальной природе латышского национального движения на раннем этапе: «Крустѣм калта Крѣву земе, Ші кунгѣм ізваргота; Цаур крустѣм Сауле леца, Цаур варгѣм норѣтея» («Из крестов скована Русская земля, а эта обессилена господами; чрез кресты восходит солнце, а через господ заходит»)⁴⁰.

Кроме этого Спрогисом в народных песнях неоднократно отмечаются положительные связи латышей с русскими и литовцами. Спрогис, видимо, считал, что русские и литовцы могут быть использованы латышами в их борьбе с немцами. Надежды латышского автора на Россию вполне понятны: латышские крестьяне и раннее выражали уверенность в изменении политики в регионе в их пользу, что свидетельствует о традиционной для крестьянства на территории Российской Империи веры в доброго правителя. Что касается литовцев, то Спрогис не видел отличия между ними и латышами, видимо, полагая, что ассимиляция литовцев латышами будут способствовать усилению последних в их с борьбе с немцами: «Крѣвам деу сав' масіню, Патс сев нѣму Лейша мейту; Гай Крѣвос, гай Лейшос, Вісур манн зноті – раді» («Русскому я дал свою сестрицу, а сам себе взял Литовку; хожу к Русским, хожу к Литовцам, везде мне зятя – родня»)⁴¹.

Контакты с литовцами рассматривались Спрогисом как доказательство латышской природы литовцев, что на данном этапе (1850 – 1860-е годы) было неудивительно, так как литовский и латышский языки еще не сложились окончательно, а их диалекты были близки. Вера Спрогиса в близость и родство латышей с их литовскими соседями была наивной, отражала многовековые связи двух народов: «Пут, балінь, вара струмпі, Аугста кал-

ная галіня: Лай нак серсті тас масіняс, Кас Лейшос ногаюшас» («Труби, братец, в медную трубу, на верху высокой горы: пусть приходят в гости те сестрицы, которые ушли в Литву»). При этом в ряде песен, изданных Спрогисом, присутствуют в отношении Литвы и агрессивные мотивы: «Эс грібею Лейшу земі, Зіл' угуні дедзінат; Тікай вьн ъгадаю, Маса Лейшу ро-бежа» («Я хотел выжечь Литву зеленым огнем; но вспомнил, что сестрица в границах Литвы»)⁴².

Спрогис был склонен объяснять сложности исторического развития латышей негативным влиянием со стороны соседей, которые тормозили «способности латышей к самостоятельному развитию в одно политическое целое». Проникновения русских, немецкое завоевание, нападения литовцев – это, в концепции Спрогиса, важнейшие факторы, которые негативно влияли на латышей⁴³. Реально оценивая ситуацию, Спрогис понимал, что латыши не в состоянии многое противопоставить немцам и русским. По данной причине, Спрогис «отыгрывался» на литовцах. Поэтому в песнях, подобранных Спрогисом, звучат мотивы необходимости растворения литовцев в латышской среде: «Лейши, Лейши – ман' баліны, Гарам ману сету яя; Мужам Лейши палькат, Я ъкша не накат!» («Литовцы, Литовцы – мои братья, Они проезжают мимо моего дома, на век останетесь Литовцами, если не заедите в мой дом!»)⁴⁴.

Подбирая песни для издания Спрогиса, видимо, нередко руководствовался желанием показать, что латыши не питают к немцам положительных чувств. Поэтому, в песнях в разделе «Вацземе» звучат антинемецкие настроения. Параллельно с принижением всего немецкого Спрогис стремился возвеличить все латышское, принизить немецкое. По данной причине, немцы, в изображении Спрогиса, не только господа и помещики, опасные люди, но и глупые существа. Будучи угнетены национально и социально, латыши стремились компенсировать свои проблемы высмеивая и критикуя все немецкое с позиций народного традиционного крестьянского сознания: «Ше невайд таду коку, Каді кокі Вацземе; Вірз акменя Берзиныш ауга, Зел-та пога галіня» («Здесь нет таких деревьев, какия деревья в Неметчине, На камне растет береза, На ее макушке золотая почка»), «Эс аскалу ванадзіню, Айзсутію Вацземе, Вацземньку бринояс, Видземс путті брункс нес» («Я заковал сокола, Послал его в Неметчину, Удивляются немцы, что Лифляндския птицы носят кольчугу»)⁴⁵.

Антинемецкий настрой Спрогиса проявился и в тех песнях, подобранных им для публикации, которые были посвящены Риге. Отличительная черта песен данного раздела – Рига постепенно все более осознается как именно латышский город, несмотря на то, что большинство городского населения составляли немцы. При этом Спрогис осознавал и то, что процветание Риги не является результатом немецкого труда. Спрогис исходил из того, что благополучие главного немецкого города региона – результат угнетения латышей немцами: «Рига! Рига! Скайста, скайста! Кас то скайсту

даріная? Відземньку сура вара, Пакавоті кумеліні» («Рига! Рига! Красива она, Но кто ее сделал красивою? Тяжелая неволя Лифляндцев. Их подко-
ванные кони»)⁴⁶.

Особенное внимание Янис Спрогис уделил подбору песен о «чужих людях». Судя по песням, отношение составителя сборника к разного рода инородцам было отрицательным. Отличительная черта данных песен состоит в том, что инородцы рассматриваются им как опасные «чужие люди», которые несут латышам только вред, от которых латышскому населению угрожает опасность. Инородцы, в изображении Спрогиса, способны только на то, чтобы угнетать латышей, расхищать латышские богатства. Особенно Спрогис негативно относился к тому, что инородцы вывозили из Латвии латышек, что отрывало их от их национальных корней⁴⁷.

Спрогис был одним из первых, кто уделил внимание особенностям языческой латышской донемецкой культуры. Заслуга Спрогиса в данном направлении состоит в том, что он подобрал целый ряд песен, где широко представлены языческие мотивы, упомянуты имена латышских донемецких языческих богов. Спрогис упоминает Диевса – Бога. Он описывает бога с традиционных крестьянских позиций. В понимании Спрогиса Диевс – Бог может «тихо, тихо ездить с горы в долину», он ездит «на дымчатом коне, который приносит листья деревьям». Через седло коня Бога «всходит солнце, через его узду – луна». Спрогис был одним из первых, кто описал Перконса – героя латышской языческой мифологии⁴⁸.

Увлекаясь идеей транскрипции литовских и латышских текстов русскими буквами, Спрогис противодействовал возникновению местной народной письменности для литовцев. Его политические взгляды не помешали ему, однако, отыскать три документа западнорусской юридической письменности 1651, 1701, 1750 годов. Спрогис, основываясь на этих источниках, доказал, что присяга произносилась на суде на литовском языке, а тексты были записаны латинскими буквами⁴⁹. Спрогис считал, что литовцы лишь часть латышей и со временем они должны перейти на латышский язык, который он и старался им привить, используя кириллицу и латышские языковые формы.⁵⁰ При этом латышские историки языка неоднократно отмечали несоответствие русской кириллицы нормам латышского языка и находили значительные недостатки в издании Я. Спрогиса⁵¹.

Появление латышского национализма, имевшее форму «политизации народной культуры»⁵² через смену религиозной парадигмы, что стало своего рода «религиозной терапией»⁵³ для угнетенного латышского крестьянина, в 1840-е годы не могло остаться незамеченным. При этом влияние данных событий на латышей было не столь значительным. События 1840-х годов были своего рода «национальной эмансипацией крестьянского народа», так как латыши поголовно были крестьянами, а российское государство и местные правящие круги не воспринимали их самостоятельное общество⁵⁴. Его появление привело к активизации политической борьбы в

регионе, что выразилось в начале активной взаимной критики как немецких политических лидеров, так и теоретиков молодого латышского национализма. Историки Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по данному поводу отмечают, что активный прозелитизм Русской Православной Церкви, который в ряде регионов Латвии и Эстонии развивался вполне успешно, привел не только к активизации конкуренции между православием и протестантизмом, но и к росту числа публикаций на латышском и эстонском языках, то есть началу политической полемики⁵⁵.

Критика раннего латышского национализма связана в основном с изучением истории деятельности Индрикиса Страумитса и движения за переход в православие. Появление такого неоднозначного произведения как страумитовские записки (ставшего одним из признаков национального возбуждения латышей) не могло остаться незамеченным. Несмотря на то, что произведение Страумите нередко несет в себе «упрощенный и стереотипизированный образ действительности»⁵⁶, оно вызвало отклики. Правда, нередко они касались не самого автора, а Ю. Самарина, выступившего в роли издателя.

«Литературные провинности не остаются безнаказанными»⁵⁷, - замечает французский историк Р. Шартье. Первыми откликнулись, разумеется, немцы. Именно они восприняли Записки как провинность, при этом – весьма опасную и серьезную. Еще в 1864 году пастор Вальтер, комментируя усиление православия в 1840-е годы писал, что «Лифляндия должна быть исключительно немецкой страной: поэтому, наш главнейший долг защита прав немцев и лютеранской церкви ... из сожаления к исчезающим расам, мы поддерживали их национальность, но между нами не должно быть ни эстов, ни латышей, ни русских – в Лифляндии могут и должны жить только немцы»⁵⁸. Позднее он утверждал, что опасность в 1840-е годы грозила евангелической церкви и закону и порядку в Прибалтике⁵⁹. Немецкие авторы, как правило, истоки всех проблем видели в религиозной пропаганде Православной Церкви⁶⁰.

После этого многие балтийские немецкие деятели стали иначе относиться к латышам – они стали несколько большее внимание уделять вопросам образования латышей. Например, такого мнения придерживался пастор Шац, стремившийся «привлечь латышей к нужному образованию». В 1842 году он отметил, что немцы должны большее внимание уделять и подготовке латышских детей к конфирмации, что исключало бы их последующий переход в православие. В 1845 году пастор К. Бруинингк констатировал необходимость воспитания в латышах набожности и преданности. Похожие идеи и выражала подконтрольная немцам «*Latweeschu Awihzes*» («Латышская газета»), указывавшая на то, что латышам надо дать «не светское образование, а ценности с большим духовным содержанием»⁶¹.

В аналогичном духе были выдержаны и другие немецкие работы. Это особенно относилось к немецким балтийским историкам, если не ко всем,

то к подавляющему большинству. Они исходили из принципа, что балтийские земли всегда были колонией и не просто колонией, а именно – немецкой колонией⁶². К числу немецких авторов, которые непосредственно обратились к самаринскому изданию был Карл Ширрен – он, в частности, призывал принять какие-либо действия против Самарина⁶³, а иначе бездействие приведет к потере немецкого влияния в Прибалтике⁶⁴. Позднее эта позиция по достоинству была оценена немецкими историками. Например, Г. фон Пистолькорс считал, что в 1840-е годы немецкие власти в русской Прибалтике могли реальную возможность стабилизировать свое положение, проведя реформы, но, не пойдя по этому пути, они лишь стабилизировали и несколько укрепили существующий порядок⁶⁵.

Положительную оценку движение за переход в православие получало только в балтийской русской литературе и прессе⁶⁶. Многие латышские авторы критиковали немецкое лютеранское духовенство: «прибалтийские лютеранские священники всегда были более ненавистными врагами народа, чем сами бароны – они получали свои приходы по милости баронов и должны были заботиться о том не только как эксплуатировать крестьян, но и о том, чтобы те были более эксплуатируемыми»⁶⁷, – писал, например, Фрицис Розиньш-Асис. Более поздние латышские интеллектуалы исходили часто из марксистских позиций. Это было характерно, разумеется, для советской Латвии. В связи с этим, показательны выводы П. Валескалнса. Обращение в православие он, как ни странно, рассматривал как результат «происков лютеранских пасторов», оценивая его как форму классовой борьбы: «под религиозной оболочкой скрывалась надежда крестьян избавиться от ненавистного ига немецких захватчиков». В целом считалось, что это вело к росту связей между ... латышскими и русскими революционерами⁶⁸.

Западные интеллектуалы к самаринскому изданию работ Страумите не обращалась. Проблематика перехода в православие присутствует в контексте других тем. Например, Д. Хоскинг указывал на то, что российские власти до определенной степени предпочитали поддерживать латышей в их противостоянии немцам. Ю. Самарина оценивается как «первый русский государственный деятель, который предпринял наступление на немецкое владычество в Прибалтике»⁶⁹. Что касается отечественной реакции, то дореволюционные историки уделяли значительное внимание переходу латышей в православие. В связи с этим показательна концепция П.М. Токарева. Переход в православие объяснялся тем, что крестьяне находились в сложном экономическом положении, бедствовали, при этом они не могли, по его словам, применять насилие, так как понимали бесперспективность подобных действий: «Верующая душа латыша нашла в православии такую обрядность и такое богослужение, которые одновременно давали пищу для ума, воображения и чувства человека, так как доставляли пищу исключительно уму», – писал он. Историк указывал и на то, что в переходе в право-

славие главную опасность увидели немецкие бароны. Именно они, по его словам, стали главными инициаторами повторного обращения в лютеранство. При этом к переходу в православие он относился положительно: «церковь православная была готова принять новых чад»⁷⁰.

Рассматривая значение предпарадигмальной стадии в латышском национальном движении, можно сравнить ее с родившимся ребенком, о котором не ясно выживет он или нет. Ситуация неопределенности существовала в отношении молодого латышского национализма в 1830 – 1850-е годы. Национализм уже существовал, был выработан определенный комплекс идей. Правда, не было ясно, какова будет их дальнейшая судьба, было сложно сказать ждет ли латышей почти полная германизация и существование в такой же обстановке в которой существуют лужицкие сербы. Наряду с германизацией не менее опасной была и перспектива русификации.

Мировоззрение ранних латышских националистов – явление очень сложное и многоплановое. Некоторые историки вообще склонны отрицать наличие национального мировоззрения у тех, кто достаточно легко сменил одну веру на другую. Янис Лицис (1830 – 1906, Индрикис Страумите или Янис Лицитис, по другим источникам) был, скорее всего, именно таким человеком. Это относится и к двум другим лидерам православного движения – к Давидсу Балодису (обратившемуся в православие в 1847 году 2057, а вообще – 7322 латышей) и Янису Спрогису⁷¹. Однако, в латышском случае смена веры не была просто социально вынужденным явлением, так диктовалась скорее всего национальными чувствами. Некоторые историки, рассматривая фактор смены одной веры на другую в национальных движениях считают, что новообращенные не имели национального самосознания, а стремились только к укреплению своего личного престижа и создания особого положения для своих сторонников⁷². Тем не менее, национальное мировоззрение ранних латышских общественных деятелей – явление очень сложное и многоплановое.

Раннее латышское национальное мировоззрение не может быть сведено к книжному знанию. Мировоззрение националистов данного этапа определялось в значительной степени устной традицией и народной культурой, которая имела древние и отдаленные истоки⁷³. Идеи раннего национального движения обнаруживают свою близость с кружками склонными к инакомыслию и существовавшими в России. Магистральными идеями на данном этапе были веротерпимость, уравнивание религий, развитие морали и т.п. В идеях Яниса Лициса было немало традиционного, что сближает его с более ранними мыслителями. Мировоззрение Лициса стало своего рода латышским переосмыслением немецкой лютеранской религиозности переложенной на традиции русского православия. Таким образом, Лицис-Страмитс в своей доктрине соединил изначально несоединяемые элементы. По данной причине, они и обрели крайне незначительную востребо-

ванность со стороны латышей того времени. Вот почему, используя терминологию М. Кертиса, Янис Лицис – Индрикис Страумитс – это «невостребованный интеллект»⁷⁴ или «alienated intellectual»⁷⁴.

Вместе с тем, история латышского национального движения на этом раннем этапе его развития – это не есть история отдельных политических лидеров и теоретиков, так как таковых в латышской среде тогда еще не существовало. Это, скорее всего, история движения одиночек-маргиналов. «Во все времена, во всех обществах существовали одиночки, способные к бунту против своей социальной среды ... подобные люди играли центральную творческую роль в обновлении типов сознания и поведения людей, оставаясь редким исключением»⁷⁵, - пишет отечественный культуролог Г.Г. Дилигенский. В целом, признавая правоту выводов Г.Г. Дилигенского, мы можем их несколько конкретизировать для конкретного латышского случая: «бунт» И. Страумите и его сторонников был не просто бунтом против социальной среды – это было возмущение, по преимуществу, религиозного плана; что касается обновления типа сознания, то эти ранние латышские националисты стремились не просто к его новациям, а почти к замене новыми образцами поведения.

События 1840-х годов, связанные с переходом в православие свидетельствуют о том, что доверие к старому политическому и религиозному порядку, который существовал в латышских землях, было в значительной степени подорвано. Подрыв старого порядка выразился в том, что изменились религиозные устремления, ослабли немецкие институты и сократилось их влияние на латышей, которые стали относиться к ним с меньшим уважением. Кроме этого в латышских землях возросла неудовлетворенность незначительного числа образованных латышей относительно существовавшего порядка, своего места в его рамках. Образованные латыши начали испытывать чувство недоверия к немецким авторитетам – началось развитие скептицизма, который «исподволь подточил веру в традиционные ценности и иерархии». Перефразируя слова английского историка Л. Стоуна можно сказать, что без перехода части латышей в православие в 1840-е годы, не возник бы латышский национализм, то есть – без возрождения религиозного не было бы возрождения национального.

Тем не менее, за православной тенденцией в латышском национальном движении не было будущего. Православные латышские деятели, как бы не было велико их влияние, все же оставались национальными маргиналами. Они представляли собой особую субгруппу людей, которая находилась в промежуточном положении между несколькими крупными и более влиятельными группами. Первой группой были балтийские немцы, которые рассматривали Страумитса и его сторонников как угрозу своему политическому доминированию. Второй группой были первые образованные латыши, которые просто не приняли модель, предложенную православными латышами, так как она была чревата полной ассимиляцией. Третьей

группой была собственно Российская Империя, власти которой так же не имели определенной программы развития отношений с православными латышами: для Империи были важны балтийские немцы и, поэтому, от серьезной поддержки латышского православного движения она отказалась.

При этом следует принимать во внимание и то, что победа православного течения в национальном движении могла негативно сказаться на развитии латышей как общности, так как она могла создать предпосылки для русификации. Однако ее крах лишил русификаторскую политику в Латвии опоры и устойчивых оснований. Крах перехода в православие привел к тому, что латыши так и остались узкой, во многом замкнутой, группой, что затрудняло влияние на нее. Безусловно, русификация была затруднена и из-за того, что оставшиеся в лютеранстве или католичестве латыши сохранили свои этнические различия, точнее - отличия от русского населения.

Однако латышский народный протонационализм уже на своем самом раннем этапе истории обладал завидным иммунитетом к внешним опасностям. Ни германизация, ни русификация и распространение православия не смогли подавить национального импульса в среде латышей. Латышское, только что начавшееся движение, колебалось между двумя тенденциями. Это говорит о том, что оно не обрело единой парадигмы, которая определяла бы ее развитие. Отсутствие единой парадигмы проявилось в наличии двух тенденций. Первая была представлена достаточно сильными прорусскими настроениями. Прорусское течение достаточно быстро отмерло как некий атавизм, став движением по преимуществу религиозным; этим самым оно дало волю развития другому крылу в рамках латышского национализма, которое постепенно трансформировалось в сторону младолатышского движения. Второе течение было представлено незначительной группой латышских интеллектуалов, которые были заинтересованы в развитии Латвии на латышской основе без перенесения русских норм. Именно за этой группой оказалось будущее.

Проанализированные события были именно ранним национальным движением которое отличалось: 1) традиционалистско-религиозным содержанием и отсутствием модернового импульса; 2) синкретическим характером (национальные, политические и религиозные идеи не были четко разведены); 3) отсутствием организационной структуры, печатных органов и общепризнанных лидеров.

Поэтому, к 1850-м годам оно сходит с исторической сцены, уступив место зрелому (младолатышскому) движению, которое сочетало политический ориентир на Россию с приоритетом сохранения латышских национальных традиций. Раннее национальное движение уступило место зрелому. Культивирование латышского национального стало парадигмой, которая определяла развитие национального движения, известного как младолатышское, во второй половине XIX века. Таким образом, все массовые движения взаимозаменяемы – одно движение легко может превратиться в

другое: значит, религиозное движение со значительным национальным импульсом в состоянии эволюционировать до движения националистического. События более позднего периода демонстрируют верность этого предположения.

¹ Шишић Ф. Југословенска мисао / Ф. Шишић. - Београд, 1937. - С. 48.

² Топольский Е. Бедность и достаток как категории исторической концептуализации / Е. Топольский // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. - М., 1994. - С. 266.

³ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence 1940 – 1990 / R.J. Misiunas, R. Taagepera. - Berkley – LA., 1992. - P. 5.

⁴ Салыгин Е.Н. Теократическое государство / Е.Н. Салыгин. - М., 1999. - С.91.

⁵ Нольте Х.-Х. Индивидуализм и нация на Западе. - С. 19.

⁶ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 186, 203.

⁷ Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник / М.С. Джунусов. - М., 1998. - С. 31.

⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 187 – 188, 203.

⁹ Там же. - С. 195.

¹⁰ Там же. - С. 249.

¹¹ Там же. - С. 196 – 197, 206 – 207, 211.

¹² Там же. - С. 215.

¹³ Там же. - С. 239.

¹⁴ Там же. - С. 238.

¹⁵ Там же. - С. 242.

¹⁶ Там же. - С. 244.

¹⁷ Там же. - С. 231.

¹⁸ Там же. - С. 218.

¹⁹ Там же. - С. 234.

²⁰ Там же. - С. 231.

²¹ Там же. - С. 254.

²² Там же. - С. 234.

²³ Там же. - С. 256.

²⁴ Там же. - С. 235.

²⁵ Там же. - С. 251.

²⁶ Там же. - С. 256.

²⁷ Там же. - С. 236.

²⁸ Rauch G. von Baltic States. Years of Independence / G. von Rauch. - NY., 1995. - P. 7.

²⁹ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 185, 200, 211, 214.

³⁰ Гараджа В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. - М., 1996. - С.145.

³¹ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 234.

³² Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 246.

³³ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества» // Даугава. - 1992. - № 4. - С. 134.

³⁴ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.

³⁵ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 135.

³⁶ О латышских народных песнях // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Рига, 1876. - С. 55 – 63.

- ³⁷ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 136.
- ³⁸ Там же. - С. 136.
- ³⁹ Там же. - С. 137.
- ⁴⁰ О латышских народных песнях. - С. 61.
- ⁴¹ Там же. - С. 61.
- ⁴² О латышских народных песнях. - С. 61.
- ⁴³ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 137.
- ⁴⁴ О латышских народных песнях. - С. 61.
- ⁴⁵ Там же. - С. 62.
- ⁴⁶ О латышских народных песнях. - С. 62.
- ⁴⁷ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел четвертый // Даугава. - 1993. - № 1. - С. 119.
- ⁴⁸ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел пятый // Даугава. - 1993. - № 4. - С. 148 – 150.
- ⁴⁹ Известия Императорской Академии Наук. - Т. IV. - 1896.
- ⁵⁰ Список работ Спрогиса см.: Витебские Губернские Ведомости. - 1898. - № 136.
- ⁵¹ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.
- ⁵² Шартъе Р. Культурные истоки французской революции. - С. 149.
- ⁵³ О термине см.: Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние Века / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. - М., 1995. - С. 151.
- ⁵⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 161 – 162.
- ⁵⁵ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. - P. 6.
- ⁵⁶ Салыгин Е.Н. Теократическое государство. - С.92.
- ⁵⁷ Шартъе Р. Культурные истоки французской революции. - С. 75.
- ⁵⁸ Цит.по: Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С.111.
- ⁵⁹ Bischof Dr. Walter. - Leipzig, 1891.
- ⁶⁰ Православие и лютеранство в России. - Лейпциг, 1890.
- ⁶¹ Об этом подробнее см.: Daukste V. Par carisma un Baltijas muižniecībām attiecībām zemnieku skolu un izlītības jautājumos (19.gs. 40. – 50.gadi) / V. Daukste // Германия и Прибалтика. - Рига, 1983. - С. 51 – 65; Даукште В. Сотрудничество остзейского дворянства и лютеранского духовенства по вопросу просвещения латышских крестьян в 1840-х – 1850-х годах (в Курляндии и Лифляндии) / В. Даукште // Германия и Прибалтика. - Рига, 1980. - С. 100 – 113.
- ⁶² Erdmann B. Einige glossen uber baltische Labensformen / B. Erdmann // BM. - 1913. - Bd. 55. - No 1.
- ⁶³ Thaden E. Samarin's "Okrainy Rossii" and official policy in the Baltic Provinces / E. Thaden // Russian Review. - Vol. 33. - P. 405 – 415.
- ⁶⁴ Schirren C. Livlandische Antwort an Herrn Juri Samarin / C. Schirren. - Leipzig, 1896. - S.174.
- ⁶⁵ Pistohlkors G. von Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution / G. von Pistohlkors. - Gottingen – Frankfurt – Zurich, 1978.
- ⁶⁶ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия / Н. Лейсман. - Рига, 1908; Записки священника Полякова об Эйхенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Т.3. - Рига, 1880. - С.515 – 564; Преображенский В.И. Открытие рижского викариатства / В.И. Преображенский // Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской губернии. - Рига, 1894. - Вып. 2; Веселов П. Духовное правление во время рижского викариатства / П. Веселов // Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии.

- 1895. - Вып. 3; Высоцкий И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710 - 1910) / И. Высоцкий. - Рига, 1894; Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет. Популярно-исторический очерк / С. Сахаров. - Краслава, 1937; см. так же: Сахаров С. Рижские православные архипастыри за сто лет / С. Сахаров // Даугава. - 1992. - № 6. - С. 176 – 189; 1993. - № 1. - С. 179 – 192; Сахаров С. Православные церкви в Латгалии / С. Сахаров. - Рига, 1939; Гаврилин А. Некоторые вопросы крестьянского движения за переход в православие в 1841 году в Прибалтике в интерпретации апологетов православия / А. Гаврилин // *Latvijas agrārās vēstures jautājumi*. - R., 1984. - lpp.126. – 144.

⁶⁷ Розинь Ф. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике / Ф. Розинь. - М., 1925.

⁶⁸ Валескалн П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли Латвии / П.И. Валескалн. - Рига, 1967. - С. 84 – 85.

⁶⁹ Хоскинг Д. Россия: народ и империя / Д. Хоскинг. - Смоленск, 2000. - С. 395 – 396.

⁷⁰ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 93 – 98.

⁷¹ Sproģis J. Pašbiogrāfija / J. Sproģis. - R., 1911.

⁷² Ћоровић В. Босна и Херцеговина / В. Ћоровић. - Београд, 1925. - С. 71 – 72.

⁷³ Гинзбург К. Сыр и черви. - С. 45.

⁷⁴ По проблеме интеллектуалов, в особенности – невостребованных – и их роли в формировании политических идеологий и движений см.: Curtis M.H. *The Alienated Intellectuals of Early Stuart England* / M.H. Curtis // *Past and Present*. - 1962. - Vol. 23. - P. 25 – 43.

⁷⁵ Дилигенский Г.Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности / Г.Г. Дилигенский // *Одиссей. Человек в истории. Историк и время*. 1992. - М., 1994. - С.88.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ЛАТВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЛАДОЛАТЫШЕЙ В 1850 – 1880-Е ГОДЫ

Со второй половины XIX века в истории Российской Латвии и латышей начинается качественно новый этап, основные направления политического, социального, культурного развития которого определялись возникновением латышского национального движения, известного в историографии как младолатышское, выступившего в качестве носителя национальной идеологии – идеологии латышского национализма. Формирование национальных движений и новых националистических доктрин – это важная закономерность всей общей европейской истории XIX века, часть национальной истории большинства современных европейских наций¹. Непосредственно на начало нового этапа, повлияли, не только перемены национальной имперской политики, которая была часто лишена последовательности², но и, по мнению отечественной исследовательницы И.И. Лещиловской³, европейские революции 1848 – 1849 годов. В латышской историографии, как правило, рассматривалось лишь влияние революции на правящие круги Прибалтики, то есть на немецкое дворянство, что привело к тому, что воздействие революции собственно на латышей оказалось практически неизученным⁴. Кроме этого начавшуюся активизацию латышей можно рассматривать как запоздалый отголосок и Великой Французской буржуазной революции⁵.

Латышский национализм в классической для того времени форме (младолатышское движение) возник в середине XIX века. Центром латышского национального движения на данном этапе была не этническая латышская территория (Видземе, Курземе) и не Рига, а столица Российской Империи – Санкт-Петербург. Определенную роль сыграли латыши, проживавшие в Москве. Это вполне согласуется с теорией советской исследовательницы М. Юхнёвой, которая считала, что на определенных этапах развития латышского национального движения. М. Юхнёва отмечала, что это стало результатом того, что на территории Латвии к середине XIX века отсутствовали латышские национальные города. В таком случае, по словам исследовательницы, центром национального движения мог стать иноматеринский город без различия, где этот город находился – «на собственной этнической территории или вне ее». Юхнёва совершенно верно отмечала, что центром национального движения город вне этнической территории мог быть лишь на раннем этапе истории национализма, так как число его носителей было относительно невелико⁶.

В середине XIX столетия, по словам латышского автора начала XX столетия Р. Петерсонса, для «сознательного национального движения сложились известные социальные предпосылки»⁷. Первыми подлинно латышскими националистами были участники младолатышского движения, известного в латышской историографии как «jaunlatviešu kustība»⁸. Возникновение латышского национального движения младолатышей связано с тем, что в Дерптском университете учился ряд латышских студентов. Дерптский университет был тем центром, где формировались национальные движения в Прибалтике⁹. В университете существовал Дерптский студенческий латышский кружок, известный в латвийской историографии как «tērbatu latviešu studentu pulciņš»¹⁰. В состав кружка, по Теодорсу Зейфертсу, входили Аллунанс (Alunans), Баронс (Barons), Берзиньш (Bērziņš), Фрейбергс (Freibergs), Куршевицс (Kurševics), Закрановичс (Zakranovičs), Гетлерс (Getlers), Гринхофс (Grīnhofs), Хесс (Hess), Юрьянс (Jurjāns), Зоннебергс (Zonnenbergs), Калниньш (Kalniņš), Винкс (Vinks) и Валдемарс (Valdemārs)¹¹. Позднее именно эти фигуры определяли развитие латышского национального движения. Национальные движения в российской Прибалтике были движениями не масс, а отдельных деятелей – политиков разной ориентации и интеллектуалов. Данная особенность была замечена в историографии балтийских стран, где создана значительная литература о роли отдельных лидеров в развитии национальных политических традиций¹².

Сам термин «младолатыши» является германским изобретением, а первым, кто его употребил, считается немецкий пастор Браже. На нелатышские истоки термина указывал и один из современников младолатышей А. Деглавс¹³. Происхождение термина связано с общеевропейской тенденцией развития молодых наций, требовавших создания своих независимых государств – Молодая Италия, Молодая Чехия, Молодая Германия. Британский историк Э. Хобсбаум указывает на чисто символическое значение данных названий и на их принятие более поздними националистами, в том числе и латышскими¹⁴. В истории движения историками марксистской ориентации выделяется, как правило, два периода.

Первый этап истории младолатышей датируется ими 1850 – 1870-ми годами. Антинемецкая направленность и национально латвийская ориентированность, распространение идей о необходимости поощрения развития по капиталистическому пути – магистральные идеи данного времени. Второй этап историками-марксистами позиционировался на 1870 – 1880-е годы. Упадок движения и начало его перехода на позиции классического национализма на этнической базе – таково его идейное содержание в соответствии с марксистской интерпретацией. Движение 1860-1870-х годов в марксистской науке рассматривалось как «буржуазно-национальное»¹⁵.

Возникновение и первые шаги собственно латышского национализма следует связывать с историей младолатышского движения – первого на-

ционалистического движения, носителем идеологии которого была молодая и агрессивная латышская буржуазия и национальная интеллигенция, заявившая о себе к 1860-м годам, когда Латвия, по словам М. Духанова, представляла собой «пристанище феодальной реакции»¹⁶. Началу национального движения в окраинах Российской Империи способствовало то, что к 1860-м годам консервативная и русификаторская тенденция в политической жизни Российской Империи не была столь значительной и влиятельной как в период правления Николая I¹⁷. Латышское национальное движение собственно в Латвии начиналось в крайне неблагоприятных стартовых условиях «строгого ограничения местной культуры»¹⁸. Латыши, по сравнению с немцами, не имели влияния и не занимали важных позиций в обществе. Например, вся рижская торговля к 1860-м годам находилась в руках немцев – немецкой городской буржуазии и немецкого баронства. К 1867 году латыши в Риге, по сравнению с немцами (и даже русскими), были в меньшинстве: если немцев было 43 980 человек, то латышей – 24 199 человек. Русское население Риги составляло 25 тысяч 772 человека¹⁹.

Национальные силы, начиная с 1860-х годов, достаточно быстро овладели умами латышей лишь по причине широкого использования национальной идеи, создателями которой они и были²⁰. Это национальное движение в латышской историографии рассматривается как национальное (или народное) Возрождение - *tautiska atmoda*. С некоторыми вариациями данный термин используется и в отношении истории других балтийских государств – Литвы, Финляндии и Эстонии²¹. В последней Национальное пробуждение рассматривается как гарантия начала национального движения²². Одним из первых термин «Возрождение» в отношении национальных процессов, связанных с активизацией угнетенных наций, появлением у них национальных лидеров и новых политических идеологий использовал в начале XX века хорватский историк Дж. Шурмин²³.

Под национальным Возрождением или «процессом национального Возрождения»²⁴ в отечественной историографии, как правило, понимают совокупность процессов, которые ознаменованы ростом национальной культуры, развитием духовной жизни, появлению деятелей науки и искусства нации переживающей активизацию. Принадлежность национального Возрождения в Латвии к общеевропейской линии истории отмечал, например, П.Я. Крупников²⁵. Особо отмечается тот факт, что национальное Возрождение характеризуется ростом интереса к историческому прошлому того или иного народа²⁶. Согласно А.С. Мыльникову, национальное Возрождение – это период становления национальной культуры²⁷, результат подъема народного антифеодального движения²⁸. В самом общем плане, Национальное Возрождение представляет собой широкое культурное и общественное движение, направленное на формирование нации²⁹. В данном латышском случае (и балтийском – вообще) национальное Возрожде-

ние можно рассматривать как возобладание национальных идей и возникновение необходимости формулировки таких понятий как целостность нации, латышский народ и латышскость, на базе которых было возможно намерение различных политических целей³⁰. В целом начало национального Возрождения было невозможно без деятельности более ранних латышских писателей и авторов, кому принадлежит заслуга того, что они начали формировать у небольшого количества читающих латышей чувство любви к родине. На территории всей Европы XIX столетия, по словам хорватского историка Йосипа Хорвата, именно «любовь к родине создала чудо национального возрождения» в общеевропейской перспективе³¹.

При изучении истории младолатышского движения мы сталкиваемся с фактом, что оно было крайне разнообразным и неоднородным, что проявилось как в составе его участников, так и в развиваемых ими политических доктринах и теориях. По этой причине, в рамках латышского национализма на данном этапе можно выделить несколько основных тенденций, определявших изменения его идеологической окраски. Первый компонент – это религиозный традиционализм, представленный братьями Матиссом и Рейнисом Каудзите и Андриевсом Ниедрой. Вторая составляющая – это культурный романтизм Аусеклиса, Андрейса Пумпурса, Карлиса Скалбе и других латышских писателей и поэтов. Именно эти два компонента и придавали национальному движению его правый характер, привнося в него религиозность, романтизм, идеализацию прошлого, романтизацию латышской нации. Две эти тенденции развивались вокруг своего рода стержня. Стержнем, в свою очередь, была деятельность латышских националистов, которые, как правило, в историографии и причисляются к младолатышскому движению. В данном случае речь идет о Кришьянисе Валдемарсе³², Юрисе Аллунансе, Каспарсе Биезбардисе, Кришьянисе Баронсе, Фрицисе Трейландсе-Бривземниексе, Андрейсе Спагисе, Аттисе Кронвалдсе, Андрейсе Пумпурсе. Их заслуга состоит в том, что двум названным выше национальным тенденциям они придали политический характер, подняв вопросы о пути развития Латвии, об аграрной проблеме, о политической ориентации, об отношениях с Россией и русской культурой. Именно анализу указанных тенденций и посвящена настоящая глава данного исследования.

Младолатышское движение было в первую очередь движением националистическим, националистически латышским, националистически прорусским и пророссийским и националистически антинемецким, а «национализм любого вида имеет одинаковую основу, которая состоит в эмоциональной готовности людей отождествлять себя с нацией и защищать лишь ее политические интересы»³³. Английский историк достаточно верно определил характер младолатышского движения, что вполне согласуется с политическими доктринами его участников. Например, по словам видного младолатышского деятеля Андрейса Пумпурса, их национализм стремился к «пробуждению любви к народу и отечеству, просвещению и свободе»³⁴.

Пумпурс в данном случае совершенно верно обозначил две составляющие младолатышского национализма – его этнический, собственно латышский, аспект, и, с другой, освободительное, антинемецкое, значение. В связи с этим показательна и идея, высказанная Аттисом Кронвалдсом в работе «Любовь к Отечеству» («Tēvuzemes mīlestība»), где автор призывал латышей не забывать свое происхождение, латышскую национальность, любить свой народ, историю, знать и изучать латышский язык³⁵.

При этом националистические, именно латышские, элементы в идеологии младолатышского движения присутствовали с того времени, как оно делало свои первые шаги. Еще Спагис, один из первых младолатышских идеологов и теоретиков, пытался доказать, что в Прибалтике надо улучшить положение именно латышского крестьянского населения, дать им больше прав чем русским и литовским крестьянам. Такую позицию он мотивировал тем, что латышские крестьяне – это латыши, и что сами немецкие бароны ни на что в политической области, а тем более на реформы, не способны³⁶. Сходное мнение выражал и Матисс Каудзитс³⁷, указывавший не то, что следует взять “общие отражения наиболее характерных черт народных и создать полный культурно-исторический образ народа”³⁸. Другой младолатышский деятель К. Валдемарс, первый латыш, который пробудил интерес латышей к своим национальным особенностям и способствовал их общественному развитию³⁹, писал, что латыши должны гораздо больше внимания уделять своей национальной принадлежности, развивать свое «мужество и энергию», что будет приводить, с одной стороны, к постепенному усилению латышей, а, с другой, к вытеснению немцев с важнейших должностей и лидирующих позиций в общественной и политической жизни Латвии⁴⁰.

В данном случае перед латышским национальным движением стояла одна совершенно конкретная задача. Его участники должны были сформировать из латышей новую общность – нацию. С этой исторической задачей они успешно справились. Именно благодаря их усилиям на смену аморфной общности, которая базировалась на крестьянстве пришла новая общность – латышская нация, основанная на идеях общности языка, культуры, ментальности. Национализм младолатышей был новой политической силой, новым политическим явлением. Он отрицал значительное число старых институтов, отказывая им в праве на существование. Параллельно младолатышский национализм выступил с программой реформ и преобразований, которая, правда, была далека от последовательности и завершенности. В случае реализации реформаторских проектов младолатышей облик современной им Латвии претерпел бы не только резкие социально-экономические и политические изменения – он был бы изменен культурно.

Ю. Аллунанс стремился уничтожить влияние на латышей немецкого консервативного идеализма и романтизма. Он пытался усилить рационалистические элементы в культуре. В связи с этим очень примечательно неза-

конченное сочинение Аллунанса «Народное хозяйство», где он указывал на необходимость развития капитализма, на поощрения частной инициативы. В своих статьях Юрис Аллунанс неоднократно писал о том, что мир состоит из атомов, что природа находится в постоянном движении, что процесс развития бесконечен, что одни миры исчезают, а на их месте возникают другие. В связи с этим Аллунанс стал отвергать и столь любимый немецкими философами тезис о том, что миром правит некий абсолютный дух, высший разум. Он, напротив, писал, что мир управляем людьми, которые изменяют его в соответствии со своими потребностями. Параллельно Аллунанс призывал и к более рациональной оценке религии: «чудеса – это любимое детище религии, без них она не может существовать, и они идут вместе, по одному пути, рука об руку»⁴¹, - писал он. В данном случае Аллунанс не стоит рассматривать как атеиста, он проявил себя в большей степени как националист, так как критиковал не религию вообще, а привнесенное в Латвию германское лютеранство, которое ассоциировалось у него с угнетением латышей. Похожего мнения придерживался и Кришьянис Валдемарс: «Прибалтийская лютеранская церковь и все ее устройство находятся в руках прибалтийского немецкого дворянства и является его послушной прислужницей»⁴², - писал он. Аллунанс и Валдемарс⁴³ не в коем случае не отвергал религию - он просто стремился отказаться от немецкого протестантизма, желая чтобы на его базе выросло национальное латышское лютеранство. Латышское национальное движение, таким образом, «боролось за настоящее против прошлого». Латышские националисты (Ю. Аллунанс, К. Биезбардис, К. Валдемарс) нередко рассматривали существовавшие немецкие порядки и привилегии как «вмешательство дряхлого отвратительного прошлого в чистое настоящее»⁴⁴.

Аналогичные настроения пытался развивать и К. Биезбардис. Для достижения данных целей в 1875 году он начал издание журнала «Мир и природа» («Pasaule un daba»). Как и Аллунанс, он проявил себя критиком идей статичности и неизменности мира и природы: «из всего видно, что всё с течением времени изменяется, что сегодня блесстит как звезда, завтра обратиться в прах»⁴⁵, - писал он. Биезбардис высказывался и о том, что движение можно рассматривать как сущность всех вещей. «В мире напрасно искать покоя, так как все разрушается, даже горы», - указывал он в одной из своих работ. При этом он, как и Ю. Аллунанс, призывал латышей к активности, к тому, что бы они руководствовались «ощущением как первичным знанием». Кроме этого Биезбардис критически рассматривал и тезис Канта о том, что всякая самость сама по себе уже изначально наделена неким духом⁴⁶.

Другим направлением деятельности младолатышей в сфере культивирования латышской нации и развития латышской культуры было развитие народного образования. Как мы уже отмечали выше, их идеологии призывали власти и общество принимать участие в развитии школ – по словам

историка Эрика Хобсбаума, период с 1870 по 1914 год являлся «эрой начальной школы»⁴⁷. Прогресс во второй половине XIX века имел место не только в естественных науках, но этот процесс имел общеевропейский культурный характер, что привело к тому, что в школах начинали обучать не только «началам грамотности и арифметики», но и прививали общественные ценности своим подопечным, в том числе и националистических⁴⁸.

К началу деятельности латышских националистов на ниве развития народного образования результаты активности властей в данной сфере были более чем скромными – правда, первая школа (Jaņa skola – Школа Яниса) для латышей была создана в Риге еще в 1590 году⁴⁹, а появление других учебных заведений носило спорадический характер⁵⁰. Старая школа разлагалась, она была уже не в силах удовлетворить все желания нарождавшейся латышской интеллигенции, которая желала основания новых школ⁵¹. В латышской части Лифляндской губернии к 1833 году было лишь 33 приходских школы с 590 учениками и 14 волостных школ с 250 учащимися. К 1846 году в Латвии насчитывалось 129 приходских школ и 750 волостных школ с 36031 учащимися. Что касается Курляндии, то на ее территории насчитывалась лишь 471 школа с 10480 учениками и 6664 ученицами⁵². Младолатыши, например О. Плачс, указывали на то, что среди латышей отчетливо наблюдается «ясно выраженная воля к познанию и получению новых знаний»⁵³. С ним вполне мог согласиться и российский историк Ч. Ветринский, указывавший на то, что благодаря деятельности младолатышей среди латышского населения Российской Империи резко возросло число образованных людей, врачей, учителей, адвокатов⁵⁴.

Активность латышских националистов в данном направлении вела к изменению государственной системы образования и заставляла власти вести диалог с обществом, перекладывая на него часть ответственности за образование. Проявлением данного процесса в российской Латвии стало, например, проведение съездов латышских учителей. Кроме этого, именно младолатыши выступили с инициативой проведения съездов учителей в 1869, 1873 и 1874 годах⁵⁵. В ходе этих съездов латышские националисты декларировали необходимость борьбы с немецким засильем в сфере народного образования. Главными врагами были признаны прибалтийские немецкие помещики и лютеранские пасторы⁵⁶. С другой стороны, отдельные младолатыши сами работали в школе, выпускали книги по различным проблемам образования и обучения, заложив тем самым основы латышской педагогической науки. В данном направлении действовали многие латышские учителя, которые значительное внимание уделяли проблемам преподавания латышского языка, так как понимали, что это будет способствовать росту национального самосознания латышей. Это характерно для работ таких латышских авторов как Я. Списс⁵⁷, Фр. Мерконс⁵⁸, Г. Тауриньш⁵⁹, А. Стерстс⁶⁰, М. Каудзите⁶¹, Х. Спалвиньш⁶², О. Плачс⁶³, А. Лайминьш⁶⁴.

Занимаясь народным образованием, латышские националисты нередко преследовали совершенно конкретные политические цели. Они по средством школы стремились использовать ее как мощный механизм воздействия на своих соотечественников. В этом им мог помочь лишь новый тип учителя.⁶⁵ Старый тип себя уже не оправдывал. Раньше учителями были, как правило, немцы. Нередко они были и пасторами. Такие учителя воспитывали латышей в смиренном духе, стремились их германизировать. Вместо этого младолатыши привели в школу учителя-патриота, учителя-националиста, стремящегося способствовать развитию национального самосознания и любви к латышской родине. Использованием народной школы латышские националисты стремились внедрить в массовое сознание образ латышской нации, ее национальной и языковой уникальности и исторического наследия⁶⁶. На более позднем этапе националистического движения, в начале XX века, националисты вообще стремились объединить латышей вокруг национальных символов – языка, флага и герба. При этом последние были исключительно изобретениями националистических теоретиков⁶⁷.

Русский историк Ч. Ветринский рассматривая, младолатышское движение справедливо вскрыл все разнообразие деятельности его участников. Он совершенно верно указал на то, что оно способствовало развитию латышской культуры, росту идей национальной самостоятельности, становлению системы народного образования. Ветринский признавал и то, что латыши благодаря деятельности движения относятся к числу наиболее образованных инородческих народов в составе Российской империи, он указывал и на то, что в первые годы XX века в университетах Москвы и Санкт-Петербурга обучалось более 300 латышей. Развивая этот тезис, им указывалось и на то, что к 1900-м годам в Латвии из 10000 человек в начальных школах обучалось 589 человек, в то время как в русских губерниях аналогичный показатель равнялся лишь 289. Историк по этому поводу писал: «благодаря широкому распространению грамотности среди латышей книги и газеты очень распространились среди крестьянского населения, что такого распространения среди русского крестьянства придется ожидать еще долго; газету, календарь, несколько светских книг, Библию и молитвенник можно найти в каждой латышской усадьбе».⁶⁸ В советской историографии деятельность младолатышей в данном направлении в большинстве случаев получала положительную оценку, так как рассматривалась как прогрессивная борьба «за национальную школу», направленная против «русификаторской политики царизма»⁶⁹.

Деятельность младолатышей на ниве просвещения была такой же частью доктрины латышского национализма, как и развитие латышского языка и латышской культуры. Народное образование относилось, по мнению ряда исследователей, к системаобразующим компонентам новых формировавшихся национальных культур⁷⁰. Развитие образования вело к

появлению нового типа латыша – образованного человека способного не только принимать, но и понимать и развивать националистические идеи. Таким образом, развитие образования вело к появлению латышской национальной интеллигенции⁷¹. Особая заслуга латышских националистов в развитии школьного образования в Латвии состоит в том, что младолатыши превратили школу в эффективный инструмент контроля над латышскими крестьянами. Для этого они широко использовали такую функцию школы как трансляция различных форм культуры. Вместе с тем школа способствовала расширению тех сфер деятельности, в которых латыши могли проявить себя. Это делало латышей более активными и национально сознательными.

Подводя итоги деятельности младолатышей в развитии народного образования следует отметить, что к 1870-м годам оно уже приобрело определенный облик. В образовании можно выделить две ступени, которые были представлены волостными и приходскими училищами. На начальных этапах обучения значительное внимание уделялось преподаванию родного языка. Данная тенденция имела тенденцию к постоянному сокращению и со временем внимание, уделяемое преподаванию латышского языка, сокращалось. Благодаря деятельности латышского национального движения имело место возрастание, как численности школ, так и учащихся. Например, к 1886 году на территории Рижского округа насчитывалось 3004 народные школы с 132 877 учащимися⁷². Кроме этого националистическая активность латышских интеллектуалов привела к росту общей грамотности в Латвии, по причине чего та стала одним из самых грамотных регионов Российской Империи: статистические данные свидетельствуют о том, что в 1891 году в Латгале было 48 школ с 2096 учениками⁷³, а грамотность в Лифляндии составляла к 1897 году 77. 7 %, в Курземе данный показатель равнялся 70. 4 %, а в Риге, ставшей центром латышского национального движения, число грамотных составило 83. 1 %. При этом наименьшее число школ и учащихся было в Латгале - соответственно, 89 и 4606⁷⁴.

При этом следует принимать во внимание и особенность, которая сближает в данном случае латышское национальное движение с национальными движениями других народов Европы. Если начальное и среднее образование националисты ставили под свой контроль относительно быстро и добивались в данной сфере немалых успехов, то высшее образование на протяжении длительного времени долго сдерживало атаки националистов. В Латвии ситуация осложнялась тем, что в Балтийском регионе в XIX веке существовала один университет – в Дерпте. По наблюдению украинского историка национальная активная интеллигенция появляется, прежде всего, в университетских городах⁷⁵. Как латышские националисты не старались сделать Юрьевский университет латышским, достичь этого им не удалось. При этом число латышей, как студентов, так и преподавателей, имело тенденцию к постепенному росту⁷⁶.

Активная деятельность участников латышского национального движения в области развития просвещения и народного образования в историографии, как правило, получала положительную оценку. В критике подобной активности латышей были замечены, пожалуй, лишь немецкие авторы, которые обвиняли латышских националистов в том, что их нововведения в области образования привели к появлению вредных идей, упадку нравственности и т.п. Латышская историография, напротив, в изучении данной сферы младолатышского движения была настроена позитивно. Например, Я. Анспакс считал, что младолатыши заложили основы независимой латышской педагогической мысли, а ведущие теоретики движения, согласно его концепции, опирались на традиции народного воспитания⁷⁷.

Будучи национализмом со значительным модернизационным элементом, национализм младолатышского движения нес в себе и немало традиционного. Модерновость националистических концепций младолатышей диктовалась им их стремлением к проведению в Латвии ряда политических реформ и преобразований, необходимостью вывести Латвию в составе Российской Империи на качественно новый этап развития, как социально-экономического и политического, так и культурного. С другой стороны, в младолатышском национализме элементы традиционализма и консерватизма играли далеко не самую последнюю роль. При этом они самым теснейшим образом были связаны с модернизационным импульсом, заложенным латышскими националистами. Традиционность была призвана стать силой способной противостоять крайностям модернизации, вызовам германской или русской ассимиляции, так как полное приобщение к той или иной культуре рассматривалось определенной частью латышского общества как явление не только современное, но и насущно необходимое. Таким образом, развитие национального движения в Латвии вело к насаждению новой и искоренению старой культуры.

¹ Миллер И.С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического учения / И.С. Миллер // Советское славяноведение. - 1972. - № 4. - С. 31 – 41.

² Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России, русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. - М., 1999.

³ Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения / И.И. Лещиловская. - М., 1968. - С. 45.

⁴ Стродс Х. Некоторые отголоски революции 1848 года в Прибалтике / Х. Стродс // Германия и Прибалтика: проблемы политических и культурных связей. Сборник научных трудов. - Рига, 1985. - С. 142 – 151.

⁵ О всеевропейской роли Революции в национальной активизации см.: Гавриловић Н. Велика француска револуција и срби у јужној Угарској / Н. Гавриловић // Матица српска. Зборник за друштвене науке. - Т. 26. - Нови Сад. - 1960.

⁶ Юхнёва Н. Роль Петербурга в национально-культурном развитии латышей и эстонцев (к вопросу о локализации центров национально-культурных движений вне основной этнической территории) / Н. Юхнёва // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. - Рига, 1985. - С. 159 – 162.

⁷ Петерсон Р. Латыши / Р. Петерсон // Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. - СПб., 1910. - С. 457.

⁸ Термин вошел в латышский язык и представлен в ряде словарей как jaunlatviešu kustība – «младолатыши – участники буржуазно-национального антифеодального движения просветительного движения 60 – 70-х годов XIX века в Латвии» - см.: Latviešu-krievu vārdnīca. - R., 1953. - lpp.248.

⁹ Tyla A. Iš Lietuvos kilę Tartu universiteto studentai, 1802 – 1918 / A. Tyla // Lietuvos istorijos metraštis 1980. - Vilnius, 1981. - P. 62 – 85.

¹⁰ В буквальном переводе с латышского языка – «дерптский латышский студенческий кружок».

¹¹ Примечательно то, что из 14 фамилий, приведенных Т. Зейфертсом, не все являются однозначно латышскими. Как исконно латышские могут быть названы только следующие: Allunans, Barons, Bērziņš, Jurjāns, Kalniņš. Ряд фамилий имеет славянское (Valdemārs, Kurševics, Zakranovičs) или германское (Freibergs, Getlers, Grīnhofs, Hess, Sonnenbergs) происхождение. Этимология фамилии Vinks может быть рассмотрена одинаково как немецкая или латышская.

¹² См. например, об одном из лидеров литовского национального движения Винцаса Кудирки – Merkys V. Vincas Kudirka's concept of Lithuania / V. Merkys // Lithuanian Historical Studies. - Vol. 5. - 2000. - P. 85 – 98; Sirutavičius V. Vincas Kudirka's Programme for Modernizing Society and the Problems of forming a National Intelligentsia / V. Sirutavičius // Lithuanian Historical Studies. - 2000. - Vol. 5. - P. 99 – 112; Būtėnas J. Vincas Kudirka / J. Būtėnas. - Kaunas, 1937; Merkelis A. Didysis varpininkas Vincas Kudirka. Jo asmuo ir gyvento laikotarpio paveiklas / A. Merkelis. - Chicago, 1989. Ряд работ посвящен Йонасу Басанавичюсу – Laurinavičius Č. Jonas Basanavičius kaip moderniosios lietuviybės simbolis / Č. Laurinavičius // Politika ir diplomatija. - 1997. - P. 264 – 268.

¹³ Deglavs A. Latviešu attīstības solis līdz 1875 g. / A. Deglavs. - R., 1893. - lpp. 26.

¹⁴ Хобсбаум Э. Век революции / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 188.

¹⁵ См. например: Страздинь К. О классовой сущности младолатышского движения / К. Страздинь // Против идеализации младолатышского движения. - Рига, 1960. - С.57.

¹⁶ Духанов М. К вопросу о политической платформе царизма в балтийских губерниях в 60-х годах XIX века / М. Духанов // Zinātniskie raksti. - 40. sējums. Vēstures zinātnes. - 3. izlaidums. - R., 1961. - lpp. 264.

¹⁷ Staliūnas D. "The Pole" in the policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century / D. Staliūnas // Lithuanian Historical Studies. - Vol. 5. - 2000. - P. 46.

¹⁸ Weeks T.R. Official Russia and Lithuanians, 1863 – 1905 / T.R. Weeks // Lithuanian Historical Studies. - Vol. 5. - 2000. - P. 69.

¹⁹ Salmiņš A. Jaunlatviešu kustības izveidošanās un tās šķiriskais saturs / A. Salmiņš // Zinātniskie raksti. - XVI sējums. Vēstures zinātnes. - 1. izlaidums. - R., 1957. - lpp. 155.

²⁰ О роли интеллигенции и ее участию в создании национальной идеи см.: Субтельный О. Украина. История / О. Субтельный. - Киев, 1994. - С.283.

²¹ В эстонской историографии используется термин «национальное пробуждение» или «rahvuslik ärkamine».

²² Бассель Н. История культуры Эстонии / Н. Бассель. - Таллинн, 2000. - С. 31, 43.

²³ Šurmin Đ. Hrvatski preporod. / Đ. Šurmin. - Zagreb, 1903.

- ²⁴ Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XIX века / В.И. Фрейдзон. - Дубна, 1999. - С. 40.
- ²⁵ Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев / П.Я. Крупников. - Рига, 1989. - С. 104.
- ²⁶ Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи / В.А. Моторный, К.К. Трофимович. - Львов, 1987. - С. 36.
- ²⁷ Мыльников А.С. Культура чешского Возрождения / А.С. Мыльников. - Л., 1982. - С. 3, 30.
- ²⁸ Мыльников А.С. Общие условия и содержание процесса складывания чешской нации до середины XIX века // Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX века / А.С. Мыльников. - М., 1989. - С. 10.
- ²⁹ Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Часть 1 / ред. А.Г. Машкова, С.С. Скорвид. - М., 1997. - С. 58.
- ³⁰ Варпио Ю. Страна Полярной Звезды. Введение в историю культуры и литературы Финляндии / Ю. Варпио. - СПб., 1998. - С. 7.
- ³¹ Horvat J. Politička povijest hrvatske / J. Horvat. - Zagreb, 1936. - S. 87.
- ³² Единые нормы написания имени и фамилии данного латышского политика отсутствуют. В российской дореволюционной историографии писали – Христиан Мартынович Вальдемар, в советской, как правило, Кришьян Вальдемар. Правильнее писать Кришьянис Валдемарс. Американский исследователь Анатоли Ливен отмечает, что написание имен собственных – самая сложная и противоречивая составляющая изучения этнически выделенных территорий. Об этом см.: Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence / A. Lieven. - Yale, 1994. - P. XLIII.
- ³³ Хобсбаум Э. Век империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 210.
- ³⁴ Pumpurs A. Raksti / A. Pumpurs. - R., 1925. - lpp. 407.
- ³⁵ Bergs A. Kronvalds Atis, priekšlasījums / A. Bergs // Latvju Izglītības biedrības gada grāmata. - Vol. 2. - 1910.
- ³⁶ Spagis A. Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland. - S. 347.
- ³⁷ В советской латвийской историографии имя и фамилия данного национального деятеля писалось русифицировано, то есть Матис Каудзите, хотя правильнее – Матисс Каудзитс.
- ³⁸ См.: Kaudzites M. Atmiņas no “tautiska laikmeta” / M. Kaudzites. - R., 1924. - lpp. 318.
- ³⁹ Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture / T. Zeiferts. - R., 1993. - lpp. 235.
- ⁴⁰ Latvijas vēstures avoti. - Vol. 5. - lpp. 202.
- ⁴¹ См.: Alunāns J. Kopoti raksti / J. Alunāns. - Vol. 2. - R., 1931; Alunāns J. Izlase / J. Alunāns. - R., 1956. - lpp. 146, 177-178, 257.
- ⁴² Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - Vol. 2., R., 1937. - lpp. 514.
- ⁴³ Āronu Matīsa Krišjana Valdemāra savā dzīvē un darbā. - Jelgava, 1892.
- ⁴⁴ Хоффер Э. Истинноверующий / Э. Хоффер. - Мн., 2001. - С. 85.
- ⁴⁵ Pēterburgas Avīze. - 1862. - No 4. - lpp. 35.
- ⁴⁶ Pasaule un daba. - 1875. - lpp. 29, 46, 174.
- ⁴⁷ Хобсбаум Э. Век империи. - С. 220.
- ⁴⁸ Хобсбаум Э. Век капитала. - С. 135.
- ⁴⁹ Greitjāne A. Rakstu darbi latviešu valodas mācīšanā vēsturiskās attīstības gaitā / A. Greitjāne // Zinātniskie raksti. Filoloģijas zinātnes. Valodniecības rakstu krājums. - 5 A laidziens. Latviešu valoda. Latviešu valodas jautājumi. - R., 1963. - lpp. 277.
- ⁵⁰ Latvijas PSR vēsture. 1.sēj. - R., 1953. - lpp. 174.

- ⁵¹ Подобные настроения были проанализированы М. Грушевским в отношении истории украинского национального движения – см.: Грушевский М. История украинского народа / М. Грушевский. - М., 2002. - С. 347.
- ⁵² Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 110.
- ⁵³ Plačs O. Vadons latviešu valodas macībā pagasta skolām / O. Plačs. - R., 1882; см. так же: Greitjāne A. Rakstu darbi latviešu valodas macīšanā vēsturiskās attīstības. - lpp. 277 - 310.
- ⁵⁴ Ветринский Ч. Среди латышей / Ч. Ветринский. - М., 1910. - С. 20.
- ⁵⁵ Paidagoģiska gada grāmata. - Pēterburga, 1876.
- ⁵⁶ Анспак Я. И. Марксистско-ленинская педагогическая мысль в Латвии 1893 – 1917 / Я. Анспак. - Рига, 1981. -С. 34 – 35.
- ⁵⁷ Spiss J. Uzdevumi skolām priekš domu uzrakstīšanas / J. Spiss. - Jelgavā, 1867; Spiss J. Domu raksti pagasta skolām / J. Spiss. - Jelgavā, 1879.
- ⁵⁸ Merkons Fr. Latviskas valodas katķims priekš tautas skolām jeb gramatikalīga lasīšanas, runāšanas un rakstīšanas macībā iekš 393 prasīšanām, uzdošanām, atbildēm un provām ar daudziem piezīmējumiem un īpasu pamācīšanu, kā vēstules rakstāmam / Fr.Merkons. - Jelgavā, 1874.
- ⁵⁹ Tauriņš G. Latviešu valodas gramatika priekš skolām un pašmācības / G. Tauriņš. - Jelgavā, 1877.
- ⁶⁰ Stērsts A. Latviešu valodas macībā / A. Stērsts. - R., 1879; Stērsts A. Latviešu valodas macībā. Sistematisks kurss / A. Stērsts. - R., 1880; Stērsts A. Vadonis latviešu valodas macībā / A. Stērsts. - R., 1880.
- ⁶¹ Kaudzites M. Ortografijas kurss / M. Kaudzites. - R., 1886.
- ⁶² Spalviņš H. Palīgs valodas macībā un domu rakstos / H. Spalviņš. - R., 1879.
- ⁶³ Plačs O. Vadons latviešu valodas macībā pagasta skolām / O.Plačs. - R., 1882.
- ⁶⁴ Laimiņš A. Domu raksti / A. Laimiņš. - R., 1894.
- ⁶⁵ Strode L., Strods H. Vēstures mācību grāmatas latviešu tautaskolās XIX gs. II puse / L. Strode, H. Strods // LPSR ZA Vēstis. - 1972. - No 8.
- ⁶⁶ Strode L., Strods H. No Latvijas tautskolu vēstures XIX gs. I pusē / L. Strode, H. Strods // Padomju Latvijas Skola. -1957. - No 7. - lpp. 82. – 91.
- ⁶⁷ Hobsbowm E. Mass-producing Traditions: Europe 1870 – 1914 / E. Hobsbowm // The Invention of Traditions / ed. E.Hobsbowm and T. Ranger. - Cambridge. 1983.
- ⁶⁸ Ветринский Ч. Среди латышей. - С. 22 – 23.
- ⁶⁹ Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаета М.Ф. История педагогики / Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский, М.Ф. Шабаета. - М., 1982. - С. 273.
- ⁷⁰ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы... - С. 125.
- ⁷¹ Проблема формирования национальных интеллигенций у народов Российской Империи изучена пока крайне слабо. Одна из немногих и не самых удачных монографий подобного плана работа А.И. Бабий, посвященная анализу хода формирования национальной интеллигенции на примере молдавского национального движения – см.: Бабий А.И.Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX века / А.И. Бабий. - Кишинев, 1971.
- ⁷² Эланго А.Ю. Из истории эстонской школы и педагогической мысли. - С. 16, 28.
- ⁷³ Крастынь Я.П. Революция 1905 – 1907 годов в Латвии / Я.П. Крастынь. - М., 1952. - С. 36.
- ⁷⁴ Анспак Я., Рубертс Я. Школа и педагогическая мысль в Латвии. - С. 352 – 353.
- ⁷⁵ Субтельный О. Украина. История. - С. 286.
- ⁷⁶ Эланго А.Ю. Из истории эстонской школы... - С. 21.
- ⁷⁷ Анспак Я. И. Марксистско-ленинская педагогическая мысль в Латвии 1893 – 1917. - С. 22.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ЛАТЫШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1860 – 1890-Х ГОДОВ

Как мы отметили выше, латышское национальное движение содержало в себе значительный модернизационный импульс. Для латышей модернизация была равносильна созданию национальной идентичности. Идентичность создавалась за счет формирования новых культурных устоев и латышского литературного языка. Культура и язык были важнейшими сферами проявления национализма. Перед латышскими националистами в культурной сфере стояла задача создания национальных культурных ценностей, которые не уступали бы культурным достижениям других народов¹. Для латышей народами-соперниками в данном случае были немцы и русские. Между тем, главнейший элемент любой национальной культуры, которая претендует на независимое положение в среде соседних культур и не желает полного слияния с ними и ассимиляции – это язык. Нация немыслима без общности языка. Именно по данной причине, язык был одним из полей деятельности латышских националистов, которые понимали, что исчезновение языка, его забвение будет иметь самые негативные последствия и результаты, приведет и к гибели самого латышского народа, ради развития которого и была направлена их деятельность.

Латышские националисты, как и националисты вообще, отличались, по словам Э. Хобсбаума, «непримиримостью в вопросах языкознания»². Не желая стать жертвами германизации и в перспективе возможной русификации, младолатышские националисты развернули колоссальную деятельность на ниве развития латышского языка, несмотря на то, что практически никто не имел из них специального образования и достаточной научной подготовки. Именно это сближает латышское движение с другими национальными движениями в Российской Империи, в которых создатели национальных идентичностей начинали не с систематического изучения национальной истории своего народа, а с «культурно-антикварного дилетантизма»³.

«Когда число образованных людей возрастает и становится достаточным, возрастает и значение родного языка», – так комментирует языковой фактор английский историк Э. Хобсбаум, отмечая и то, что «когда бывают написаны первые книги и выпущены первые газеты на родном национальном языке или когда этот язык используется с какой-либо официальной целью, наступает решающий этап в национальном движении»⁴. Младолатыши сделали много для развития и дальнейшего становления латышского языка и культуры. Проблема культурного значения младолатышского национализма показана в исследовании литовских историков В. Кубилюса и К. Настопки. Они, например, отмечали, что для латышских политических деятелей, которые понимали, что латыши в отличие от своих

соседей (поляков и литовцев) практически не имеют национальной истории было крайне важно создать новую национальную культуру⁵.

Младолатышское движение было одним из наиболее благотворнейших факторов для развития латышской национальной литературы⁶, латышского литературного языка. Этому способствовало то, что латышский язык не знал такого запрета и ограничений, которым подвергался литовский⁷. Попытки культивирования языка имели место уже на страницах первой национальной газеты «Pēterburgas Avīzes»⁸. По данной причине, в латышской историографии существует не только термин «литература эпохи национального пробуждения» - само это словосочетание вошло и в ряд словарей латышского языка⁹. Язык рассматривался младолатышами как важнейший атрибут латышской нации: «благодаря языку человек приходит к познанию, развивает ум, общается с другими людьми. Народ не исчезает до тех пор, пока ценит свой язык»¹⁰, - писал Юрис Аллунанс.

При рассмотрении данной проблемы следует помнить, что в условиях иноземного (в латышском случае – германского) господства борьба за национальный язык была одной из мирных форм национального движения. Борьба за язык была легальной формой борьбы за национальное самосознание и обретение независимости¹¹. Борьба за язык неизбежно была связана с обращением к народному языку. Народный язык научил младолатышей уважать его носителей. Вместе с тем он стал средством «взаимного сближения», решив, тем самым, судьбу национального движения¹². Данная деятельность имела в Латвии несколько направлений. Младолатыши, с одной стороны, развивали печатное слово, создавая свои газеты и журналы. С другой стороны, в их числе было и немало талантливых писателей и литераторов.

К занятию литературой, литературной деятельностью младолатышских националистов толкала вера в использование, и даже необходимость использования как можно больше латышского языка. В исследовательской литературе, посвященной проблемам национальных движений, показано, что именно язык был важнейшим средством общения представителей той или иной общности, средством развития ее духовной культуры¹³. Именно так, скорее всего, и относились к языку деятели латышского национального движения. Такая позиция первых латышских националистов стимулировалась отношением к ним представителей балтийского немечества. Один из его видных идеологов и теоретиков, пастор Биленштейн, писал, что латышей как полноценную нацию рассматривать не имеет просто никакого смысла, так как «латышский народ не показал своей литературы и истории, не показал того, что ему суждено играть какую-нибудь роль в истории вместе с другими культурными народами». Другой немецкий балтийский автор Г. Беркхольц считал, что «латышский язык никогда не поднимется выше крестьянского языка»¹⁴.

Именно такие идеи немцев вызывали совершенно закономерную реакцию в кругу молодой латышской интеллигенции. Кришьянис Валдемарс, например, писал: «наш латышский язык обладает своей особой поэтикой, естественностью и благородностью высказывания; отдельные его звуки, перерастая в речь, облагораживают его, показывают нам его красоту, благозвучность, величие, благородство». Современный российский исследователь А. Леонтьев, рассматривая данную проблему, указывает на то, что младолатышское движение надо рассматривать как свидетельство национального пробуждения, как фактор, который способствовал развитию латышского языка, становлению его литературных норм¹⁵. Именно складывание литературного латышского языка стало важнейшим залогом развития латышской национальной литературы¹⁶.

Кронвалдс, рассматривая латышский язык, писал: «нет языка светлее латышского, нет народа, который любит свой язык больше чем латыши и ничто не способствует так возрождению нашего народа как наш латышский язык». Кронвалдс неоднократно подчеркивал тот факт, что «латышский язык жив, на сколько он жив, на столько он и высок». Этим и подобными высказываниями А. Кронвалдс стремился доказать, что латышский язык может быть использован как язык не только «латышской речи», но и язык книг и газет¹⁷. Подобные идеи широко представлены в таких работах Кронвалдса как «Каковы слова в нашем родном языке?» (“Kāds vārds par mūsū tēvu valodu”), «О новых словах» (“Kādi jauni vardi”), «Новые слова из древних языков» (“Vecas valodas jauni vardi”), «Языковые общности» (“Valodas kopējumi”), «Синонимические слова» (“Sinonīmiski vardi”), «О нашем родном языке» (“Par mūsu tēvu valodu”), «О будущих словарях» (“Priekš nākošās vārdnīcas”).

Каспарс Биезбардис реформировал латышскую письменность, стремясь очистить язык от, чуждых ему, немецких элементов¹⁸. Чтобы результаты его труда стали заметными, он в течение многих лет занимался преподаванием в гимназии. Подобные усилия латышских националистов были проявлением языкового пуризма. Они стремились очистить латышский язык от вредных и ненужных иностранных заимствований. Под этими заимствованиями в первую очередь понимались следы многовекового немецкого влияния. Латышские националисты стремились избегать заимствований из небалтийских языков. Нежелательным для заимствований языков считался, в первую очередь, немецкий и, в несколько меньшей степени, русский. При развитии языка латышские националисты стремились активизировать его внутриязыковые ресурсы¹⁹.

Как видим, младолатыши уделяли культуре немалое внимание. По данной причине, интерпретация младолатышей как во многом явления культурного была достаточно распространена в исследовательской литературе бывшего СССР. К числу историков данного направления можно отнести и Ю. Розенблюма. Он рассматривал Юриса Аллуанса как основателя

латышской национальной литературы, как первого латышского поэта, а все движение он описывал как прогрессивное исторически и во многом положительное²⁰.

В работах Аллунанса была представлена и историческая тема. «Таким манером, латышские земли скоро разбогатели, и соседние народы захотели подчинить их себе. Особенно датчане и шведы стремились к латышским землям ... но латыши, а особенно куры, будучи грозными людьми, почти всегда хватали шведских и датских солдат живыми и продавали в плен к арабам, которые за большие деньги покупали крепких шведских и датских мужиков от русских перекупщиков около устья Волги. Благодаря этой торговле, латыши получали от арабов тонкие ткани, драгоценные камни, золото и серебро, да в таком количестве, что богатством своим широко прославились. Таким манером, датчане и шведы, которые в те времена сеяли панику и ужас по всей Европе, остерегались и боялись латышей, а среди них особенно куров. Если даже шведы и датчане ничего не могли поделать против латышей, то нам легко понять, что латыши не были тогда такими скотами, как австралийские или другие рабские народы, которые теперь, наверное, вымрут под европейским нажимом, но были более образованы, чем шведы и датчане, которые в то время основали так много государств ... То, что немцы смогли победить латышей, произошло благодаря разрозненности последних, и еще потому что латыши не владели так хорошо военным искусством как немцы, которые всегда воевали и с итальянцами, и с другими народами»²¹, - таким образом Аллунанс описывал определенные моменты донемецкой истории Латвии, связанные с хозяйственной деятельностью латышей, социально-экономическим развитием латышских земель и их местом в Средневековой Европе.

Дореволюционный исследователь Ч. Ветринский констатировал, в связи с этим, что выше рассмотренная деятельность младолатышей превратила латышский язык в один из наиболее важных в прибалтийских землях в составе Империи, язык пригодный для самой разнообразной научной и литературной деятельности. При этом им признавалось и то, что на складывание такой ситуации оказало свое благотворное влияние и то, что латыши получили возможность ознакомиться с произведениями классиков русской литературы в латышском переводе. В связи с этим Ч. Ветринский писал: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Лев Толстой и другие великие имена, гордость русской литературы, становятся известны и дороги по переводам латышским крестьянам раньше чем о них услышат миллионы русских крестьян»²²,

Виднейшим представителем культурно-народного или фольклорного течения в латышском национализме следует считать Кришьяниса Баронса, принадлежавшего к числу видных теоретиков Национального Возрождения, который одним из первых констатировал факт того, что «латыши повсюду зашевелились»²³. Сбор народного творчества был связан со стрем-

лением латышских националистов создать латышскую национальную литературу. По данной причине, они и обратили внимание на «поэтическую красоту народных песен и на их значение в деле создания латышского литературного языка»²⁴. Кришьянис Баронс, с 1857 года занимавшийся сбором латышского народного фольклора, ставший инициатором этого начинания, идеи чего он высказал в статье «Эстонские народные песни», кроме этого создал и несколько литературных произведений, работая в жанре прозы. К числу его наиболее известных рассказов следует относить такие как «Женитьба дедушки» (1863), «Что такое преступление?» (1863), «Испорченная поездка на рынок» (1864), «Хитрый муж» (1865). Однако, наиболее важная его работа представляет четырехтомное издание народных латышских песен или дайн, вышедшее полностью к 1915 году²⁵.

В сборе дайн приняли участие многие деятели латышской интеллигенции и учащейся молодежи. Например, И. Вациетис, будучи сам участником сбора латышских народных песен, описывал этот процесс в своих воспоминаниях так: «наш кружок поставил своей целью изучение народного быта и его духовных богатств вроде народных сказок, преданий и воспоминаний. Народные песни и сказки мы заимствовали преимущественно у старых людей. Вместе с моим товарищем Бергсом мы собрали около пяти тысяч народных песен, которые летом 1891 года отправили редактору латышской газеты. Я пришел в неописуемый восторг, когда прибыл номер газеты с объявлением нам благодарности. Позднее собранные мной песни вошли в сборник латышских народных песен, составленный латышским поэтом Баронсом»²⁶.

Кришьянис Баронс²⁷ много сделал и для сбора памятников латышской народной культуры. Народное творчество использовалось им как «стабилизатор этничности»²⁸, то есть молодую латышскую европейскую национальную культуру для ее более плодотворного развития Баронс²⁹ разбавил многовековой латышской народной культурой. При этом первые попытки сбора и систематизации латышского фольклора имели место и до деятельности Кришьяниса Баронса, но эти издания содержали языковые неточности, были далеки от полноты и объективности³⁰. Именно Баронс подготовил и издал первое монументальное собрание дайн – латышских народных песен. Дайны на данном этапе рассматривались латышскими националистами, скорее всего, как не просто ценность, которая может быть потеряна в ходе исторического развития, а как источник и материал для создания национальной культуры³¹. Издание Баронса состоит из 6 томов и 8 книг, оно выходило с 1894 по 1915 год – первый том увидел свет в Елгаве, а остальные в Санкт-Петербурге³².

Под влиянием младолатышского движения в латышском обществе сложилось и особое течение в литературе совершенно непонятое историками марксистской ориентации, представителей которого они рассматривали как «не слишком прогрессивных мещанских литераторов». Его отли-

чительной чертой было, то, что его участники отдавали приоритет консервативной политической идеологии³³. К числу таких писателей можно отнести Андрииса Ниедру, а так же братьев Каудзите в романе которых «Времена землемеров» религиозный компонент очень силен и играет значительную роль. Другие латышские национальные деятели данного направления – Аусеклис, Апсишу Екабс, Андрейс Пумпурс. Они в противоположность более ранним пронемецки настроенным романтикам могут быть определены как «второе романтическое поколение»³⁴, которое, в отличие от первого, отстаивало латышские национальные идеи с большей последовательностью.

Формирование мировоззрения братьев Каудзите, Апсишу Екабса протекало под влиянием Юриса Нейкенса³⁵, которого мы обозначили выше как основоположника консервативного или клерикально-традиционалистского течения в младолатышском движении. Юрис Нейкенс³⁶ издавал, будучи пастором, не только религиозные проповеди, но проявил себя и как писатель, мастер короткого рассказа. В числе его рассказов - «В силе ли еще девятая заповедь» (1863), «Сирота» (1866). Они объединяют его с младолатышами его неприятием немецкого господства и неравноправия латышей. Однако, их отличительная черта – сильный религиозный, национально ориентированный, элемент. Его герои – это верующие люди. Верующие люди – всегда положительные персонажи. Данный прием впоследствии с успехом использовали братья Каудзите.

Подобные идеи молодой латышской интеллигенции стимулировались немецкой политикой в регионе, точнее попытками германизации латышей, которые не вызывали никакого воодушевления у последних. Более того, немцы своими непродуманными политическими действиями только увеличивали ряды сторонников латышского национального движения. В связи с этим показательна роль немецкого пастора Шульца, многие заявления которого создали почву для возникновения ответных латышских, в свою очередь, антинемецких настроений. Шульц, например, проявил себя как немецкий националист и ярый противник молодой латышской культуры. Пастор Шульц заявлял, что «вы, друзья мои, латыши, не думайте, что вам дадут какие-нибудь науки на латышском языке – это равносильно тому, что дать горячие уголья в руки малого ребенка, и, ежели кто-то из латышей пожелает иметь что-то лучшее, нежели календари, то пусть читает немецкие книги»³⁷.

Такие заявления, конечно, вызывали ответную реакцию латышей, в том числе и клерикальной среде. Религиозность, присущая Ниедре, проявилась и в романе братьев Каудзите³⁸ «Времена землемеров» (“Mērnīeku laiki”), достоинства, которого, особенно в области языка и стиля признали уже современники³⁹. В дореволюционной отечественной историографии братьев Каудзит рассматривали как первых латышских бытописателей, а роман «Времена землемеров» интерпретировался как «рассказ из эпохи

возрождения латышей», который, по словам П.М. Токарева, дает верное и яркое представление об эпохе и вводит читателя в круг понятий латышей того времени⁴⁰. Роман – главная книга писателей, произведение чрезвычайно сложное, многоплановое и вклад каждого из братьев в его создание определить сложно⁴¹. Он был написан в период между 1876 и 1879 годами. Матис Каудзите впоследствии, комментируя актуальность романа, писал впоследствии «из года в год после завершения обмера, как несколько человек соберутся вместе – только разговаривают о виденном и слышанном в то время»⁴². Газета «Baltijas Vēstnesis», рассматривая содержание романа «Времена землемеров» комментировала его так: «этот рассказ является, несомненно, интересным куском нашей жизни: в нем наши слабости отразились ясно как в зеркале, так что временами приходится краснеть, не так уж мало Пиетуков Крустинышей и Шваукстов разгуливает среди латышей»⁴³.

Герои Каудзите – это носители религиозной протестантской философии с сильным мистическим подтекстом, их «сердца лишены покоя», а сами себя в этом мире они воспринимают исключительно как странников. Они «чувствуют, что вечер их близок, что после краткого отдохновения предстанут они перед великим судьей, который помилует их или осудит на гибель». Герои Каудзите – это индивидуалисты, они считают, что «лучше понести кару в этом мире, и пусть она минует меня там». Герои романа преисполнены традиционной протестантской мистической религиозности, осознанием своей приниженности в отношении бога: «пусть же безбожники хвастают, что исцеляют все болезни, а я же скажу проще – пустое это ибо силы наши ничтожны». Такой человек точно знал лишь одно, то, что «от нас, грешных, многое сокрыто», но такие люди одновременно и индивидуалистичны в своей вере, «пытая сердце, не сокрыт ли там скрытый грех». При этом перед героями романа, как перед протестантами, вообще стоит особый образ Христа, который и определяет их путь в жизни «окропленный кровью своей». Однако в ряде случаев протестантский индивидуализм и антропоцентризм предстает и в гипертрофированной форме: «больной – тот же убогий, а подавая ему, одалживаешь самому Господу»⁴⁴.

Важнейшей фигурой романтического течения в латышском национальном движении на рассматриваемом этапе его эволюции был поэт и общественный деятель Андрейс Пумпурс (1841 – 1902)⁴⁵. Он вошел в историю латышской литературы как автор эпоса «Лачплесис» (1888) и сборника «На родине и на чужбине». Андрейс Пумпурс⁴⁶, латышский патриот и офицер российской армии, в течение 14 лет работал помощником землемера в различных районах Латвии, что позволило ему хорошо узнать реалии жизни в латышской деревне и, в конечном счете, создать «Лачплесис». По словам болгарского американского историка Марина В. Пандеффа, создание подобных произведений многими европейскими народами, которые переживали в XIX веке период национального Возрождения, преследовало

своей целью культивировать в обществе «героические национальные легенды», способствовать укреплению «чувства национальной идентичности среди народных масс»⁴⁷. «В литературе каждого народа есть произведения, которые в ходе исторического развития становятся неотъемлемой частью его бытия и самосознания», - так комментировал эпос «Лачплесис» латышский критик и исследователь Я. Калниньш⁴⁸.

В творчестве А. Пумпурса⁴⁹ представлены консервативные идеи, которые базируются на национально-романтической основе. В 1860-1880-е годы Андрейс Пумпурс, имевший связи с братьями Каудзите⁵⁰, обратился к поэзии. Как и у других национал-романтиков в его творчестве широко представлены мифические образы. В стихотворении «Иманта» он описал латышского национального героя Иманту, легендарную Синюю гору (Zilajskalns). В стихах «Могила Хина», «Из истории», «Наши народные песни» в идеализированной форме показано донемецкое прошлое. Рассматривая раннюю историю латышей, Пумпурс противопоставляет Запад и Восток: в одном из стихов Пумпурса Запад показан как агрессивная сила, принесящая порабощения латышам. В связи с этим Пумпурс писал: «Дал Восток народам волю мирно землю населять, но оковами-цепями злобный запад встретил их, запад сделал их рабами превратил их в крепостных»⁵¹. У Андрейса Пумпурса есть и такие строки: «До сих пор к Востоку-Свету сердце Запада – вражда, латышам запомнить это надо раз и навсегда...»⁵².

Главное произведение Андрейса Пумпурса – эпос «Лачплесис, латышский народный герой» («Lačplēsis. Latvju tautas varonis»)⁵³. Создание эпоса автор мотивировал особенностями времени: «в такую эпоху характер вырастает в высокое обобщение, народ обретает наиболее одухотворенный образ мужества и героизма, а герои сказаний становятся народными героями»⁵⁴. В отличие от национального возрождения других европейских народов Пумпурс не выдавал эпос за найденные или восстановленные памятники латышской литературы. В фальсификации литературных памятников были замечены особенно чешские националисты⁵⁵. Андрейс Пумпурс сразу заявил о своем авторстве. Эпос написан на основе творчески освоенного народного латышского фольклора. «Лачплесис»⁵⁶ делится на шесть песен: в первой рассматриваются латышские боги, во второй и третьей – первые подвиги Лачплесиса, в четвертой – немецкое завоевание, в пятой – борьба со злыми духами, в шестой – непосредственно борьбу Лачплесиса с немецкими захватчиками.

В «Лачплесисе»⁵⁷ Пумпурс в национальном духе трактует латышскую историю. Прошлое латышей им нередко идеализируется. Он писал, что в «давнюю пору в землях балтийских» царил мир и порядок, а латыши «жили в тиши без печали». Пумпурс сделал героями эпоса полумифических персонажей ранней латышской истории, например, Лиелвардисов. «В день этот куниг, старик Лиелвардис вышел наружу с мужающим сыном»⁵⁸, - писал Пумпурс. Термин kunigs Пумпурс использовал вместе с другим –

virsaitis. При этом первое заимствовано из литовского языка и связано со словом «kunigas». Наряду с Лиервардисом в «Лачплесисе» действует Вайделот и легендарный жрец Кривс (Криевс), правитель Айзкрауклис⁵⁹. На страницах эпоса присутствуют так же и полулегендарные латышские мудрецы – буртниеки. Буртниеки перекочевали в эпос Пумпурса из произведений Юриса Аллунанса, который описывал их таким образом: «буртниеки у латышей были особым сословием певцов, кои людей во все военные времена своими песнями ободряли, воодушевляли, а в мирные – пели вместо священнослужителей на обрядах. Буртниеки – это такие люди кои знали бурты или старые латышские письма. Они обозначали и воспевали все славные деяния, среди латышей происходившие»⁶⁰.

В «Лачплесисе» значительное место занимает и описание борьбы латышей за свою независимость. Этим автор оправдывает право латышей не только на независимое развитие, но и на независимую государственность. В качестве противников выведены древние эсты – в особенности их вождь великан Калапуйсис, который «много селений разграбил и порешил народу». Вместе с тем Пумпурс угрозу независимости древних латышей видел в немецкой христианизации и деятельности вождя эстов, Каупо, помогавшего немцам⁶¹. Кроме этого, в эпосе Пумпурс использовал два понятия «Latvija» и «Baltija» – под ними он понимал, как правило, именно латышские земли. В отличие от своих современников он чаще стремился использовать первый термин, что свидетельствует о том, что латышская идея выходит на качественно новый этап развития. Однако термин Baltija окончательно был вытеснен только к XX веку.

В «Лачплесисе» присутствует националистическая интерпретация истории. Пумпурс прославляет славное прошлое латышей, их героическую борьбу против германцев. «В определенном смысле история в эпосе противостоит реальной истории, она как бы исправляет несовершенство последней, освобождает ее от трагических ошибок и несправедливостей, вносит в нее разумное и человеческое начало, оптимизм, спасение и победу»⁶², – так характеризует националистическую интерпретацию истории Б.Н. Путилов. Рассматривая эпос «Лачплесис» созданный Андрейсом Пумпурсом неизбежно возникает проблема типа данного эпоса и его связи с националистической идеологией. То, что эпос был написан на волне роста националистических настроений и содержит немало антинемецких и пролатышских националистических идей сомнения не вызывает. В данном случае интересен вопрос типологии эпоса и его места в националистической концепции. Ряд историков относят эпос к героико-архаическому типу или к героико-эпической поэзии⁶³.

Эти ранние латышские националисты, которые выступали как приверженцы романтизма, как в политике, так и культуре, особенно в литературе, были, в первую очередь, националистами. Национализм этого времени в Латвии много внимания уделял балтийской проблематике в целом.

Именно по данной причине, латышские националисты развивали теории об особой духовной и культурной близости между латышами и литовцами. Именно таким интересом к Литве следует объяснять, что на страницах латышских националистических изданий литовская тема появлялась часто. Интерес латышских националистов второй половины XIX века к литовской проблематике и идеи балтийского единства стимулировался тем, что данная проблематика находила самый живой отклик и на территории соседней Литвы. Литовские националисты, современники латышского национального движения, сами много сделали для культивирования идеи балтийского единства. Основоположником балтизма следует считать литовского деятеля национального движения Людвикаса Резу, составителя сборника «Литовские народные песни»⁶⁴. Литовский националист К. Буга много сделал для изучения балтийского единства, что характерно для его работы «Материалы для мифологии литовцев, латышей и прусов»⁶⁵. В Литве аналогичные идеи выражали И. Басанавичюс, И. Шлюпас, А. Басанавичюс, С. Даукантас⁶⁶.

Под литовским влиянием латышские национальные деятели XIX века обратились к проблеме общего прошлого. Одним из первых латышских авторов, в чьих работах отмечена литовская проблематика был Е. Звайзгните, который эмоционально призывал латышей к изучению общего литовско-латышского прошлого: «я только хотел бы спросить: Латыши, куда вы дели свои народные песни, на каком кладбище вы их похоронили, неужели у вас не было мужей, которых следовало бы воспевать, неужели они не совершили дела, которые следовало бы воспевать в песнях?»⁶⁷, - писал он. Этот эмоциональный призыв был услышан, и Юрис Аллунанс обратился уже к более конкретным проблемам литовско-латышского прошлого. Ю. Аллунанс писал о том, что литовские песни несут в себе отражение общего балтийского прошлого⁶⁸. Латышские авторы того времени были знакомы с результатами литовских исследователей. Например, работа К. Кундзиньша 1869 говорит о том, что ее автор был знаком с исследованием Л. Резы. Кундзиньш писал, что «у литовцев существуют подлинные исторические песни, где воспеваются славные дела некогда могущественных правителей Литвы»⁶⁹.

В 1872 году журнал “Baltijas Vestnesis” опубликовал перевод одного из произведений польского писателя Ю.И. Крашеского, который был посвящен Литве⁷⁰. Переводчик книги особо подчеркивал то, что «литовская нация является сестрой латышской», так, что «свято для одной, не должно быть чуждо и для другой». Более того, он указывал и на то, что латышей следует ознакомить с историей и культурой их соседей – древних литовцев. В 1880-е годы эта идея была представлена в работах такого латышского националиста, как М. Силиньш. В 1885 году было издано еще одно произведение Крашевского, переводчик которого прямо указывал на то, что оно посвящено «литовско-латышскому прошлому»⁷¹. При этом перево-

дчик, в роли которого выступил П. Гутманис⁷², пошел на замену литовских песен латышскими, отметив то, что «в древности литовцы близко соприкасались с латышами, верили в одних и тех же богов, были послушны одному жрецу»⁷³. Позднее балтийская идея⁷⁴ была представлена в работах Я. Лаутенбахса, автора исследования «Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Параллельные тексты и исследования». В данной работе Я. Лаутенбахс рассматривал такую проблему балтийского единства как близость культурных традиций. Анализируя культурные традиции, особое внимание он уделил сходству мотивов, сюжетов и композиций народных песен литовцев и латышей⁷⁵.

Латышские националисты, действовавшие в 1880-е годы, еще нередко руководствовались идеями своих предшественников, деятелей младолатышского движения. Они, в частности, обратились к наследию Юриса Аллунанса, который в своем очерке «Литовцы» описал прошлое литовского народа, правление князя Миндовга (Миндаугаса), Гедемина (Гядеминаса), Ольгерда (Альгирдаса). Им так же были пересказаны и древние литовские легенды⁷⁶. Романтическое обращение к литовской проблематике стимулировал и Аттис Кронвалдс, который, в частности, писал, что «мы не можем, как другие большие нации, похвастаться славными историческими подвигами, великим государством, или гордиться тем, что сбросили иноплеменное иго, но если мы взглянем на прошлое наших предков и не будем отказываться от исторически близких родственным нациям, то тогда мы многому сможем научиться – ибо как только я слышу слово «Литва», то литовские герои сразу воспаляют мое латышское сердце»⁷⁷.

Балтийская проблематика представлена и в работах А. Дирикиса (1853 – 1888), который писал под псевдонимом А. Йонайтиса⁷⁸. Он на материале фольклорного материала сравнивал общее прошлое латышей и литовцев. «То же самое, что о литовской природе, можно сказать и о литовских песнях; в них, так же как и в латышских народных песнях нет величия; им не хватает обращения к богатому историческому прошлому и вместе с тем идеала героя ... перед нами зеркало, в котором мы видим образ литовского и латышского народа»⁷⁹, - писал А. Дирикис-Йонайтис в статье «Литовские народные песни». Популяризации идей славного прошлого балтийских племен способствовал и Фрицис Трейландс-Бривземниекс. Литовская тематика, литовские мотивы были характерны для его поэзии. Они, например, широко были представлены в ряде принадлежащих ему стихотворных произведений – это, в частности, характерно для таких стихов как «Над Вентой» (1871) и «Опять у Венты» (1882). Подобные настроения были относительно сильны и популярны, что говорит о том, что этническое родство между балтийскими нациями нередко принималось латышскими интеллектуалами за национальное единство. Единство территории, близость языка, наличие сходных элементов в грамматике и лексике, общность многих черт культуры – все это способствовало складыванию представления о

наличии балтийского латышско-литовского единства⁸⁰. Латышские националисты обращались к проблеме прошлого, к «седой старине», так как та в их мировоззрении казалась им «золотым веком единства природы и человека, навсегда утраченного потомками, что наложило трагический отпечаток на современность»⁸¹.

Романтическое течение было одним из важных этапов в развитии латышского национализма. Связь национализма и романтизма была относительно детально исследована в советской историографии. Отличительной чертой советской интерпретации истории данного явления была его крайне негативная оценка, правда, иногда констатировалось и то, что романтизм способствовал развитию и становлению в том или ином обществе «идеи национального начала»⁸². По словам советских историков, латышские националисты во второй половине XIX века стремились создать «приукрашенный мирок древних латышских богов, вождей и жрецов-вайделотов». Наличие подобных элементов, согласно советской историографии, лишало латышскую поэзию ее прогрессивного содержания, но вело к появлению «приниженности религиозного человека». Развитие подобных идей советские историки объясняли деятельностью «подвизавшихся немецких пасторов»⁸³.

При этом романтизм имел и свое положительное значение. Именно романтизм в Европе был флагом борьбы за подлинно национальное искусство⁸⁴. Романтизм, черпая свои идеи в глубинных пластах народной культуры⁸⁵, стал формой национального самосознания, что придавало ему особенно действенную силу⁸⁶. Именно романтизм, по мнению ряда отечественных историков национальных движений, способствовал оформлению всех наиболее важных сфер национальной культуры⁸⁷. Романтизм был той подлинной силой, которая формировала национальное самосознание, воспитывали любовь и верность к родине. Писатели-романтики не только способствовали развитию латышского языка и литературы. Их заслуга состоит в укреплении латышской самоидентичности. В связи с этим показателен «Лачплесис» А. Пумпурса. Благодаря деятельности романтиков латыши, как и другие европейские, нации обрели свою мифологию. Именно писатели-романтики сделали много для популяризации такого понятия как Латвия, что вело к политизации национального движения, росту национализма и осознанию необходимости создания независимого Латвийского государства. Кроме этого романтизм в латышской культуре способствовал не только росту латышского национального самосознанию, но и утверждению в сознании особого типа латыша. Иными словами, благодаря деятельности романтиков в латышском обществе произошла типизация своего национального образа, что, по определению М.С. Джунусова, является автостереотипом, который несет в себе, как правило, положительные черты присущие той или иной нации. Латышские романтики выработали именно такой автостереотип⁸⁸.

Отличительная черта деятельности латышского национального движения на данном этапе состоит в том, что национал-романтики выхватывали из общего потока культуры лишь наиболее важные и национально-маркированные образы. В дальнейшем, развивая и культивируя их, идеологи латышского национального движения и национализма, способствовали его дальнейшему развитию и усилению. Это способствовало вхождению результатов деятельности латышских националистов в состав латышской национальной идеи. Формирование латышской национальной культуры латышскими националистами имело важные последствия, важнейшее из которых состояло в том, что латыши вошли в число «культурных» народов Европы. Этот процесс завершился к концу XIX века. Действительно, литература и национальная культура в Европе повсеместно признавались как важнейшие признаки нации⁸⁹. Начало XX столетия поставило перед латышским национальным движением новые задачи, важнейшая из которых состояла в его институционализации.

Рассмотренная выше деятельность имела важные результаты и являлась неотъемлемым компонентом латышского национального движения. В ее рамках латышские националисты, опираясь на традиции народной культуры, формировали новые образы латышей, подходя и к формированию образа самой Латвии. Успешное развитие национализма было бы невозможно без обращения к народной традиционной латышской культуре, которая использовалась латышами как площадка для формирования пока только первых элементов латышской идентичности. Латышская патриархальность и традиционность на том этапе как нельзя лучше подходили для латышского национального проекта. Обращения к этим сторонам латышской культуры доказывало и показывало, что она уникальна и что латыши вполне могут из крестьян превратиться в нацию. Сочетание национализма и культуры помогло еще больше отдалить латышей от немцев, способствуя росту латышского национального самосознания. Успешное сочетание такого культурного национализма с выработкой политической программы лишь способствовало усилению латышского национального движения.

¹ Куренная Н.М. Венгерская культура эпохи реформ (1820 – 1840-е годы) / Н.М. Куренная // Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20 – 70 годы XIX века. - М., 1991. - С.58.

² Хобсбаум Э. Век империи / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 229.

³ Лисяк-Рудницкий И. Историчний есе / І. Лисяк-Рудницький. - Київ, 1994. - Т.1. - С. 173.

⁴ Хобсбаум Э. Век революции / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 192.

⁵ Кубилюс В., Настопка К. Польский романтизм и балтийские литературы / В. Кубилюс, К. Настопка. - Вильнюс, 1973. - С. 36.

⁶ О роли латышского национального движения в развитии литературы см.: *Latviešu literatūras vēsture. Sēj. 3. Ceturtā daļa. Iepriekšējās turpinājums (līdz 90. gadiem)* / ed. L.Bērziņš. - Rīga, 1935; *Latviešu literatūras vēsture. Sēj. 2. Latviešu nacionālās literatūras sākuma periods (no 19. gs. 50. gadu vidū līdz 80. gadu vidum)* / eds. Kalniņš J., Kundziņš K.,

- Sokols Ē., Vilsons A. - Rīga, 1963; Andrupis J., Kalve V. *Latvian Literature* / J. Andrupis, V. Kalve. - Stockholm, 1954; Čakars O., Grīgulis A., Losberga M. *Latviešu literatūras vēsture no pirmsākumiem līdz XIX gadsimta 80. gadiem* / O. Čakars, A. Grīgulis, M. Losberga. - Rīga, 1987; Dravnieks A. *Latviešu literatūras vēsture* / A. Dravnieks. - Grand Haven, 1976; Johansons A. *Latviešu literatūra* / A. Johansons. - Stockholm, 1953; Kreicers H. *Ievads latviešu rakstniecībā* / H. Kreicers. - Augsburg, 1946; Berelis G. *Latviešu literatūras vēsture. No pirmajiem rakstiem līdz 1999. gadam* / G. Berelis. - Rīga, 1999; *Latviešu literatūras vēsture trīs sējumos. Vol. 1. No rakstītā vārda sākumiem līdz 1918. gadam* / eds. V. Hausmanis, V. Nollendorfs, B. Tabūns, V. Vecgrāvis. - Rīga, 1998.
- ⁷ Merkys V. *Knygnešių laikai 1864 – 1904* / V. Merkys. - Vilnius, 1994.
- ⁸ Bendriks H. “Pēterburgas Avīžu” cīņa par latviešu literārās vārdu krājuma izveidi / H. Bendriks // *Karogs*. - 1952. - No 11.
- ⁹ *Latviešu-krievu vārdnīca*. - R., 1953. - lpp. 70.
- ¹⁰ Alunāns J. *Izlase* / J. Alunāns. - R., 1956. lpp. 152. – 153.
- ¹¹ Толстой Н.И. Культурно и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материалах сербскохорватского, болгарского и словенского языков) / Н.И. Толстой // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты*. - М., 1981. - С. 123.
- ¹² Грушевский М. *История украинского народа* / М. Грушевский. - М., 2002. - С. 356 – 357.
- ¹³ Козлов В.И. *Общее и особенное в формировании молдавской буржуазной нации* / В.И. Козлов // *Формирование молдавской буржуазной нации*. - Кишинев, 1978. - С. 12.
- ¹⁴ Arons M. *Latviešu literāriskā latviešu Draugu biedrība savā simt gadu darbā* / M. Arons. - R., 1929. - lpp. 268.
- ¹⁵ Леонтьев А.А. *Культуры и языки народов Российской Федерации, СНГ и стран Балтии* / А.А. Леонтьев. - М., 1998. - С. 228.
- ¹⁶ Хамм И. *Основные закономерности формирования и развития литературных языков и их вклад в национальную и мировую культуру* / М. Хамм // *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII – XIX вв.)*. - М., 1974. - С. 24.
- ¹⁷ Kronvalds A. *Kapoti raksti* / A. Kronvalds. - R., 1925. - lpp. 16.
- ¹⁸ Biezbārdis K. *Mūsu valoda un viņa rakstība* / K. Biezbārdis. - R., 1869.
- ¹⁹ Проблемы теоретических основ языковой политики национализма и националистических движений представлены в ряде работ – см.: Нешименко Г.П. *Языковая ситуация / Г.П. Нешименко // Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX века*. - М., 1989. - С. 104 – 105.
- ²⁰ Розенблум Ю. *Братья Каудзит и роман «Времена землемеров»* / Ю. Розенблум // *Каудзит, братья, Времена землемеров*. - Рига, 1962. - С. 456 – 470.
- ²¹ Alunans J. *Raksti. 2 daļa* / J. Alunans. - Peterburga, 1914. - lpp. 330 – 331.
- ²² Ветринский Ч. *Среди латышей* / Ч. Ветринский. - М., 1910. - С. 25 – 28.
- ²³ *Dokumenti par “Pēterburgas Avīzēm”* // *Latvijas vēstures avoti*. - 1 Vol. - R., 1937. - lpp. 231.
- ²⁴ Токарев П.М. *Краткая история латышского народа*. - С. 116.
- ²⁵ *Latvju dainas. Vol. I – IV*. - R., 1915.
- ²⁶ Вацietis И.И. *Моя жизнь и воспоминания* / И.И. Вацietis // *Даугава*. - 1980. - № 3. - С. 86.
- ²⁷ Laubes I. *Kr. Barons* / I. Laubes // *Rota*. - 1885. - No 9. - 14.
- ²⁸ Мыльников А.С. *Народы Центральной Европы...* - С. 114.
- ²⁹ Lapiņš J. *Kr. Barons* / J. Lapiņš // *Latvju grāmata*. - 1923. - No 3. - lpp. 1. – 12.

- ³⁰ Palcmariēšu dziesmu krājums. - Rūjienā, 1807; Latviešu ļaužu dziesmas un zinges. - Jelgavā, 1844.
- ³¹ Гусев В.Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов / В.Е. Гусев // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. - М., 1977. - С. 131.
- ³² Latvju dainas. - Jelgavā-Peterburgā, 1894 – 1915.
- ³³ Страздинь К. О младолатышском движении 1860 – 1870-х годов / К. Страздинь // Вопросы истории. - 1958. - № 10. - С. 113 – 122.
- ³⁴ Ravbar M. Pregled hrvatske, srbske in makedonske književnosti / M. Ravbar. - Maribor, 1958. - S. 154.
- ³⁵ Saurums G. Juris Neikens savas tautas mācītājs / G. Saurums. - Umurgā, 1926.
- ³⁶ Gobas A. Juris Neikens. Dzīve un darbs / A. Gobas. - R., 1926.
- ³⁷ Šulcs R. Kalendāra apgādātāis mīļiem latviešiem / R. Šulcs // Vēca un jauna laika grāmata uz to gadu 1853.
- ³⁸ Jansons J.-A. Braļi Kaudzīši / J.-A. Jansons. - R., 1935.
- ³⁹ Balss. - 1879. - No 101.
- ⁴⁰ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 118.
- ⁴¹ Kļausiņš R. "Mērnīeku laiki" kā sadzīves romāns / R. Kļausiņš. - R., 1926. - lpp. 66.
- ⁴² Kaudzītes M. Atmiņas par tautiskā laikmeta / M. Kaudzītes. - Cēsis – Rīga, 1924. - lpp. 318.
- ⁴³ Цит.по: Гудрике Б. Начальный период латышской национальной литературы. - С. 79.
- ⁴⁴ Каудзит, братья, Времена землемеров. - С. 11, 13, 15, 21.
- ⁴⁵ Об Андрее Пумпуре см: Ancītis K. Andreja Pumpura "Lāčplēša" avoti un paraugi / K. Ancītis // Ceļi. - No IX. - 1939.
- ⁴⁶ Гудрике Б. Андрей Пумпур / Б. Гудрике // История латышской литературы. - Т. 1. - Рига, 1971. - С. 177 - 192.
- ⁴⁷ Pundeff M.V. Bulgarian Nationalism / M.V. Pundeff // Nationalism in Eastern Europe. - L., 1994. - P. 97.
- ⁴⁸ Пумпур А. Лачплесис / А. Пумпур. - Рига, 1983. - С. 5.
- ⁴⁹ Friedīte A. National Identity and Cultural Identity: The History of Ideas in Latvia in the Nineteenth and Twentieth Centuries / A. Friedīte // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region. Nineteenth and Twentieth Centuries / ed. M.Branch. - Helsinki, 1999. - P. 229 - 244.
- ⁵⁰ Киршентале И. Братья Каудзите / И. Киршентале // История латышской литературы. - Рига, Т. 1., 1971. - С. 204 - 223.
- ⁵¹ Пумпур А. Восток и Запад / А. Пумпур // Пумпур А. Лачплесис. - М. 1985. - С. 196.
- ⁵² Пумпур А. Восток и Запад. - С. 196.
- ⁵³ Об особенностях «Лачплесиса» см.: Kalniņš J. Lāčplēsis sava laika kultūrvēsturiskajā situācijā / J. Kalniņš // Karogs. - 1988. - No 9. - lpp. 8 - 14.
- ⁵⁴ Цит.по: Пумпур А. Лачплесис / А. Пумпур. - Рига, 1983. - С. 5.
- ⁵⁵ См.: Мыльников А.С. Культура чешского Возрождения / А.С. Мыльников. - Л., 1982. - С. 102 – 104.
- ⁵⁶ Об эпосе «Лачплесис» см.: Kļausiņš R. Andreja Pumpura dzīve un darbs / R. Kļausiņš // Pumpurs A. Raksti. Vol. 1. - R., 1925.
- ⁵⁷ Об эпосе см.: Viķe-Freiberga V. Andrejs Pumpurs's Lāčplēsis (Bearslayer): Latvian National Epic or Romantic Literary Creation? / V. Viķe-Freiberga // National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century. The 7th Conference on Baltic Studies in Scandinavia, Stockholm, June 10-13, 1983. / ed. A. Loit. - Stockholm, 1985. - P. 523 - 536.
- ⁵⁸ Пумпур А. Лачплесис / А. Пумпур. - Рига, 1983. - С. С. 21.

- ⁵⁹ Там же. - С. 22, 25.
- ⁶⁰ Alunāns J. Kapoti raksti / J. Alunāns. - R., 1933 Vol. 1 2. - lpp. 228.
- ⁶¹ Пумпур А. Лачплесис / А. Пумпур. - Рига, 1983. - С. 50, 65.
- ⁶² Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма / Б.Н. Путилов // Типология народного эпоса. - М., 1975. - С. 165.
- ⁶³ Карху Э.Г. История финской литературы. От истоков до конца XIX века / Э.Г. Карху. - Л., 1979. - С. 13.
- ⁶⁴ Rėza L. Lietuvių liudies dainos / L. Rėza. - Vilnius, 1958.
- ⁶⁵ Būga K. Medžiaga lietuvių, latvių ir prūsų mitologijai / K. Būga // Rinktiniai raštai. - Vol. 1. - Vilnius. - 1958. - P. 143 – 189.
- ⁶⁶ О литовском варианте идеи балтийского единства см.: Kruopas J. Seniausias lyginamasis latvių ir lietuvių kalbų lietu žodynas / J. Kruopas // Literatūra un kalba. - Vol. 2. - Vilnius, 1957.
- ⁶⁷ Zvaizgnīte Par latviešu tautasdziesmām / Zvaizgnīte // Sēta, daba, pasaule. - Vol. 3. - 1860. - lpp. 12.
- ⁶⁸ Sēta, daba, pasaule. - Vol. 3. - 1860. - lpp. 10.
- ⁶⁹ К.К. Tautu balsis dzeesmahs / К.К. // Baltijas Wehstnesis. - 1869. - No 65 – 68.
- ⁷⁰ Baltijas Wehstnesis. - 1872. - No 14 – 15.
- ⁷¹ Austrums. - 1886. - No 5.
- ⁷² Rota. - 1885. - No 1 – 24.
- ⁷³ Rota. - 1885. - No 1.
- ⁷⁴ О сходстве латышей и литовцев в данном аспекте см.: Бараускене В. Общие моменты в латышских и литовских трудовых песнях / В. Бараускене // Фольклор балтских народов. - Рига, 1968.
- ⁷⁵ Лаутенбах Я. Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Параллельные тексты и исследования / Я. Лаутенбах. - Юрьев, 1896.
- ⁷⁶ Allunans J. Leischi / J. Allunans // Mahjas Weesis. - 1858. - No 25, 27, 29, 31, 33. 34.
- ⁷⁷ Kronvalds A. Kapoti raksti / J. Allunans. - Vol.2. - R., 1936. - lpp. 6. – 7.
- ⁷⁸ Фамилия Jonaitis имеет литовское происхождение.
- ⁷⁹ Jonaitis A. Leischi tautas dziesmas / A. Jonaitis // Baltijas Wehstnesis. - 1882. - No 92.
- ⁸⁰ О роли Фрициса Трейландса-Бривземниекса см.: Ионинас А. Из истории исследования литовско-латышских фольклорных связей / А. Ионинас // Фольклор балтских народов. - Рига, 1968. - С. 14 – 15.
- ⁸¹ Григорьева Л.Г. Поэтическая драма и романтическая поэма в Дании / Л.Г. Григорьева // Незученные страницы европейского романтизма. - М., 1975. - С. 64.
- ⁸² Григорьева Л.Г. Эпоха романтизма в шведской литературе / Л.Г. Григорьева // Незученные страницы европейского романтизма. - М., 1975. - С. 106.
- ⁸³ Антология латышской поэзии. - Рига, 1955. - С. 21.
- ⁸⁴ Григорьева Л.Г. Эпоха романтизма в шведской литературе. - С. 93.
- ⁸⁵ Неупокоева И.Г. О типах романтической литературы / И.Г. Неупокоева // Незученные страницы европейского романтизма. - М., 1975. - С. 3.
- ⁸⁶ Саруханян А.П. «Молодая Ирландия» и Джеймс Кларенс Мэнглан / А.П. Саруханян // Незученные страницы европейского романтизма. - М., 1975. - С. 23.
- ⁸⁷ Софронова Л.А. Польская культура первой половины XIX века / Л.А. Софронова // Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20 – 70-е годы XIX века. - М., 1991. - С. 7.
- ⁸⁸ Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник / М.С. Джунусов. - М., 1998. - С. 29.

⁸⁹ Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569 - 1999 / T. Snyder. - Yale, 2003. P. 37.

МОДЕРНОВЫЕ ДИСКУРСЫ МЛАДОЛАТЫШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Социальные аспекты, связанные с аграрной проблемой и развитием капитализма, были важными для любого национального движения в XIX веке. Чешский историк М. Хрох описывал эту предрасположенность таким образом: «новая интеллигенция угнетенной нации, если она не подверглась ассимиляции, наталкивается на трудности, которые мешали ее социальному росту. Когда принадлежность к малой нации начинает трактоваться как своего рода неполноценность, она становится фактором, трансформирующим социальный антагонизм в национальный - индустриальное общество прокладывает дорогу не классовым войнам, а образованию национальных государств»¹.

Важное внимание лидеры младолатышей сосредотачивали на аграрном вопросе, его решении и проблеме наделения латышского крестьянства землей, на возможности улучшения положения крестьянских масс. Большинство латышей были в то время крестьянами² – именно в сельской местности в наибольшей степени сохранились такие явления как «традиционные формы духовной жизни», а родной язык оставался единственным средством общения. Следует принимать во внимание, что тогда данная проблема была очень актуальна, так как большинство латышей того времени было занято в сельском хозяйстве. «Сельскую бедноту волновали не национальные проблемы, а вопрос о земле»³, - пишет отечественный исследователь истории национальных движений А.С. Мыльников.

К 1860-м годам, когда младолатыши начали выработку своей аграрной программы, общее состояние большинства латышских крестьян было сложным. Освобожденные без земли за несколько десятилетий до этого, большинство крестьян были арендаторами с минимальным количеством прав. При этом российские власти не совсем понимали подлинное состояние латышского крестьянства. В конце 1850-х годов имперский политический деятель П.А. Валуев писал, что «положение курляндских крестьян удовлетворительное»⁴. Рассматривая аграрную программу младолатышей, следует принимать во внимание и то, что они не выработали единого мнения в аграрном вопросе, что было вызвано жесткой идеологической борьбы и нападками немецкой прессы. Общее для взглядов младолатышей на аграрный вопрос – это отрицание старого порядка, который существовал в первой половине XIX века. Национализм, особенно на ранних стадиях своего развития, отличается негативным отношением к старому, вплоть до его радикального отрицания и непризнания⁵.

Обращение младолатышей к аграрной проблеме стимулировалось тем, что в Латвии имел место ряд крестьянских волнений. В семи имениях в Курземе в 1863 году прошла значительная активизация крестьян. Крестьяне отказались подписывать арендные договоры и выселяться из усадеб. В

пяти имениях бароны заставили крестьян силой подписывать договоры. Особенно активны были крестьяне в Двиетском и Казимирском имениях. Илукстский исправник вызвал военную команду для подавления начавшихся крестьянских волнений. В Цесисском уезде в 1865 году вообще имел место ряд поджогов баронских имений и замков⁶.

Одним из первых выразителей младолатышского отношения к аграрной проблеме стал А. Спагис, который в своей работе 1860 года указывал на то, что в «Видземе и Курземе господствовали помещики, там был рай для священников, а для крестьянства – ад»⁷. Эту ситуацию он называл «социальной», подчеркивая тем самым общественную значимость данной проблематики⁸. При этом латышские крестьяне, по его словам, могли рассчитывать лишь на свои собственные силы, осознавая, что «бог высоко, а хозяин и помещик близко»⁹. Идеалом аграрных отношений, согласно концепции А. Спагиса, было существование большого количества мелких крестьянских хозяйств, класса земельных собственников. Аллунанс указывал на необходимость решения вопроса через наделение земель крестьян. В связи с этим весьма показательна его статья «Несколько слов о батраках». В ней он писал, что с батраками в латышской деревне сложилась во многом негативная ситуация, при которой им «кое-чего не добавляют, чинят обиды, а к скотине относятся лучше». Вместо этого он призывал «посылать их в свободное время в церковь, давать полезные книжки об уходе за садами и пашнями», важную роль в изменении жизни крестьян он отводил «газетам и разумным книгам»¹⁰. А. Спагис, подобно К. Валдемарсу, был сторонником формирования класса собственников в среде латышского крестьянства: он считал, что ситуация в аграрной сфере улучшится, если крестьянин будет собственником земли, «имеющим своих наследников, которые окажутся в состоянии использовать свою долю земли и наследства с пользой»¹¹.

Книга А. Спагиса вызвала волну возмущения со стороны немецкой прибалтийской прессы, которая практически сразу же встала на защиту интересов местной элиты в русской Прибалтике и начала кампанию травли, направленную против младолатышского национального движения, которое тогда лишь делало первые шаги. Неизвестный автор уже в 1860 году отзывался о книге младолатыша А. Спагиса как о произведении переполненном «несвязности, несуразности и страстной вражды» к немцам¹². В связи с этим примечательно, что в исторической науке Первой Латвийской республики идеализация младолатышей, представление их как проявления народного, национального, латышского пробуждения были обычными явлениями. В идеализации младолатышей особо преуспел К. Бахманис – автор исследования о А. Спагисе. О нем он писал следующим образом: «уже с ранней юности он служил великим идеям, жил и боролся как латыш со своим большим и национальным сердцем»¹³.

В 1862 году появился т.н. Меморандум Кришьяниса Валдемарса. В данном документе К. Валдемарс рассматривал положение латышского крестьянства, критиковал немецкие позиции в аграрном вопросе. При работе над меморандумом К. Валдемарс ознакомился с работами ряда немецких авторов, подверг их критической оценке, вскрыв природу национальной и социальной нетерпимости представителей немецкого дворянства в отношении латышей. Подводя итог политики немцев Прибалтике Кришьянис Валдемарс констатировал ее крайне отрицательное влияние на развитие латышей. «Несчастливая родина латышей и эстов уже семь столетий представляет одно огромное кладбище»¹⁴, - писал он. Кришьянис Валдемарс, развивая мнение своих сторонников, выступил с инициативой распространения реформы 1861 года и на Латвию. Однако, он, в отличие от А. Спагиса, высказывал мнение о большей экономической оправданности крупного хозяйства. Согласно его концепции в латышской деревне должны существовать три типа взаимосвязанных хозяйств. Первый тип составляли крупные хозяйства размером от 1000 до 100 тысяч пурных мест (одно пурное место равнялось 1/3 гектара), второй тип – средние хозяйства от 60 до 300 пурных мест (то есть от 20 до 1000 гектар) и третий – мелкие, равные от 1 до 10 пурных мест (0.3 – 3 гектара). Причем владельцы третьего типа могли являться потенциальной рабочей силой для крупных и средних хозяйств¹⁵.

Комментируя свой данный проект, К. Валдемарс поставил вопрос: «Не отнимет ли мелкое хозяйство у крупных землевладельцев батраков и не станут ли они дороже?». Отвечая на него, он писал, что это приведет лишь к тому, что «батрак станет соседом хозяина и будет работать дешевле, чем нанятый на весь год»¹⁶. К. Валдемарс склонялся к необходимости формирования в Латвии «прилежно владеющего землей крестьянского сословия с устранением угнетающих отношений». Наличие такого слоя он рассматривал как «создание единственно естественных и действенных консервативных основ» существовавшей российской монархии. При этом он призывал власти к тому, чтобы они способствовали формированию такой опоры в массе крестьян. «Должна быть поведена радикальная реформа, сверху или снизу, способная устранить противоречия из-за национальных разногласий и упредить возможное восстание», - писал Кришьянис Валдемарс в одной из своих работ¹⁷.

В противном случае он считал, что возможности восстания, которое вероятно окажется не только последним в ряду всех предыдущих латышских антинемецких волнений и выступлений, но и победным, в Латвии отрицать нельзя. При этом К. Валдемарс, о чем он и писал в своей автобиографии¹⁸, указывал и на то, что в ходе вероятного крестьянского бунта немецкий элемент может быть полностью физически уничтожен¹⁹. Пугая власти таким развитием событий К. Валдемарс, по свидетельству А. Биркертса²⁰, не устал указывать и на то, что им следует провести в Латвии

реформы, «глубокие и справедливые, способные устранить все опасности и установить довольство, благосостояние и законность»²¹. Объясняя свою позицию по крестьянскому вопросу, К. Валдемар не устал указывать и на то, что он «борется за то, чтобы крестьяне стали самостоятельными владельцами земли»²². С положением и ситуацией в аграрной сфере Кришьянис Валдемарс был достаточно хорошо знаком: свою деятельность направленную на ее улучшение он начинал писарем и сельским учителем, а позднее уделял ей значительное внимание, являясь уже чиновником в Петербурге и Москве, несмотря на то, что работал в Московском обществе мореплавания. Рассматривая аграрный вопрос в Латвии, К. Валдемарс неоднократно апеллировал к опыту западно-европейских государств, например, Франции, где, по его словам, в 1850 – 1860-е годы «день за днем продолжалось деление крупных хозяйств, а земли продавались прежним арендаторам, которые улучшали их». Кришьянис Валдемарс считал, что процветание и благополучие стран Запада опирается в основном на наличие крупного и сильного слоя мелких собственников²³.

В целом младолатыши считали, что в Латвии необходимо провести передел земель (лишив их немцев), после чего крестьяне должны выкупить их, оставив часть у землевладельцев. Правительству же следовало создавать условия для развития сельского хозяйства. При этом, настаивая на том, что правительству следует провести в Латвии реформы в аграрной сфере, идеологи младолатышского движения предостерегали власти от половинчатых мер, от уступок в пользу немецкого баронства. Например, в связи с этим К. Валдемарс указывал на то, что превращение в собственников земли небольшого количества латышских крестьян (им называлась цифра в 20 – 30 тысяч крестьян-собственников и 75 тысяч арендаторов) лишь усложнит ситуацию и приведет к еще большему углублению и обострению противоречий. Кришьянис Валдемарс считал неприемлемой ситуацию, при которой в Латвии более 1.5 миллиона местных жителей были лишены возможности использовать земли в их собственных интересах, Валдемарс, в связи с этим констатировал, что более 90% земель находятся в пользовании немцев, имеющих земли, в общей сложности, в 200 раз больше чем латыши, с которыми, по его словам, немцы обращались «как с дичью или скотом и истязали». В противовес этому Валдемарс выдвигал лозунг больших реформ сверху, за отмену барщины и ее замену денежным налогом²⁴.

Идеологи младолатышей в своих концепциях исходили из признания того факта, что в латышской деревне имеет место процесс медленного, но прогрессивного развития²⁵. Например, уже в 1863 году они констатировали, что у «дворохозяев появилось больше денег и больше свободного времени»²⁶. Рассматривая аграрные проблемы, которыми, разумеется, отличалась история латышской деревни, младолатыши рано или поздно были вынуждены вступить в соприкосновение с собственно крестьянским движе-

нием. Отношения идеологов младолатышей с крестьянским движением – проблема сложная и во многом спорная. Используя сугубо легальные методы, они практически ничего не могли дать крестьянам, исторически склонным к антинемецкому насилию. Рассматривая данные аспекты идеологии национализма, Эфертс-Клусайс, считал, что младолатышей следует рассматривать как движение молодой латвийской интеллигенции, некоторые представители которой, например, Юрис Аллунанс защищали крестьянские антифеодальные устремления и выражал прогрессивные чаяния латышских крестьян и батраков²⁷.

Именно по данной причине младолатыши предприняли попытку распространить свои легальные принципы и на крестьянское латышское движение. Это выразилось в том, что они стали принимать участие в петиционной компании, составляя правильные по юридической форме жалобы для крестьян на их помещиков. Вероятно, именно младолатыши и написали одну из крестьянских жалоб против барона Остен-Сакена в 1860 году и способствовали тому, чтобы ее содержание стало известно Александру II. Кроме этого младолатыши, рассматривая аграрный вопрос, предлагая свои собственные программы его решения, исходили и из принципа о нецелесообразности освобождения крестьян без земли. А. Спагис, К. Валдемарс и К. Биезбардис, как отмечал А. Бандаревичс²⁸, считали, что такое развитие событий сделает крестьян совершенно бесправными, вынужденными заключать невыгодные соглашения с помещиками²⁹. При этом младолатыши стремились доказать, что реформы в аграрной сфере повлекут за собой изменения и в судебной сфере. Так, уже в 1860 году Спагис, по свидетельству А. Клонса³⁰, высказывал мнение о необходимости проведения на территории Латвии реформы суда, административного устройства, изменения статуса чиновников через установление системы общественного контроля над ними. Спагис указывал и на то, что в Латвии следует изменить и налогообложение, принимая во внимание и имущественное положение налогоплательщиков³¹.

Позднее младолатыши нашли и еще новое направление, куда они могли направить свои устремления для решения аграрных проблем. Это вылилось в их участие в переселенческом движении. Хотя первые попытки организовать переселение части латышских крестьян в другие районы Российской империи имело место и в 1850-е годы, младолатыши на данном этапе еще не имели к нему никакого отношения. Подлинное участие идеологов младолатышского движения в переселениях приходится лишь на 1860-е годы. Именно тогда Валдемарс инициировал переселение крестьян в Новгородскую губернию, где в 1863 году им было приобретено 500 десятин земли, которые были проданы им переселенцам по 15 рублей за десятину. При этом он изначально рассчитывал лишь на тех крестьян, которые были способны вложить в переселение от 1000 до 1500 рублей. Однако число желающих переселиться было настолько велико, что в 1865 году

Валдемарс был вынужден купить еще 5600 десятин земли, приобретя деревни Дерево и Ульяново. Однако тогда же в Санкт-Петербург прибыло очень много латышей, подогреваемых слухами о бесплатной раздаче земель, и поэтому земельные наделы смогли приобрести далеко не все. После этого часть латышей была вынуждена вернуться в латышские этнические районы.

Отношение самого Валдемарса к такой переселенческой активности было во многом отрицательным. В связи с этим он в одной из своих работ отмечал: «массовое переселение неприятно еще и потому, что я хотел бы видеть латышскую нацию сохраненную»³². Кроме этого в одном из своих писем К. Валдемарс признавался и в том, что его «пугает то, как много латышей хочет переселиться»³³. При этом Валдемарс все-таки понимал, почему латышское крестьянство стремилось переселиться в собственно русские губернии: «это правда, что здесь можно купить за сравнительно низкую цену очень хорошую землю, а климат здесь от Курземе отличается незначительно, а сбыт продуктов в Санкт-Петербурге очень благоприятен», – писал идеолог младолатышей³⁴.

Параллельно в 1880-е годы о себе заявила и еще одна тенденция латышского национального крестьянского движения – крестьянские восстания и бунты. Например, в 1883 году произошли волнения в двух волостях – в Сарканмуйжской и Лицентской. Началу волнений предшествовала подача крестьянами прошения об изменении наделов, на что власти провели некоторые изменения в землеустройстве, которые крестьянами были признаны как незначительные. После этого крестьяне вновь начали подавать прошения, высказывать свое недовольство политикой местных помещиков. Шестнадцать крестьян из Сарканмуйжи вообще начали препятствовать обработке земли крестьянами из соседней волости, которые должны были получить ее в результате нового землеустройства. Особенно активны были Янис Целмс и волостной старшина Межниекс. В апреле крестьяне Сарканмуйжи оказали сопротивление представителю полиции барону Гротхусу, когда тот пытался взять в залог пастбище и скот крестьян. Кроме этого крестьяне оказали сопротивление и гауптману Остен-Сакену, который пытался арестовать их после инцидента с Гротхусом. Как зачинщики волнений были арестованы Я. Целмс, Янис Абелниекс, Карлис Лаше, Юрис Инценс, Якобс Дростелс, Андреис Григалниекс. Наказания варьировались от полутора до четырех лет заключения, лишения прав и передачи под надзор полиции³⁵.

Очень важное место в идеологии младолатышского движения занимали вопросы о капитализме и капиталистических отношений, за развитие которых и ратовали младолатыши. Такой интерес деятелей латышского национального движения к развитию капитализма подтверждает предположение американского исследователя истории национальных движений Роналда Сани о том, что формирование наций теснейшим образом связано

с развитием капитализма и формированием классов. Р. Сани выразил это в емкой формулировке: «making nations, making classes» («создавая нации, создаются и классы»)³⁶.

Капиталистическая проблематика была важна для них, так как молодая латышская буржуазия на пути превращения в реальную политическую силу встречалась с серьезными препятствиями³⁷. Развитие капитализма было теснейшим образом связано с развитием городов и городской экономики³⁸. «Коммунист Советской Латвии», официальный орган КП Латвии писал по этому поводу, что «борьба за капиталистическое развитие Латвии оказалась тесно связанной с борьбой по национальной линии, против немецкой эксплуататорской верхушки...таким образом, младолатышское движение часто отражало интересы нарождавшейся латышской буржуазии»³⁹. В такой ситуации основным вопросом для молодой латышской буржуазии стал рынок. Рынок играл роль своеобразной первой школы, где буржуазия училась отстаивать и защищать свой национализм. Развитие капитализма в политической программе латышского национализма на этапе младолатышского движения был самым тесным образом связано с аграрной проблемой. Именно разрешение противоречий в данных сферах рассматривалось идеологами младолатышей как залог не только для дальнейшего успешного развития самого национального латышского движения, но и всей Латвии в целом.

Попытки объяснить такой интерес младолатышей к проблеме капитализма в исторической науке предпринимались неоднократно. Если в советской историографии в этом видели только классовую узость и социальную ограниченность социальной базы, то в современной отечественной историографии – интерес к капитализму рассматривается как явление естественное. Данный подход представлен, например, в исследованиях А.С. Мыльников, который относит народы Прибалтики к нациям с неполной «этносоциальной структурой». Этот термин широко используется в работах М. Хроха⁴⁰ и Ю. Хлебовчика⁴¹ для обозначения народов Центральной и Восточной Европы, которые в XIX веке переживали национальное Возрождение. А.С. Мыльников считает, что это предусматривает отсутствие национального дворянства, но создает условия для развития капитализма и социального класса предпринимателей⁴². Отечественный историк В.И. Фрейдзон в связи с этим показал, что процесс формирования национальной буржуазии был общим для большинства наций Европы, которые в XIX веке переживали процесс национального возрождения⁴³.

Развитие капитализма теоретиками младолатышей совершенно верно связывалось с проблемой изменения мировоззрения латышей, стремлением усилить в его рамках элементы индивидуализма и стремления к проявлению личной инициативы на экономическом и коммерческом поприще. Проблема капитализма в идеологии младолатышского движения в историографии связывалась с социальными ориентациями младолатышей. На-

пример, К. Ландерс отмечал, что наибольшую роль в его развитии доктрины капитализма сыграли Аллунанс, Кронвалдс, Валдемарс, Спагис, так как боролись за национальное освобождение - “право национального самоопределения, за язык и литературу”. При этом он отмечал Иналичие социально-экономической почвы данной идеи: эти интересы, согласно К. Ландерсу, полностью совпадали с интересами буржуазии, стремившейся к “обеспечению своей хозяйственной самостоятельности и более широких прав”⁴⁴. Еще один марксистски ориентированный автор, Ф. Розиньш, вообще указывал на то, что младолатыши имели классовый, а именно буржуазный характер⁴⁵. Такой интерес младолатышских националистов вполне объясним, если мы обратимся к исследованиям Э. Хобсбаума, который признает, что любой национализм часто имеет ограниченную социальную опору, но это, согласно его концепции, не в коем случае не может служить признаком ограниченности национализма как такового. Согласно Э. Хобсбауму это лишь показатель «широты политической борьбы»⁴⁶.

Идеологи младолатышского движения понимали, что смогут достичь свои цели, если они будут в состоянии изменить само мировоззрение своих соотечественников. На страницах самой известной и влиятельной младолатышской газеты «Pēterburgas Avīzes», представляемой в советской латвийской историографии почти как высшее достижение латышской журналистики XIX века⁴⁷, они писали: «вы не должны пренебрегать миром...неправда, что бог создал Вселенную как долину рабства...охаивание светской жизни есть прегрешение, ты должен заботиться о своем благосостоянии, ты должен добиваться жизни в достатке, ты должен участвовать в близкой тебе телесной и духовной жизни»⁴⁸. Аналогичная мысль присутствует и у Аусеклиса. Он отмечал и то, что по мере развития латышей все более четко проступает тенденция к росту роли в их среде индивидуализма и личной инициативы – Аусеклис констатировал, что у латышей “как и других народов появляются свои пророки”⁴⁹. Похожее мнение выражал и известный представитель национально-романтического крыла литературного течения младолатышского движения, поэт Андрейс Пумпурс. В одной из своих работ он отмечал, что “у каждого человека есть свой внутренний умысел и цель, к которой он во всей своей жизни стремится и которую он всеми силами старается достичь и реализовать”. Пумпурс считал, что если большинство латышей так и будут жить, то постепенно установится “благосостояние народа”⁵⁰.

Рассматривая развитие капитализма, младолатыши подняли вопрос и о том, какие методы они могли бы использовать для того, чтобы стимулировать этот процесс. Для достижения своих целей они предпочитали использовать мирные цели, действовать сугубо в рамках закона. Именно этим можно объяснить и то, что Валдемарс надеялся на тот факт, что когда-нибудь «слова царя станут правдой».⁵¹ В идейном наследии Валдемарса это проявилось особенно отчетливо. Будучи противником любого наси-

лия, он писал, что не следует «забывать Господа Бога и Иисуса Христа». Валдемар не уставал указывать на то, что «надо любить ближнего»⁵². Его сторонник К. Биезбардис вообще призывал младолатышей на то, чтобы они направляли свои усилия не только в область социально-экономических отношений, но и на укрепление веры простого народа в Бога, развивая его религиозный элемент⁵³.

Рассматривая проблему капитализма, младолатыши подчеркивали в этом процессе и фактор влияния России. Будучи сторонниками легальных методов в идеологии младолатышей присутствуют и верноподданнические элементы. Участники младолатышского движения благожелательно относились к монархии, особенно к Александру II. Они, например, писали: «пусть все ликуют и славят Бога за то, что он дал нам такого императора, он лучший из государей наших дней, так как принес нам свободу и справедливость». Младолатыши придерживались мнения, что Александр II останется великим государственным деятелем, если даже не проведет более никаких реформ⁵⁴. Кроме поддержки монархии, младолатыши одобряли и ее внутреннюю политику, например, меры направленные на подавление польского восстания 1863 года⁵⁵. Выражая согласие с политикой правительства, младолатыши считали необходимым поддерживать его: «государству мы можем выразить нашу глубокую благодарность верноподданных, а не готовить для него какие-либо политические столкновения»⁵⁶, - писал Атис Кронвалдс.

Анализируя внутреннюю политику Александра, они стремились в первую очередь представить его как царя – освободителя, как правителя, который способствовал развитию капитализма. «По милости его императорского величества крестьянин может стать собственником земли, а прежде он был к ней прикреплен, а сейчас владеет ею», - писали младолатыши в одной из своих статей⁵⁷. Особенных похвал российский император со стороны младолатышей удостоивался за то, что он в ходе реформ, по их словам, «всем сердцем идет на встречу прогрессу и отбрасывает устаревшие и негодные порядки»⁵⁸. В этом они видели гарантию для развития капиталистических отношений и в самой Латвии, неотъемлимой тогда для них части Российской империи, которая «встала на путь прогресса»⁵⁹, - с уверенностью констатировал и такой автор младолатышской ориентации как Андрейс Спагис.

Нередко пророссийская ориентация использовалась как инструмент для борьбы с немцами – этот факт позднее подчеркивался многими латышскими историками. Например, Э.Бланкс, несмотря на всю его критику пророссийских идей, был вынужден признать, что “наиболее тяжелый удар по немецкому дворянству нанес Кришьянис Валдемарс, и нынешнее поколение наших республиканцев только идет по указанному им пути”. Э. Бланкс, рассматривая младолатышей отмечал положительную роль и заслуги движения. Особое внимание им было уделено К. Валдемарсу, кото-

рого он описывал как отца латышского национального возрождения и первого латышского политического лидера, который вел неустанную борьбу против немецкого засилья в Латвии. Деятельность Валдемарса, согласно его концепции, следует описывать как «великую реально-политическую тактику» (*liela reālpolitiska taktika*) и «национально-политическую стратегию» (*nacionālpolitiskā stratēģija*)⁶⁰.

Являясь сторонником сугубо легальных методов и развития в Латвии капиталистических отношений, младолатыши сделали немало и для критике всякого рода радикалов, революционеров, которые действительно могли свести на нет или значительно подорвать прогрессивное содержание буржуазный и действительно насущно необходимых, как для всей Российской Империи, так и для Латвии реформ в политической и экономической сфере. Революционных радикалов резкой и обоснованной критике подверг Кришьянис Валдемарс, который предпочитал называть их «подстрекателями и соблазнителями народа», несущими «слухи, легкомысленные и лживые, а требования – самоубийственные», для борьбы с которыми он предлагал развивать школы⁶¹. В связи с этим, начало Великой французской буржуазной революции Валдемарс связывал с «моральным разложением масс», а усилению революционных тенденций в Италии, по его мнению, способствовала почти всеобщая неграмотность масс, используя которую в своих целях аристократы подстрекают народ к бунту против законной монархической власти⁶². Похожего мнения придерживался и другой видный младолатыш Юрис Аллуанс. Для него революционеры – это те, кто «не желает работать, а хочет есть хлеб без корки». Согласно Ю. Аллуану, революционеры – это те, кто стремиться и к тому, чтобы «опрокинуть существующий строй и всё поделить»⁶³. В связи с этим, позицию Аллуанса Ландерс характеризовал так: «под интересами латышского народа он понимал лишь интересы одной его части, городской и сельской буржуазии»⁶⁴.

Рассматривая данную проблему уместно упомянуть и то, что сам Кришьянис Валдемарс писал: «я никогда не был революционером, партийным человеком или противником немецкой народности». Подводя итог своим политическим убеждениям, Валдемар указывал и на то, что «остерегался всякого радикализма»⁶⁵. Для того, чтобы деятельность революционеров в среде латышского населения не имела никакого результата, Валдемарс призывал к развитию образования, которое давало бы, главным образом, экономические и хозяйственные знания. С ним был согласен и Аллуанс указывавший на необходимость изменения системы образования таким образом, чтобы исчезла ситуация при которой такие сугубо светские предметы как история и география «без церковного священного благоухания признавались непригодными»⁶⁶. Именно по данной причине их нельзя отождествлять с революционным движением. Это предусматривало издание литературы, периодики и книг, где выражались их политические идеи;

падение петиций и отправление делегаций в Санкт-Петербург. Например, в 1871 году в город прибыли К. Витолс, К. Голверс, Е. Брастыньш, К. Бутис и Д. Звиргздиньш.

Кроме достаточно подробного рассмотрения аграрного вопроса (на чем мы остановимся несколько ниже) младолатыши пытались оказать свое влияние и на развитие городской латышской буржуазии. Именно поэтому в их работах немало мотивов направленных на активизацию латышских буржуа. Например, сам Ю. Аллунанс призывал их к активному действию, считая, что капитал можно рассматривать как «величайшую силу перед которой поклоняется весь мир»⁶⁷. Другой идеолог младолатышей Валдемарс в связи с этим указывал на то, что «материальный расцвет может принести три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги»⁶⁸. Валдемарс считал, что положительно на развитии латышской буржуазии скажется тот факт, если ее представители будут отправлять своих детей для получения образования в русские университеты, что позволит им впоследствии вытеснить с наиболее важных административных постов немцев и способствовать развитию региона в интересах латышей. В связи с этим он указывал, что появление большего числа образованных латышей приведет и к экономическому росту. Валдемарс писал: «огромная железнодорожная сеть в скором времени доставит на наше побережье продукты обширного развивающегося государства и сделает их доступными Западной Европе и Северной Америке»⁶⁹.

Концепция Кришьяниса Валдемарса о роли торгового флота и мореплавания в развитии капитализма достаточно хорошо изложена в ряде его работ. Анализ этих исследований Валдемарса позволяет говорить о том, что мореплавание и морская торговля рассматривались им как те факторы, которые могут сыграть положительную роль в развитии капитализма. Идеолог младолатышского движения указывал и на то, что морская торговля может стимулировать и развитие латышского капитализма, как в городе, так и в деревне. Валдемарс считал, что развитие морской торговли упрочит капиталистические связи Латвии с другими европейскими государствами. При этом Валдемарс не ограничивался лишь чистыми заявлениями в данной области. Он стремился стимулировать и процесс развития капитализма в Латвии на практике. Проявлением данной тенденции стало создание специальных акционерных обществ. В процессе их организации приняли участие и идеологи младолатышского движения. В 1881 году возникло акционерное общество Dundaga, а в 1882 году – Kurzēme и Austra. Два первых оказались недолговечными, а последнее пыталось строить корабли и вести торговлю со странами Западной Европы⁷⁰.

Деятельность младолатышских теоретиков, направленная на развитие капиталистических отношений, безусловно, была крайне важной. Оценивая ее значение, следует принимать во внимание, что она была во многом прогрессивной и заслуги младолатышей в данном направлении могут быть

оценены как положительные. По данной причине, наряду с собственно национальной проблематикой латышскими националистами была поднята социально-экономическая сторона жизни общества. Именно поэтому национализм младолатышей не был национализмом исключительно национальным. Наличие капиталистической проблематики в доктринах младолатышей позволяет говорить о существовании значительного модернизационного элемента во всем латышском национализме в целом. Будучи националистами, младолатыши ратовали не только за развитие национального самосознания – они боролись и за экономическую активность латышей, чем способствовали ломке старых отношений в экономической жизни и развитию националистического движения в политической сфере.

¹ Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe* / M. Hroch. - Cambridge, 1985. - P. 189.

² О положении крестьян в регионе на данном этапе см.: Владиславлев В. К аграрному вопросу в Лифляндии / В.Владиславлев. - СПб., 1894; Бордонос Н.Н. Основы поземельных отношений в Лифляндской губернии / Н.Н. Бордонос. - Могилев, 1904; Виграб Ю. Прибалтийские немцы / Ю. Виграб. - Юрьев, 1916; Поска Характеристика литературных мнений об освобождении крестьян в Лифляндии / Поска // ЖМНП. - 1904. - Т. 355; Земцев В. К аграрному вопросу в Лифляндии / В. Земцев. - Рига, 1907.

³ Мыльников А.С. Народы... - С. 22.

⁴ Цит.по: Altmants A. *Studijas nacionālās atmodas vēsture* / A. Altmants // *Latvijas vēsture Instituta Žurnāls*. - 1939. - No 1. - lpp. 70.

⁵ Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения / В.А.Михайлов. - Саратов, 1993. - С. 15.

⁶ Крастынь Я.П. Революция 1905 – 1907 годов в Латвии. - С. 13 – 14.

⁷ Spagis A. *Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland*. - S. 4.

⁸ Ibid. - S. 7.

⁹ Spagis A. *Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland*. - S. 12.

¹⁰ Allunans J. *Daži vardi par kalpiem* / J. Allunans // *Mājas Viesis*. - 1856. - No 8.

¹¹ Spagis A. *Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland*. - S. 39.

¹² *Das Inland*. - 1860. - No 46.

¹³ Bachmanis K. *Andrejs Spāģis un viņa laikmets* / K. Bachmanis. - R., 1932. - lpp. 5.

¹⁴ Цит.по: Духанов М.М. О меморандуме Кришьяна Валдемара / М.М. Духанов // Ученые записки Латвийского государственного университета. - Т. 82. Исторические науки. - Вып. 5. Вопросы историографии Латвийской ССР. - Рига, 1967. - С. 44.

¹⁵ Valdemārs K. *Raksti* / K. Valdemārs. - Vol. 1 - lpp. 80-82, 319.

¹⁶ Birkerts A. *Krišjānis Valdemārs un viņa centieni* / A. Birkerts. - R., 1925. - lpp. 236.

¹⁷ *Dokumenti par tautas atmodas laikmetu* // *Latvijas vēstures avoti*. - 5 Vol. - R., 1939. - lpp.159, 160.

¹⁸ *Valdemāra pašbiogrāfija* // *Baltijas Wehstnesis*. - 1873. - No 43.

¹⁹ *Dokumenti par tautas atmodas laikmetu* // *Latvijas vēstures avoti*. - 5 Vol. R., 1939. - lpp.168.

²⁰ Birkerts A. *Krišjānis Valdemārs un viņa centieni* / A. Birkerts // *Izglītība*. - 1909. - No VI.

²¹ *Dokumenti par tautas atmodas laikmetu* // *Latvijas vēstures avoti*. - 5 Vol. - R., 1939. - lpp. 171.

- ²² Dokumenti par "Pēterburgas Avīzēm" // Latvijas vēstures avoti. - 1 Vol. - R., 1937. - lpp. 230.
- ²³ Allunāns J. Tagadnes latviešu literatūra / J. Allunāns // Dzimtenes Vēstnesis. - 1910. - No 227; Latvijas vēstures avoti. - 1 Vol. - lpp. 185.
- ²⁴ См.: Valdemar K. Die Lettenauswander nach Nowgorod in Jahre 1865 und die Baltische deutsche presse / K.Valdemar. - Bautzen, 1867; Latvijas vēstures avoti. - 5 Vol. - R., 1939. - lpp. 158, 160, 168, 170, 220.
- ²⁵ Об изменениях в аграрной сфере в Латвии в данный период см.: Gretjānis I. Daži jautājumi par zemnieku un muižnieku attiecībām XIX gs. 80. gados Vidzemē un Kurzemē / I. Gretjānis // Zinātniskie raksti. - XXVI sēj. Vēstures zinātnes. - Otrais izlaidums. - R., 1979. - lpp.183. – 204.
- ²⁶ Mājnieki Kurzemē // Pēterburgas Avīzes. - 1863. - No 17.
- ²⁷ Klusais E. Piezīmes par latviešu vēsturi / E. Klusais. - Maskavā, 1925. - lpp. 25.
- ²⁸ Bandrevičs A. Notikumi Latviešu atmošanās laikmetā. K. Valdemārs, Kr. Barons, Kasp. Biezbardis, Jānis Krauklis, Juris Alunāns / A. Bandrevičs. - R., 1925.
- ²⁹ Waldemar C. Ueber die bauerlichen Vehraltnisse in Kurland / C. Waldemar // St. Peterburger Zeitung. - 1859. - No 63, 64; Waldemar C. Zur Domainfrage / C. Waldemar // St. Peterburger Zeitung. - 1860. - No 16; Spagis A. Zur Emanzipazionfrage der Russisches Volkes / A. Spagis. - Leipzig, 1860; Spagis A. Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland / A. Spagis. - Leipzig, 1863.
- ³⁰ Klons A. Andrejs Spāģis / A. Klons // Jaunības Tekas. - 1920. - No 1.
- ³¹ Spagis A. Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland / A. Spagis. - Leipzig, 1863. - S. 37-38.
- ³² См. об этом подробнее: Dokumenti par tautas atmodas laikmetu // Latvijas vēstures avoti. - 5 Vol. - R., 1939. - lpp. 516; кроме этого сборника документов существует и сочинение самого Валдемарса по данной проблематике: Waldemar K. Die Lettenauswanderund nach Nowgorod im Jahre 1865 und die baltische deutsche Presse / K. Waldemar. - Bautzen, 1867.
- ³³ Dokumenti par tautas atmodas laikmetu // Latvijas vēstures avoti. - 5 Vol. - R., 1939. - lpp. 515.
- ³⁴ Цит.по: Козин М.И. Младолатыши и крестьянское движение... - С.152.
- ³⁵ Грейтъянис И. Сарканмуйжские волнения крестьян в 1883 году / И. Грейтъянис // Zinātniskie raksti. - LXI sējums. Vēstures zinātnes. - 4. izlaidums. - R., 1965. - lpp. 97. – 110.
- ³⁶ Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union / R.G. Suny. - Stanford, 1993. - P. 3.
- ³⁷ О трудностях стоявших перед буржуазией в рамках национальных движений см.: Katus L. Hauptzüge der kapitalistischen Entwicklung der Landwirtschaft in den südslawischen Gebieten der Österreichisch – Ungarischen Monarchie / L. Katus // Studia historica. - Vol. 51. - 1961. - S. 161.
- ³⁸ См.: Miasto i kultura polska doby przemyslowej. - Wroclaw, 1993.
- ³⁹ Коммунист Советской Латвии. - 1960. - № 1. - С. 18 – 19.
- ⁴⁰ Hroch M. Odrození malých evropských národů / M. Hroch. - Praha, 1971.
- ⁴¹ Chlebowczyk J. O prawie do bytu malich i mlodych narodów / J. Chlebowczyk. - Warszawa, 1983.
- ⁴² Мыльников А.С. Народы Центральной Европы... - С. 9.
- ⁴³ Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи / В.И. Фрейдзон // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 35.
- ⁴⁴ Landers K. Latvijas vēsture / K.Landers. - III d. Peterburga, 1909. - lpp. 9 – 10.
- ⁴⁵ Rosiņš F. Latviešu zemnieks / F. Rosiņš. - R., 1958.

-
- ⁴⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм. - С.76.
- ⁴⁷ Анспак Я.И. Марксистско-ленинская педагогическая мысль в Латвии. 1893 – 1917. - С. 31.
- ⁴⁸ Pēterburgas Avīzes. - No 2. - 1862.
- ⁴⁹ Auseklis Izlase / Auseklis - R., 1935. - lpp.159.
- ⁵⁰ Pumpurs A. Raksti / A. Pumpurs. - R., 1925. - lpp.362.
- ⁵¹ Valdemārs K. Raksti / K.Valdemārs. - IVol. 1 - lpp. 283.
- ⁵² Valdemārs K. Raksti / K.Valdemārs. - Vol. 1 - lpp. 223.
- ⁵³ Beezbard K. Zuestande und Eigenthuemlichkeiten in den baltischen Provinzen Russland / K.Beezbard. - Bautzen, 1865. - S. 44.
- ⁵⁴ Pēterburgas Avīzes. - 1862. - № 14; 1862. - No 7.
- ⁵⁵ Pēterburgas Avīzes. - 1863. - No 6.
- ⁵⁶ Цит. по: Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты / В. Мишке. - Рига, 1956. - С. 11.
- ⁵⁷ Pēterburgas Avīzes. - 1862. - No 4.
- ⁵⁸ Pēterburgas Avīzes. - 1863. - No 2.
- ⁵⁹ Spahg A. Die Zustaende des freien Bauernstandes in Kurland / A. Spahg. - Leipzig, 1863. - S. 365.
- ⁶⁰ Blanks E. Krišjānis Valdemārs / E. Blanks // Nedēļa. - 1925. - No 47- 48. - lpp. 7.
- ⁶¹ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - IVol. 1 - lpp. 20.
- ⁶² Turpat. - lpp. 20 – 21.
- ⁶³ Allunans J. Kapoti raksti / J. Allunans. - Vol. 3. - R., 1936. - lpp. 100 – 101.
- ⁶⁴ Landers K. Latvijas vēsture / K.Landers. III d. - Peterburga, 1909. - lpp. 12.
- ⁶⁵ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. Sej 1. - lpp. 302, 303, 310.
- ⁶⁶ Allunans J. Kapoti raksti / J.Allunans. Vol. 2. - R., 1936. - lpp. 230.
- ⁶⁷ Allunans J. Kapoti raksti / J.Allunans. Vol. 1. - R., 1936. - lpp. 31; Vol. 3. - lpp. 56.
- ⁶⁸ Birkerts A. Krišjānis Valdemars un viņa centieni / A.Birkerts. - R., 1925. - lpp. 201.
- ⁶⁹ Waldemar C. Ueber die Befahigung der Letten und Esten zum Seewesen / C. Waldemar // Das Inland. - 1857. No 18. - S. 258.
- ⁷⁰ Вальдемар Х. Приглашение обитателей прибрежий Черного и Азовского морей ... взяться за дело русского мореплавания / Х. Вальдемар. - М., 1878; его же: Юбилей Петра Великого. - М., 1872; его же: Россия и мореплавание. - М., 1871; его же: Русский торговый флот. - СПб., 1860; его же: Несколько слов об организации деятельности Общества для содействия российскому торговому мореходству. - М., 1875; его же: По вопросу о сближении Москвы с русскими мореходными школами. - М., 1878; его же: Преобразование мореходных классов. - М., 1886; его же: Военный и торговый флот России. - М., 1872; см. так же работы К. Валдемарса, изданные на немецком языке: Waldemar K. Ueber die Befahigung der Letten und Esten zum Seewesen / K. Waldemar // Inland. - 1857. - Нщ 18-19; Waldemar K. Ueber die Befahigung der Letten und Esten / K. Waldemar. - Dorpat, 1857.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЛАТЫШСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В 1850 – 1890-Е ГОДЫ

Важное место в идеологии младолатышского национализма, наряду с социально-экономической проблематикой, принадлежало критике германского элемента в Латвии. Критика представителями одной нации представителей другой, откровенные нападки друг на друга и острая полемика в прессе и публицистике являются неотъемлемыми атрибутами в развитии любого национализма, что с особой остротой проявляется, в первую очередь, на ранних этапах в истории того или иного национального движения. Младолатыши не были исключением. Критика представителей другой нации была своего рода «процессом национального разграничения»¹ латышей от немцев.

При этом его идеологов, на наш взгляд, например, Кришьяниса Валдемарса, не следует рассматривать как крайних антинемецких националистов. К. Валдемарс немцев, разумеется, особенно не любил, но такой ненависти, которую питали отдельные немецкие авторы в отношении латышей, он не испытывал. При этом он признавал факт бесспорного, пусть во многом и неоднозначного влияния немцев на историю латышей, указывая на необходимость ознакомления с работами немецких историков и публицистов². В связи с проблемой отношения к немцам в Прибалтике младолатыши вступили в полемику с другими представителями латышской национальной интеллигенции. По данному вопросу К. Валдемарс полемизировал с одним из первых латышских историков Я. Кродзениексом, упрекая его в некритичном отношении к сочинениям немецких авторов – Валдемарс, в отличие от него, с сочувствием относился к взглядам таких прибалтийских немцев как Гарлиб Меркель и О. фон Рутенбург³.

Однако от младолатышских авторов в адрес немцев исходило немало критических, а порой и откровенно антинемецких националистических замечаний. Например, К. Биезбардис описывал немецких баронов исключительно как людей, «чьи желания и устремления не чисты, а грязны, так как они стремятся получить еще больше власти, несмотря на то, что покорили другие народы и не признают их как таковые». А. Спагис, как показывал А. Биркертс⁴, внес в антинемецкий национализм младолатышского движения новый элемент, который отличается сильным социальным подтекстом. В ряде его сочинений присутствует тезис, что национальное неравенство латышей выливается в неравенство социальное. В связи с этим он указывал на то, что в роли угнетателей выступали как правило немцы, которые были землевладельцами, пасторами и чиновниками. При этом угнетаемыми, жившими, по его словам, в адских условиях, всегда оказывались исключительно латыши. Особую неприязнь младолатышей вызывали представители немецкой администрации. Развитием младолатышского национализма они стремились подорвать ее роль и авторитет, стремясь расша-

тать немецкую систему воспитания латышей в покорности и религиозности. Особую неприязнь младолатышей вызывал один из принципов пренемецкой газеты «*Latviešu Avīzes*», согласно которому латыши должны жить «в духе моральных и религиозных статей, смиренной преданности Богу и властям»⁵.

При этом подобное мнение младолатышских идеологов стало объектом критики со стороны балтийских немцев. Один из виднейших немецких деятелей в Российской империи барон Левен в 1863 году писал Валдемарсу, рекомендуя младолатышам заниматься не политикой, а «воспитанием и обучением латышей на поле религии, морали, сельского хозяйства, ремесла и искусства, но не критиковать или осмеивать власти, дворянство и духовенство»⁶. Критикуя немцев, младолатыши не забывали и развивать идеи и о том, что латыши являются народом совершенно особым, со своим неповторимым комплексом черт и путем национального развития. Один из идеологов младолатышского движения, Каспарс Биезбардис, вообще доказывал то, что именно латыши принадлежат к числу самых древнейших и, по данной причине, развитых народов Европы. По данной причине он составил и историческую теорию в духе национального романтизма о том, что латыши произошли от скифов, которых описывал еще Геродот⁷.

Непризнание со стороны немцев латышей не только как равноправных партнеров, но и как нации с самобытной культурой и собственной историей вело к соответствующей реакции и в латышском обществе. По данной причине, немцы и изображались как главная опасность для латышской нации, как главнейшая угроза для латышского национального движения. При этом антинемецкие идеи привели к культивированию убеждения и об особой природе самой латышской нации, которая находится в состоянии противостояния с германцами. И латыши, и немцы рассматривались латышскими националистами идеалистически. Но если немцы представляли как само зло, то латыши идеализировались, описывались в романтическом духе. Такое отношение, вне всякого сомнения, способствовало обогащению национализма новыми концепциями, вело к его дальнейшему развитию, превращало в более четкую и оформленную систему взглядов, в цельную политическую доктрину. Кроме этого появление данных концепций в латышской среде привело к появлению ответной реакции и в рамках немецкого общества в Латвии. Немецкие авторы начали критику младолатышского национализма, что приводило к обострению политической борьбы в регионе.

Тон немецкой критики в отношении истории младолатышского движения, как правило, был критическим. Немецкие историки рассматривали младолатышей не как политических противников. Они воспринимали их как опасных смутьянов и бунтарей, способных подорвать основы их политического господства и экономического благополучия в регионе. Немецкие авторы обвиняли деятелей младолатышского движения в распространении

«древних, средневековых и новейших коммунистических и демократических идей». В 1862 году барон Левен, напуганный лишь первыми шагами младолатышского движения, отмечал, что оно опасно, так как «способно поколебать всякое уважение к догматам религии, к правилам нравственности, к существующему устройству политических сословий и к праву собственности»⁸.

Одним из первых критиков младолатышей был и немецкий пастор Шульц, который издавал пронемецки настроенную газету на латышском языке «*Latviešu avīze*». Именно он стал инициатором критики младолатышей с церковной кафедры, осознав авторитет священника среди населения. Шульц на съезде пасторов в Елгаве в октябре 1862 года говорил, что «младая латышина составила враждебную партию, которая стремится внести в среду народа недоверие и негодование на дворян, пасторов и немецкое правительство, а их газета стала опасным народным листком»⁹. Одновременно критику начал и пастор Браже – его не устраивало то, что младолатыши «превращают латышский язык из языка крестьян в язык господ». Кроме этого Шульц и Браже начали обвинять младолатышей, например Аллунанса, в безбожии. Эту же точку зрения выражали такие немецкие авторы как курляндский губернатор фон Бреверн и немецкий прибалтийский историк А. Бухгольц. Упомянутый нами немецкий пастор Браже свое отношение к латышам вообще и младолатышам в частности выразил в таких словах: «латыши не имеют национального прошлого и истории, они так же не имеют и будущего»¹⁰. За свое подобное отношение к латышам такая немецкая историческая наука в латвийской советской исторической мысли получило самую негативную оценку. Например, исследователь истории латышского крестьянства и аграрных отношений в латышской деревне М.И. Козин интерпретировал содержание немецких исследований как «неприкрыто апологетическое», а историков как защитников отживших свой век анахронизмов¹¹.

На ранних этапах своей истории младолатыши подвергались критике и со стороны ряда латышских авторов. К числу таких относился, например, латыш по национальности, пастор Юрис Нейкенс (1826-1868), издававший в 1863 и 1865 – 1867 годах газету «*Ceļa biedris*» - «Спутник». Нейкенс, как он сам считал, боролся против излишнего, на его взгляд, радикализма младолатышского движения и по данной причине его, на наш взгляд, можно рассматривать как основоположника консервативного течения в младолатышском движении¹². На содержание работ первых критиков младолатышей явно повлиял немецкий епископ М. Вальтер. В 1864 году епископ, обращаясь к немецкому прибалтийскому дворянству, говорил: «Покайтесь! Вы пришли сюда, чтобы привлечь туземцев к великой германской культуре, а они поворачиваются в сторону русских, так что покайтесь в своих грехах и онемечивайте туземцев»¹³. Двумя годами ранее, в 1862 году, когда младолатышское движение лишь делало свои первые шаги, прибалтий-

ские немцы, встревоженные его возможными результатами, объявили конкурс на лучший проект по онемечиванию латышского, по их словам – туземного, населения¹⁴.

Отличительной чертой младолатышского национализма и их политических действия младолатышей был ориентир на Россию. В многонациональной Российской Империи молодое латышское националистическое движение хотело опереться на Россию и использовать ее ради борьбы с немцами. Такое отношение к России следует объяснять, с одной стороны, тем, что русификаторская политика в Латвии тогда еще не дала о себе знать. С другой, следует принимать во внимание и определенный опыт приобщения латышей к русской культуре для борьбы с немцами, что имело форму перехода в православие в 1840-е годы. Поэтому национализм младолатышей во многих отношениях можно рассматривать одновременно, как и пророссийский и антинемецкий.

Пророссийское содержание националистических концепций младолатышей можно объяснить тем, что многие из них получили образование в Дерптском университете (К. Валдемарс; Ю. Аллунанс, изучавший экономику; Биезбардис), а Кришьянис Валдемарс долго жил в Санкт-Петербурге. Пророссийская тенденция в национализме выливалась и в призыве использовать все лучшее, что имело место в современной им Российской империи. Например, Каспарс Биезбардис стремился к широкому использованию достижений русской науки и культуры¹⁵, а Спагис, как отмечал Кр. Бахманис¹⁶, стремился ознакомить русскую общественность с положением в Латвии. В рамках этой деятельности он занимался учительством, управлениями имений, руководил фабриками, отстаивал необходимость правительственной реформы суда и администрации.

Кроме этого младолатыши установили контактов и с общественным движением в собственно России. Именно поэтому Валдемарс считал необходимым для латышей овладение русским языком¹⁷, но без потери своей латышской национальной неповторимости. В связи с этим советский латышский историк К. Страздинь отмечал то, что К. Валдемарс «ориентировал нарождающуюся латышскую буржуазию на Россию»¹⁸. Показателем наличия устойчивых связей между ними было то, что они пользовались помощью национально мыслящей части общества, например славянофилов. Этот аспект в идеологии латышского национализма получал, как правило, негативную оценку в историографии. В своей статье, вышедшей в 1907 году, «Борьба национальностей или борьба классов» Петерис Стучка писал о том, что младолатыши всецело шли и следовали «за своими реакционными славянофильскими учителями», были способны лишь «на бунт на коленях», на подачу правительству бесчисленных петиций¹⁹.

По данной причине младолатыши стремились использовать и те русские газеты, которые в самой России рассматривались как традиционные и охранительные. К числу таких относились и «Московские ведомости».

Один из латышских авторов, младолатыш, Ф. Трейландс-Бривземниекс подчеркивал ее влияние, указывал и на то, что именно эту газету «охотно читает» российский император, а ее редакторы, Катков и Леонтьев, действуют «против интересов и стремлений привилегированных немцев» - именно по данной причине Ф. Трейландс-Бривземниекс указывал и на то, что «Московские ведомости» можно использовать ради улучшения положения латышей, использовать, по его словам, «на благо народа» дабы постепенно «проломить стены балтийского угнетения и добиться для латышей более легкой жизни»²⁰.

Вот почему в работах младолатышей немало откровенно пророссийских монархических настроений. Подобные мотивы, например, широко представлены в письмах Юриса Аллунанса, который, с одной стороны, положительно отзывался об Александре II, а, с другой, уверял, что народ, в том числе, и латышский предан монархии и в случае покушения на царя он отомстит, что выльется во «всеобщее истребление помещиков». В данном случае Аллунанс имел в виду, скорее всего, немецких помещиков²¹. Пророссийская политическая ориентация дорого стоила этим первым латышским националистам. Именно она стала причиной того, что они превратились в объект для критики, как самих немцев, так и более поздних латышских националистов.

При этом все-таки не стоит преувеличивать политических симпатий латышских деятелей к России. Российская Империя была необходима для них лишь тогда, когда они вели борьбу против немецкого влияния. Параллельно они не были заинтересованы в распространении на Латвию основных принципов внутренней политики правительства, так как это было чревато для латышей не менее опасными последствиями, чем перспектива германизации. Излишнее заигрывание с русскими националистами и анти-немецкими кругами могло привести к началу русификации. В последнем, разумеется, латышские националисты заинтересованы не были. Вот почему, младолатыши предпочитали лавировать между балтийскими германством и Российской Империей, используя последнюю ради достижения своих собственных политических целей. В данном случае младолатышские идеологи проявили себя как тонкие и расчетливые политики: не дав себя ассимилировать балтийским немцам, они были и противниками, в отличие от своих предшественников 1840-х годов, полного слияния с Россией.

Гораздо более последовательными латышские националисты были в использовании русского опыта, когда тот был связан с культурой и мог в перспективе принести результаты и оказаться полезным в борьбе против немецкой культурной гегемонии за создание подлинно латышской независимой национальной культуры. Младолатышские националисты действовали в тот период истории Латвии, когда та входила в состав Российской Империи, являясь ее органичной частью. Поэтому русское влияние на латышских националистов было неизбежно и оно стало совершенно естест-

венным явлением. Влияние это проявилось и в области культуры, которая стала, своего рода, «коммуникативным пространством» между народами, которые не обладали значительной языковой и культурной близостью²².

Одним из направлений этой деятельности стали переводы произведений русской классической литературы на латышский язык. Подобную политику объяснить достаточно просто: ко времени активности младолатышских националистов русская литература была явлением во многом уже сложившимся, которое имело ярко выраженный национальный характер, показывая неповторимость русского народа, его место в семье европейских народов. По данной причине, русскую классику можно назвать учебником для латышских националистов Российской Империи. На необходимость перевода русских писателей на латышский язык указывали виднейшие теоретики латышского национализма. Это в полной мере относится к таким латышским деятелям как Юрис Аллунанс, Кришьянис Валдемарс, Атис Кронвалдс. Понимали необходимость подобной деятельности и их наследники – к числу таковых относился, например, Аусеклис.

Юрис Аллунанс указывал на то, что «в родном краю всегда меньше людей, умов и искусства, чем во всем остальном мире – вот поэтому люди, стремившиеся к мудрости, с давних времен желали отправиться в свет». «Тот, кто вышел за ворота хотя бы для того, чтобы только взглянуть на мир, станет гораздо мудрее», - отмечал младолатышский классик Ю. Аллунанс²³. Кришьянис Валдемарс, в свою очередь, призывал латышей к активному взаимодействию с культурами нелатышей. Особое внимание в связи с этим он уделял, разумеется, русской культуре. Валдемарс считал, что из русской культуры латыши должны взять все самое лучшее. «Любой латыш может взять столько, сколько ему нужно»²⁴, - писал он. При этом следует помнить о том, что Кришьянис Валдемарс был националистом и, по данной причине, не следует преувеличивать его пророссийские симпатии и прорусские настроения. Этим он выгодно отличался от более ранних националистов, например того же Яниса Лициса. В работах К. Валдемарса было немало от латышского националиста. Поэтому, в его трудах можно найти и откровенно антирусские элементы.

К.Валдемарс писал, что «русский отнюдь не Вельзевул, он медведь. Я больше боюсь “Preusenseuche”, чем медведя. Медведя, как известно, легко свалить, если смело наступать ему на задние лапы. В будущем его могут изжалить даже маленькие пчёлки, если он станет слишком падок на мёд»²⁵. Известно, что один из сподвижников К.Валдемарса рассказывал об одной из его стычек с критиками, что на укор в содействии русификации К.Валдемарс ответил примерно следующее: «можете ли вы, упрекающие меня, сделать что-либо на пользу народу, если помещики будут сопротивляться? Отодвиньте с дороги эту власть, это единственное непреодолимое препятствие, и народ сразу воспрянет. Единственным радикальным сред-

ством, как сломать власть баронов, я нахожу “русификацию”. Покажите мне какое-либо другое полезное средство! Где оно? Я его использую!»²⁶.

К.Валдемарс, как латышский националист, видел опасность русификации латышей, но в отличие от своих критиков оценивал ее реально. По свидетельству А.Зандбергса, своих соратников он убеждал: «Мытарства под русскими однажды принесут латышам свободу, равные права человека и в конце концов кончатся. Может ли такая грубая и строгая русификация долго длиться?! Это не в духе русских!... Разве вы не чувствуете, что в России неограниченное самодержавие долго не продолжится, и что после несчастной войны, которую, естественно, вскоре можно ждать, помимо других важных перемен, что в России может появиться парламент, и Балтия может стать автономной провинцией - даже с латышом - генерал-губернатором во главе»²⁷.

Параллельно и А. Кронвалдс указывал на фактор, что латыши как нация «проживают в среде больших культурных народов», что автоматически должно вести к развитию тяги к знаниям среди латышей. «Только тот, кто знает свою отчизну и родную землю, может любить ее по-настоящему»²⁸, - писал А. Кронвалдс. Это неизбежно, согласно его концепции, будет приводить лишь к одному – к самым разнообразным контактам и взаимодействиям, в рамках которых латыши будут обращаться к «науке и искусству, культуре и литературе»²⁹. Продолжение этой мысли мы находим и у Аусеклиса. Этот националист признавал то, что латыши «должны многому учиться у других народов»³⁰. При этом Аусеклис, хотя и был националистом, предостерегал латышей от того, чтобы они замыкались на особенностях своей национальности. «Нельзя придерживаться слепого осознания своей народности и надо избегать ее превращения в пустую фразу»³¹, - писал он.

Одна из первых попыток ознакомить латышей с русской литературой была предпринята латышским националистическим деятелем Фрицисом Трейландсом-Бривземниеком³². В 1874 году он выступил со статьями объединенными общим циклом – «Замечательные русские люди из простого звания». Особое внимание в данных статьях он уделил М.В. Ломоносову³³. К опыту Ломоносова обращался и К. Валдемарс. «Читая описание жизни Ломоносова, латышские юноши ознакомятся не только с неизвестными им науками, но они узнают о русских ученых и их свершениях», - писал он. Одним из услышавших этот призыв был Я. Мисиньш, который в 1925 году описал это как «пробуждающий голос»³⁴. Кришьянис Валдемарс, как и другие латышские националисты, неоднократно указывал на положительные последствия приобщения латышей к русской культуре. Например, обращение к произведениям русских писателям казалось Валдемарсу необходимой гарантией «распространения хорошей, свежей и здоровой литературы»³⁵. Он считал, что русская литература будет способствовать и развитию латышского языка, который, как ему казалось, «станет более правиль-

ным и чистым». При этом он негативно воспринимал переводы немецкой литературы, так как видел в ней один из способов германизации латышей, развитию в латышах «немецкого патриотизма»³⁶.

Возникновению подлинных русско-латышских культурных контактов связано с деятельностью Ю. Аллунанса. Именно он стал первым переводчиком произведений Пушкина на латышский язык. В 1860 году он перевел стихотворение «Конь». Перевод пушкинских текстов стал своего рода школой для культурного течения латышского национализма, что сказалось на появлении переводов на латышский не только русских, но и античных авторов. Кроме этого переводы с русского латышские националисты стремились сделать более национальными и латышскими. Это, например, характерно для такого латышского перевода: «Viss jau nevaru mirt; lielā no nāves man (Весь я не могу умереть). Daļa taupīta būs. Pēcāk es pieaugšu (Большая часть меня сохранится, далее вырасту я). Slavā augdams jo jauns, kura vis nezudīs (В славе вечно молод, которая не исчезнет). Kamēr Daugava tek Latviešu robežās (Пока Даугава течет в латышских границах)»³⁷.

После Юриса Аллунанса из латышских националистов, переводчиков А.С. Пушкина, следует упомянуть Андрейса Диркиса и Ансиса Бандаревича. Благодаря их усилиям на латышском языке были изданы повести «Выстрел», «Гробовщик», «Метель», «Барышня-крестьянка»³⁸. Параллельно с Пушкиным латышские националисты переводили и Лермонтова. Первые переводы были сделаны Юрисом Аллунансом – он перевел “Колыбельную казачью песню”. Несколько позднее Матисс Каудзите сделал переводы на латышский с русского таких произведений как “Герой нашего времени”, “Воздушный корабль”, “Демон”, “Хаджи Абрек”³⁹. Латышские националисты переводили на латышский язык и Гоголя. Индрикис Аллунанс перевел «Ревизора», который был поставлен в Рижском латышском театре. В 1874 году произведения Гоголя были поставлены в Вецпиебалге. Отметим, что в роли Хлестакова выступил Матисс Каудзите, Бобчинского – А. Пумпурс, Добчинского – Я. Юрьянс⁴⁰. Несколько позднее Ф. Трейландс-Бривземниекс перевел «Тараса Бульбу»⁴¹. В 1880-е годы увидели свет переводы «Вия», «Невского проспекта», «Майской ночи».

Очень много для ознакомления латышей с русской культурой было сделано Ф. Трейландсом-Бривземниесом. Он стал одним из первых переводчиков и популяризаторов творчества Грибоедова на латышском языке. С особым чувством он перевел известные слова Чацкого: «как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья» - подобные слова русского литературного героя стали лозунгом латышских националистов в борьбе против немецкого влияния и преобладания в Латвии. По данной причине, Бривземниекс пытался доказать отдаленность латышей от немцев, их непринадлежность к германской культуре. Поэтому, особое внимание он уделял связям латышей с русскими⁴².

Историки межвоенной независимой Латвии пересмотрели пророссийские политические симпатии младолатышей. Например, Э. Бланкс писал, что «русская ориентация младолатышей по своему значению в развитии национальной политической мысли латышей занимает столь же отрицательное место как космополитизм новотеченцев»⁴³. Историки межвоенного периода нередко искали истоки подобных позиций младолатышей в опасности онемечивания и германизации. «Нельзя отрицать, что стремления латышей онемечиться, особенно в Риге, были весьма большими. Эти стремления надо было парализовать - на яд ответить противоядием. Валдемарс и его товарищи это противоядие искали в славянской аптеке. Но они отнюдь не стремились отравить свой народ»⁴⁴, - писал А. Вичс. Похожего мнения придерживался и Леготню Екабс: «Кришьянис Валдемарс был гениальным дипломатом, который своей мудростью спас наш народ в самый критический момент, когда немецкая мельница собиралась тотчас его размолоть»⁴⁵. Целесообразность проводимого К.Валдемаром пророссийского курса признавали А.Биркертс и Ж.Унамс. Первый писал, что К.Валдемарс «хотел спасти свой народ от двух зол, выбирая из них наименьшее»⁴⁶. Второй признавал, что «русификация для латышей не представляла такой опасности, как германизация, ибо русифицировать народ, стоящий на более высокой ступени культурного и духовного развития, чем сами русские, было нереально»⁴⁷.

Латышский исследователь И.Ронис, комментируя пророссийскую политическую ориентацию младолатышей, пишет, что «политическая платформа младолатышей - полная и неразделимая лояльность империи в надежде посредством реформ, проводимых правительством, добиться всего необходимого для развития народа - с началом волны русификации потерпела полный крах»⁴⁸. Параллельно И. Ронис признавал, что «взгляды младолатышей о политической роли латышско-русских исторических и культурных связей в развитии латышского народа, об ориентации латышей на Россию содержали большой антифеодальный заряд». В то же время историк отмечал, что «если уж что может вызвать восхищение, так это то, что деятели младолатышской национальной культуры все же сумели найти ту трещинку в возводимых германизаторами и русификаторами стенах, чтобы латышский народ смог вообще выжить»⁴⁹.

Другой современный латышский историк Г.Апалс⁵⁰ пишет, что вплоть до 1865 года младолатыши надеялись на поддержку местных немецких либералов в модернизации общества, но ее так и не достигли. Именно этим он объясняет то, что многие младолатыши повернулись к России. В начале же 1880-х годов либеральная часть дворянства в балтийских ландтагах потерпела полное поражение, чем и завершилась дискуссия о принципах реформирования региона. Именно по данной причине, в национальном латышском движении закрепилось направление на ликвидацию автономии Балтии, что могло способствовать усилению латышей и ослаблению нем-

цев⁵¹. Еще один из современных латвийских историков, исследователь младолатышского движения В.Зелче, комментируя наличие пророссийских идей в политической программе латышского национализма, писала, что «Кришьянис Валдемарс всегда выступал за социальный подъем своих соотечественников, ибо только он мог каждому из них дать полноценную жизнь. Потому основной целью деятельности Валдемарса было развитие социальной справедливости в рамках государственного строя и общества своего времени»⁵².

Американский исследователь латышского происхождения А.Плаканс, рассматривая латышско-русские отношения, скептически оценивает тенденции русификаторской политики. В связи с этим он вполне обоснованно считает, что большая часть латышей, а, возможно, и их большинство, русский язык, как необходимую составляющую образования своих детей, и как язык встречающий их в губернских учреждениях, приняло без особого ропота, а местами - и с положительным отношением⁵³. Другой латышский автор, Г.Апалс, признает, что латышское общество русификацию в области языка восприняло без тревоги, а его изучение стало чрезвычайно популярным⁵⁴.

В современной латышской историографии существует мнение и о положительной роли российской ориентации латышского национального движения. Например, В. Шалда отмечает, что пророссийская ориентация младолатышей в конкретных условиях Балтии второй половины XIX века была исторически оправданной. Экономический подъем пореформенной России, настойчивое разрушение феодальных порядков в Балтии, согласно В. Шалде, открывали новые возможности развития для латышей. Административная и культурная русификация несла латышам не только отрицательные, но и положительные последствия. Потенциальная русификация, связанная с активными латышско-русскими контактами, уже не представляла серьезной угрозы национальной идентичности латышей⁵⁵. В связях с русской культурой младолатышские националисты видели возможность усилить свое влияние, получить поддержку российских властей, показав свое лояльное отношение к ним. Все это использовалось ими как один из инструментов для установления более полного контроля над латышским обществом. Латышские националисты приобретали и новые культурные образцы, используя их для конструирования аналогичного и в латвийской культуре. Эти шаги диктовались политической необходимостью. Они предпринимались латышскими националистами ради одного – ради ослабления немецкого влияния, что могло способствовать усилению латышского националистического движения. Это усиление, в свою очередь, было немыслимо без создания латышской национальной культуры, как важнейшего фактора в поддержании латышской национальной идентичности.

Развитие в доктрине латышского национального движения комплекса идей о формировании новой Латвии и о необходимости полномасштабных

политических и экономических реформ было тесно связано с попытками латышских интеллектуалов перестроить латышскую культуру на новых принципах. Эти новые принципы предусматривали то, что она должна быть именно латышской. Такая приверженность ко всему латышскому во все не свидетельствует о консерватизме латышских националистов. Деятельность, направленная на активизацию латышского начала, сочеталась с мощным модернизационным импульсом. Таким образом, латышские интеллектуалы стремились создать новый тип латышской идентичности, который одновременно был бы и латышским национальным, но и соответствовал бы их представлениям о современности.

Созданная ими идеология была одновременно и национальной и модерновой. Если в вопросах идентичности они были националистами, то в сфере экономики выступали нередко с либеральных позиций, что демонстрирует их оппозиционность, как местному немецкому влиянию, так и всей политики Российской Империи, направленной на консервацию сложившихся отношений на территории имперских периферий, которые фактически исключали из политической жизни представителей местных этнических групп. Выступая за создания класса латышей-собственников, латышские националисты стремились укрепить свою опору. Создавая школы, они рассчитывали на подобный эффект. Они понимали, что грамотные, экономически активные, латыши станут их надежной опорой, превратившись в авангард борьбы не только за экономические и политические, но и за национальные права и свободы.

Такая политика вела к конфликту значительного модернизационного потенциала национального движения с традиционными формами политического доминирования. Именно поэтому, в первые годы XX века национальное движение в Латвии пошло по пути постепенной радикализации, поставив впервые вопрос и создании независимой латышской государственности.

¹ Шарова К. Межнациональные отношения и утверждение болгарского национального самосознания / К. Шарова // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 182.

² Valdemārs K. Ceļotājā vēstules / K. Valdemārs // Valdemārs K. Raksti. - Vol. 1 - R., 1936; Valdemārs K. Kā muižnieku kārta Baltijā cēlusies un attīstījusies / K. Valdemārs // Valdemārs K. Raksti. - Vol. 1 - R., 1936; Valdemārs K. Kāds vārds par židiem Baltija / K. Valdemārs // Valdemārs K. Raksti. - Vol. 1 - R., 1936.

³ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - Vol. 1 - R., 1936.

⁴ Birkerts A. Andreja Spāga vēstules Kurzemes skolu tēvam J. K. Volteram / A. Birkerts // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. - 1926. - lpp. 6-24, 119-136.

⁵ Dokumenti par "Pēterburgas Avīzem" // Latvijas vēstures avoti. - Vol. 1. - R., 1937. - 12.lpp.

⁶ Latvijas vēstures avoti. - Vol. 1. - lpp.164.

⁷ Biezbardis K. Herodota skuti / K. Biezbardis // Mājas Viesis. - 1860; ero же: Herodota skuti un mūsu vectēvu cilts stāsti. - 1883.

- ⁸ См. об этом подробнее: Крастынь Я. К вопросу о младолатышском движении. - С. 93; *Latvijas vēstures avoti*. - Vol. 1. - lpp.24.
- ⁹ Цит.по: История Латвийской ССР. - Т.2. - Рига, 1954. - С. 103-104.
- ¹⁰ Цит.по: Trapāns J. Krišjānis Barons: His Life and Times / J. Trapāns // *Linguistics and Poetics of Latvian Folk Songs*. - Toronto, 1989. - P. 21.
- ¹¹ Козин М.И. Латышская деревня... - С. 9, 11.
- ¹² Jura Neikena stāsti, dziesmas un gudrības mācības. Iz Ceļa biedra izlasījis, sastādījis un izdevis. - R., 1870.
- ¹³ Ārons M. Latviešu literāriskā latviešu Draugu Biedrība savā simt gadu darbā / M. Ārons - R., 1929. - lpp.82
- ¹⁴ О епископе М. Вальтере и о попытках онемечивания латышей как подавления латышского движения на начальном этапе его истории см.: Banderevičs A. Notikumi dzimtenē latviešu atmošanas laikmetā / A. Banderevičs. - R., 1925; Bischof Dr. Walter. - Leipzig, 1891.
- ¹⁵ Об этом см.: Сочнев М. Теория познания Каспара Биезбардиса / М. Сочнев // *LPSR ZA Vēstis*. - 1958. - No 10. - lpp. 39 - 44.
- ¹⁶ Bahmanis Kr. Andreja Spāga laikmeta liecinieki / Kr. Bahmanis // *IMM*. - 1929. - No 4.
- ¹⁷ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs - Vol. 2. - R., 1937. - lpp. 266.
- ¹⁸ Страздинь К. О классовой сущности младолатышского движения / К. Страздинь // *Против идеализации младолатышского движения*. - Рига, 1960. - С. 35.
- ¹⁹ Stučka P. Tautību vai šķiru cīņa / P. Stučka // *Atvases*. - 1907. - No 1.
- ²⁰ Цит.по: Libermanis G. Jaunlatvieši. - lpp. 132.
- ²¹ Цит.по: Козин М.И. Латышская деревня в 50-70 годы XIX века. - С. 16.
- ²² Мыльников А.С. Народы Центральной Европы... - С. 125, 162.
- ²³ Allunans J. Kur labi klahjas tur ir manas mahjas // J. Allunans // *Mahjas Weesis*. - 1859. - No 19.
- ²⁴ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - Vol.2. - R., 1937. - lpp.442.
- ²⁵ Kreicbergs J. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru / J. Kreicbergs. - R., 1925. - lpp. 13.
- ²⁶ Zandbergs A. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru. Viņa īsa biogrāfija, idejas, cīņa pret Baltijas muižniekiem un darbu saraksts / A. Zandbergs. - R., 1928. - lpp. 147.
- ²⁷ Turpat. - lpp. 148.
- ²⁸ Kronvalds A. Kopoti raksti / A. Kronvalds. - Vol.2. - R., 1936. - lpp. 5.
- ²⁹ Kronvalds A. Tautiskie centieni / A. Kronvalds // *Kronvalds A. Kopoti raksti*. - Vol.2 - R., 1936.- lpp.36.
- ³⁰ Auseklis Izlase / Auseklis. - R., 1955. - lpp.162.
- ³¹ Auseklis Kopoti raksti / Auseklis. - R., 1923. - lpp.463.
- ³² Alunāns A. Fricis Treilands (Brīvzemnieks) / A. Alunāns // *Ievērojami latvieši*. - Vol. 1. - Jelgavā, 1887.
- ³³ Mahjas Weesis. - 1874. - No 35. – 38.
- ³⁴ Misiņš J. Brīvzemnieka piemiņai / J. Misiņš // Vičs A. Fricis Brīvzemnieks / A. Vičs. - R., 1925.
- ³⁵ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - R., 1937. - lpp. 447, 270 – 271.
- ³⁶ Kreicbergs J. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru / J. Kreicbergs. - R., 1925.
- ³⁷ Русский оригинал: «Нет, Весь я не умру // Душа в заветной Лире // Мой прах переживет и тленье избежит // И буду славен я доколь в подлунном мире // Жив будет хот один пиит!».
- ³⁸ Baltijas Wehstnesis. - 1869. - No 14 – 15; 1872. No 35 – 37, 42 – 43.; Austrums. - 1885. - No 4 – 7, 12; 1887. - No 8; Rihgas lappa. - 1880. - No 42 – 48; Latwietis. - 1884. No 45. – 46; Balss. - 1887. No 49; Rota. - 1887. No 9 – 10.

-
- ³⁹ Baltijas Wehstnesis. - 1880. - No 149 – 157; 165 – 183, 188 – 190.
- ⁴⁰ Brāļu Kaudzīšu raksti. - Vol.6. - R., 1941. - lpp.208; Baltijas Wehstnesis. - 1870. - No 42.
- ⁴¹ Slavenais kazaku vadonis Tarass Buļba / krieviski no N. Gogoļa. Latviski tulkojis F. Brīvzemnieks. - R., 1877.
- ⁴² Balss. - 1879. - No 11.
- ⁴³ Blanks E. Latvju tautiskā kustība / E. Blanks. - R., 1927. - lpp. 149.
- ⁴⁴ Vičs A. Ne leģenda, bet patiesība par Valdemāru / A. Vičs // IMM. - 1932. - No 11. - lpp. 456.
- ⁴⁵ Līgotņu Jēkabs. Krišjānis Valdemārs nāk tautā / Līgotņu Jēkabs. // Jaunākās Ziņas. - 1937. - 16.febr.
- ⁴⁶ Birkerts A. Krišjānis Valdemārs un viņa centieni / A. Birkerts // Kopoti raksti. - Rīga, 1925., Vol. 7. - lpp.275.
- ⁴⁷ Unams Ž. Tautiskās kustības politiskā ideoloģija / Ž. Unams // Burtnieks. - 1932. - No 9. - lpp. 697.
- ⁴⁸ Ronis I. Latvijas valsts izveidošanās vēsturiskie priekšnoteikumi / I. Ronis // LVIŽ. - 1993. - No 3. - lpp. 80.
- ⁴⁹ Ronis I. Latviešu buržuāzijas politiskā pārorientēšanās / I. Ronis // Latvija un Krievija: vēsturiskie un kultūras sakari. - Rīga, 1987. - lpp. 84; LVIŽ. 1993. - No 3. - lpp. 172.
- ⁵⁰ О современной латышской историографии см.: Шалда В. К вопросу о пророссийской ориентации младолатышского движения (вторая половина XIX века) / В. Шалда // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. - VI sējums. - II daļa. - Daugavpils, 2003. - lpp. 62 – 72.
- ⁵¹ Latvija 19. gadsimtā. Vēstures apceres. - R., 2000. - lpp. 437.,452.,462.
- ⁵² Zelče V. Publicistika un politika. Krišjānis Valdemārs un “Moskovskije Vedomosti” 1867. gadā / V. Zelče // Latvijas Arhīvi. - 1996. - No 3 - 4. - lpp. 143.
- ⁵³ Plakans A. Rusifikācijas politika: Latvieši.19.gadsimta 80.gadi / A. Plakans // LVIŽ. - 1996. - No 4. - lpp.73 - 74.
- ⁵⁴ Apals G. Jaunlatviešu kustības raksturojums 19.gs. 50.-60. gados. Disertācijas kopsavilkums / G. Apals // LVIŽ. - 1994. - No 4. - lpp. 192.
- ⁵⁵ Шалда В. К вопросу о пророссийской ориентации младолатышского движения. - lpp. 62. – 72.

III. РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛАТВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОТ ЛАТЫШСКОЙ НАЦИИ К ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ИМПЕРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1900-1910-Е ГГ.

Начало XX века ознаменовано важными изменениями в истории не только латышского национального движения в Латвии, но и в развитии самого региона в составе Российской Империи. Латвия к 1900 году была «сильно индустриализированной и социально расколотовой»¹. Латвия, как считает современный латышский историк Янис Тауренс, представляла собой «современную индустриальную территорию на уровне Запада, форпост индустриального развития и модернизации России»². Советский эстонский историк С. Исаков, комментируя общую ситуацию в прибалтийских провинциях Российской Империи в начале XX столетия, писал: «в конце XIX – начале XX века в жизни Прибалтики происходят существенные изменения, связанные с развитием капитализма, обострением классово-вой борьбы. В новых условиях интенсивно развивается общественно-политическая жизнь латышей, их литература»³. Российская империя оставалась многонациональной страной. Национальные движения, начавшиеся в XIX веке, привели к тому, что история России перестала быть историей исключительно русской. Латвия к началу XX века уже имела, по меньшей мере, полустолетний период истории, ярко окрашенный в национальные цвета. Латыши к началу XX столетия стали уже, по словам современного украинского исследователя Олега Багана, современной нацией с ее уникальной многоуровневой и многофункциональной культурой⁴. При этом национальные проблемы оставались и были далеки от своего решения⁵.

Латвия оставалась многонациональным регионом. «Соединение различных наций в одном государстве есть условие цивилизованной жизни, столь же необходимое как соединение людей в обществе»⁶, - писал английский автор Лорд Актон. Большинство ее населения составляли латыши. Что касается немцев, то их количество было не столь значительным и составляло только 6.9 % населения⁷, но именно они являлись политической и культурной элитой региона. При этом по численности к немцам приблизились латышские евреи, которые к XX веку составляли 7 % всего населения⁸. Численность русского населения в Прибалтике была незначительной. Русские в Прибалтике к 1897 году составляли, например, 4.8 %⁹. При этом сами латыши составляли лишь 1 % от всего населения Российской Империи¹⁰. В Латвии численность латышей составляла 68 % населения¹¹.

Примечательно то, что в начале XX века латыши начинают составлять большинство населения и в городах. В Лиепае латыши составили 38.6 % населения, немцы – 23.9 %, русские – 19.3 %, поляки – 9.3 %, евреи – 8.5 %. Что касается Елгавы, то здесь латыши составили 45.1 % населения, немцы – 27.7 %, русские – 12 %, евреи – 9.1 %, поляки – 2.1 %¹². Центром латышского национального движения стала Рига. Яркую характеристику города периода активного национального движения дал украинский историк Иван Крипьякевич, писавший, что «город просыпался, в просторных зданиях, на ясно освещенных улицах закипела новая жизнь, создавались новые ценности, складывалась интеллигенция - мозг нации»¹³. Именно города, по словам словенского исследователя А. Ленарчика, бывают «главными очагами национальных столкновений»¹⁴. В Риге численность латышей к 1897 году составляла 45 % населения. При этом в Риге немцы, составившие 13 %, уступили свои позиции русским, численность которых равнялась 19 %¹⁵. В целом, среди горожан латыши начали составлять 79.7 % от всех городских жителей¹⁶.

Демографические изменения в Латвии говорят о том, что в регионе шли серьезные политические процессы. Рост собственно латышского населения объективно вел к усилению политической роли латышского национального движения. В свою очередь рост латышей автоматически повлек за собой сокращение немецкого населения, которое теряет свое политическое влияние, постепенно превращаясь в национальное меньшинство. Немецкая «прибалтийская особая жизнь» (*baltisches Sonderleben*) постепенно уходит в прошлое. Свидетельством этого процесса было то, что «мелкие нации и народишки»¹⁷ начинают играть все более значимую роль¹⁸. К 1900 году положение латышей в значительной степени отличалось от их статуса 1860-х и тем более 1800-х годов. Латыши, несмотря на то, что они оставались преимущественно крестьянской общностью, крестьянским народом (*peasant people*), были уже сложившейся, по терминологии А. Ливена, «воображенной нацией». Как нация латыши к 1900 году уже обладали относительно сложившейся национальной культурой, творцами которой была латышская национальная интеллигенция. Обладая национальной культурой, латыши вели национально-интеллектуальную борьбу против балтийских немцев. Вторым врагом национального латышского движения были русские националисты. По мнению А. Ливена, русские националисты относились к латышскому движению с меньшим уважением, чем немцы¹⁹.

К началу XX века дискриминация в Прибалтике, согласно советской историографии, пронизывала все сферы общественной жизни²⁰. Советские авторы считали, что жертвами дискриминации были латыши и другие балтийские народы – литовцы и эстонцы. При этом, если в отношении литовцев, которых ущемляли поляки, советское предположение о дискриминации относительно верно, то в отношении латышей таких однозначных выводов сделать нельзя. Поэтому, степень этнической дискриминации пре-

увеличивать не стоит, так как в Российской Империи, по мнению ряда западных авторов, этнический фактор не имел ведущей роли²¹. В действительности, по словам А. Каппелера, более ста этнических групп были выстроены по иерархии и не обладали равными правами. Что касается латышей, то они, по словам историка, относились именно к этой категории неравноправного населения. Их неравноправие осложнялось и тем, что они угнетались не Российской Империей непосредственно, а балтийскими немцами²². К тому же, дискриминируемые как сообщество, в индивидуальном плане латыши, и другие представители нерусских народов, имели возможности подниматься по социальной лестнице и занимать любые должности²³.

При этом в Латвии уже существовало определенное и немалое количество латышских национальных периодических изданий, которые выходили как в Риге, ставшей центром латышского национального движения, так и в Латгале²⁴ – менее развитом районе Латвии. Латгале была отсталым регионом. Она жила по законам «узкого провинциализма», местные политические, культурные и национальные процессы носили «чисто локальный характер». Примечательно, что на положении Латгале в России находились почти все национальные окраины²⁵. На территории Латгале формировалась «локализованная идентичность»²⁶, была результатом того, что исторически она тяготела к Польше, а потом была включена в состав Витебской губернии. По мнению латышских авторов, отсталость Латгале состоит в существовании в крае архаичной культуры²⁷. Это привело к тому, что Латгале утратила свое прежнее значение, а ее территория была сведена до уровня периферии²⁸. При этом политические процессы в Латгале²⁹, в том числе и развитие национального движения, протекали более медленными темпами.

Территория Латгале в политическом смысле от других латышских районов была, по терминологии Х.-Х. Нольте³⁰, отделена своего рода политическим «провалом» или, по словам Г. Бехера, «обрывом»³¹, так как местное общественное развитие, по Сидни Полларду³² и Герту Цангу³³, в значительной степени было подвержено «провинциализации». Таким образом, Латвия (Курземе, Видземе, Земгале) и Латгале были «дифференцированы в отношении национального движения»³⁴. Но, так как «отсталость периферийных регионов может быть исторически временным явлением»³⁵, в начале XX века общественная национальная жизнь в Латгале постепенно начинает набирать те же темпы, что и в других регионах Латвии. Однако рижские латышские интеллектуалы в начале XX столетия о Латгале все же предпочитали писать в категориях периферии, окраины, провинции и «задворок»³⁶.

К началу XX века национальная идея, безусловно, стала нормой, а «дух оппозиции царскому правительству и российскому абсолютизму ширился и проявлялся в разных формах»³⁷. В Латвии было уже немало ла-

тышских националистов, национальное чувство стало уже достаточно «устойчивым и народным», но, в отличие от ряда других европейских национализмов, оно не эволюционировало в сторону «национальной гордыни и национальной обидчивости»³⁸. Численность националистов по сравнению с более ранним периодом возросла. Если к 1850-м годам исследователь имеет дело лишь с горсткой национальных латышских мыслителей, если к 1880-м годам видных идеологов и теоретиков было не так много (более десяти), то о численности видных идеологов в начале XX века судить сложно. Национальное движение было сильным, оно отличалось своей преимущественно политической и светской направленностью, что выделяло его из национальных движений поляков, литовцев и украинцев, где немалую роль играла Церковь³⁹.

В такой ситуации русификация латышского населения и инородцев вообще, о чем писали многие русские националистически настроенные авторы в начале XX века, была уже просто невозможной. При этом определенное русское воздействие отрицать не следует. В ходе контактов латышей с Россией часть латышей лишилась своей национальной идентичности, став русскими. Процент такого русифицированного населения, скорее всего, был крайне незначительным и его не следует преувеличивать. Хотя в латышской историографии существует другое мнение, разделяемое, например, А. Плакансом, который отмечает, что «русификация в области культуры, которая затронула латышей намного сильнее, чем другие аспекты политики русификации, пыталась подвергнуть своему влиянию поколение латышей, родители которых уже около трех десятилетий жили с идеалами культурной автономии»⁴⁰. Вместе с тем, он вынужден признавать и то, что «все проявления политики русификации затронули латышей слишком поздно, чтобы изменить созданные предыдущими десятилетиями в латышах модели»⁴¹.

Вместе с крахом политики русификации и, ставшим ее результатом, усилением латышского национализма в Латвии стали очевидны тенденции к ослаблению и балтийских немцев. Немецкое сообщество в Латвии к XX веку в значительной степени было уже не тем, как в начале деятельности латышского национального движения. Балтийское немечество к началу XX века «постепенно все более фрагментировалось, плюризировалось и территориализировалось»⁴². Если латышское национальное движение явно переживало период подъема, то балтийское немечество постепенно приходит в упадок. В отличие от латышских националистов, политически ориентированных в будущее, идеалом немецких теоретиков было прошлое. В связи с этим показательна фигура немецкого балтийского автора, пастора А. Биленштейна, который в 1904 году, издал книгу «Счастливая жизнь». На момент выхода «Счастливой жизни» автору было 78 лет и его идеалом была жизнь середины XIX века. «Хорошим было то время, патриархальные

обычаи еще не отошли на задний план, сельские жители были послушны и почтительны»⁴³, - писал А. Биленштейн.

Латышские националистически настроенные авторы продолжали критику немцев и немецкого влияния в Прибалтике, чем продолжали традиции, заложенные во второй половине XIX века младолатышскими теоретиками. В своей критике немцев латышские националисты опирались на идейное наследие Ю. Аллунанса, К. Валдемарса, К. Биезбардиса. Если немцы возникали в качестве героев в произведениях латышских писателей, то они, как правило, были героями отрицательными. Критике немцев со стороны латышей способствовала сама ситуация, которая существовала в Латвии в политической и культурной сфере. Несмотря на то, что латышское национальное движение достигло определенных успехов, латыши в своей массе явно уступали в правах балтийским немцам. При этом в среде латышских националистов в начале XX века наметилась тенденция к взвешенному отношению к немцам и их исторической роли. Например, Янис Эндзелинс в ряде своих работ положительно отзывался о некоторых немецких деятелях, признавая за ними заслуги в изучении немецкого языка⁴⁴. Однако, идеи известного латышского филолога были скорее исключением, нежели правилом.

В начале XX века стало заметно усиление роли латышской национальной интеллигенции. Именно интеллигенция, в особенности учителя и специалисты в области гуманитарных наук, были тесно связаны с национальной культурой и языком. Нередко выступали в роли их создателей. «Ратую за развитие родного языка, литературы на родном языке, разрабатывая национальную историю, развивая национальное искусство, интеллигенция служила общенациональным целям, создавала базу для развития и укрепления национального самосознания»⁴⁵, - писал советский исследователь проблем истории национальных движений В.И. Козлов. Усиление латышского национального движения, формирование особого латышского общества в рамках общества общеимперского, интенсивное развитие культуры и литературы на латышском языке говорит о том, что к началу XX века Российская Империя в значительной степени пересмотрела основы своей национальной политики, отказавшись от русификации и попыток превращения русских в правящую нацию⁴⁶.

В начале XX века произошло не только идеологическое, но и организационное оформление латышского национального движения. При этом латышский национализм раскололся на два течения. Первое течение в рамках латышского национализма было представлено Блауманисом, Ниедрой и другими деятелями латышской культуры и литературы. Они были сторонниками и защитниками старых порядков, заветов и традиционных устоев латышской нации. Второе течение было представлено Янисом Райнисом и Аспазией и придерживалось более демократических (а иногда даже — и социал-демократических⁴⁷) и либеральных националистических идей⁴⁸.

Наиболее благоприятные условия для подъема националистического движения возникают, как правило, в том случае, когда единое общество теряет свою стабильность или, используя терминологию американских исследователей – «находится в состоянии разложения»⁴⁹.

Латышское национальное движение, а тем более его консервативное крыло, в условиях Российской империи XIX века не могло стать подлинной массовой партией, так как институт политических партий в России того времени находился в зачаточном состоянии. Условия для институционализации в данной, партийной и общественной форме, возникли лишь в начале XX века. При этом и латышские национальные партии были чрезвычайно неустойчивы. Именно по данной причине латышское национальное движение действовало под эгидой многочисленных совершенно легальных и что наиболее важно, жизнеспособных, организаций. Появление подобных организаций еще в XIX веке сближает историю латышского национального Возрождения с национальными движениями других европейских, в особенности – славянских, народов. У западных и южных славян в роли этих организаций выступили так называемые матицы⁵⁰. Создание матиц в Латвии не прижилось, хотя существовало общество с похожим названием: «Mamulā» («Мамаша») была одной из националистических латышских организаций. В советской историографии эта организация и ее участники, «мамульниеки» («mamulnieki»), рассматривались как представители «латвийской националистической городской и сельской буржуазии»⁵¹.

Одной из форм организации латышского национального движения было создание обществ. Самым важным в их числе оказалось Рижское латышское общество или РЛО (RLB – Rīgas latviešu biedrība). Оно возникло еще в 1868 году и сделало очень много для развития библиотек, школ, образования и культуры. Период расцвета РЛО приходится на начало XX века. Наибольшую роль в его развитии сыграл Ф. Вейнбергс (1844-1924)⁵², возглавлявший общество с 1871 по 1872 год, но сохранивший свое влияние и в начале XX века. Русский дореволюционный исследователь Ч. Ветринский рассматривая РЛО писал, что оно очень динамично развивалось – «быстро возросло в числе и теперь представляет из себя большое, прочное и очень полезное учреждение», которое состояло тогда из этнографической, издательской, научной и других комиссий, под эгидой которого действовал театр⁵³.

РЛО вполне успешно смогло вписаться в динамику развития политического процесса в Российской империи и не вызывало особого беспокойства у царского чиновничества. Особо РЛО страшило не российские власти, а прибалтийских немцев, которые отзывались о нем не иначе как о «притоне всего беспокойного и немецкого элемента»⁵⁴. Немецкий современник деятельности Общества Транзее-Розенек вообще оценивал его как «националистически-социалистическое движение»⁵⁵. При этом советские

исследователи, принимая во внимание антинемецкий национализм РЛО, все же рассматривали его негативно, называя «цитаделью реакционной идеологии»⁵⁶. Кроме РЛО в России существовали и культурные латышские организации. Периодически в Латвии возникали латышские общества. наличие таких обществ отражено в латышской мемуарной литературе. Например, И. Вацietис писал: «в Гольдингене существовало латышское общество, членами которого, главным образом, состояли народные учителя окружных школ и местная интеллигенция. На заседаниях этого общества нелегально, на свой риск, могли присутствовать и учащиеся ... я сам создал свой кружок и стал издавать рукописную газету «Prāta kule» - «Сумка разума». В этой газете мы помещали статьи всевозможных направлений»⁵⁷.

Параллельно РЛО в 1912 году в Риге было образовано «Латышское этнографическое общество». Его целью было «собирать и издавать материалы, которые бы бросали лучи света на древнюю латышскую историю и показывали неопровержимую истину, что латыши вместе с литовцами и древними прусами (т.н. ветвь балтийских народов) – древний народ, родственник арийским, из которых в течение тысячелетий развивались все прочие народы Европы»⁵⁸. Отличительная черта данных организаций состоит в том, что их характер может быть определен как переходный от научно-просветительского, фольклорно-песенного общества к политической партии. В силу этого в их доктринах, по словам отечественного историка, специалиста по проблеме возникновения партий в Российской Империи, В. Шелохаева «переплетались новейшие рационалистические идеи об общественном прогрессе с архетипами мифического сознания, уходящего своими корнями в глубинные пласты человеческой психики, культуры, быт данного народа, этноса или этнической группы»⁵⁹.

Латышская националистическая традиция смогла проявиться и в ходе первой русской революции. Примечательно то, что российские власти оказались не готовы к активизации национальных движений - таким образом, эта активизация была настолько неожиданной для властей империи, насколько ожидаемой и желаемой активистами этих национальных движений⁶⁰. Латышские националисты предприняли попытку избавиться от немецкого влияния, имели место немецкие погромы, убийства немцев не по социальному, а именно по национальному признаку. По данной причине немецкий балтийский деятель О. фон Шиллинг за каждого убитого немца призывал вешать десять латышей – «десять Калниньшей или Озолиньшей»⁶¹. Особое раздражение у латышских консерваторов вызывали слова М. Гардена, который в своих статьях о латышах иначе как об «обезумевших варварах» не отзывался⁶².

Кроме этого в начале XX века латышские националисты в связи с началом развития латышского парламентаризма получили возможность заявления своих идей и взглядов не только на местном, латышском, уровне, но и на уровне общероссийском. Латышские националисты, наряду с поль-

скими, литовскими, финскими и эстонскими деятелями, нередко становились членами Государственной Думы⁶³. Этот факт в прибалтийской, особенно – эмигрантской, историографии, как правило, оценивается позитивно⁶⁴. Многие депутаты Думы были представителями национальных политических элит и именно в российской Думе они получили первый политический опыт, который использовали и после образования независимых государств. В работе ГД принимали участие К. Озолиньш (от Лифляндской губернии) и Фрицис Трасунс (от Витебской губернии). В I Государственной Думе латышей представляли К. Озолиньш, Чаксте, Ф. Трасунс⁶⁵. Правда, латышские газеты быстро разочаровались в первой ГД и присоединили свой голос к требованиям ее роспуска: «что было бы, если бы думу не разогнали – выпустили бы политических заключенных, отменили бы военное положение и забрали бы у имущих их землю»⁶⁶.

При этом в ГД латышские националисты были менее активны, чем литовские, но более чем эстонские и финские политические деятели. Например, численность литовцев в I, II, III и IV ГД составляла соответственно 10, 8, 5 и 5 депутатов, то латышей только 6, 6, 2 и 2. Что касается эстонцев, то в четырех Думах их численность равнялась 4, 5, 2 и 2. Финны же вообще были представлены лишь во II Думе одним депутатом. В партийном отношении латыши были представлены в меньшей степени чем литовцы: если литовские националисты были представлены Литовской христианско-демократической партией, Демократической партией и Социал-демократической партией (ППС), то латыши только Латышской демократической и латышской конституционно-демократической партией, которые ориентировались в значительной степени на решения задач национального, а не социального движения. Эстонцы имели представителей только Эстонской народной партии⁶⁷.

Важным фактором институционализации латышского национализма явилась Первая русская революция, которая привела, с одной стороны, к легализации политических партий, а, с другой – к появлению в Российской Империи парламентаризма. Советские историки доказывали принадлежность революционных процессов в Прибалтике историческим процессам в России вообще: «национально-освободительное движение эстонского, латышского и литовского народов являлось частью общей революционной борьбы против царизма, помещиков и капиталистов». Советские историки утверждали, что будучи частью первой русской революции, революционные события в Прибалтике, демонстрировали «интернациональное единство народов царской России, создавался единый многонациональный фронт угнетенных народов во главе с русским пролетариатом»⁶⁸. Отличительная черта советской историографии – признание революции как явления исключительно социального, вызванного социально-экономическими причинами. Такая концепция была заложена уже И. Янсонсом-Браунсом⁶⁹ и поддержана П. Стучкой⁷⁰.

При этом в историографии распространено мнение, что в Латвии революция была явлением исключительно местной истории, никак не связанным с первой русской революцией вообще. «С Россией не было ничего общего, революционное движение развивалось лишь на местной почве, революция имела свои причины и цели, свой смысл»⁷¹, - писал, например, немецкий исследователь Х. Дреус. Элементы данного подхода можно найти в работах и других латышских авторов, например, Я. Кродерса⁷². Данную концепцию разделяли А. Бушевицс⁷³ и П. Биркертс, склонный интерпретировать события революции как латышский национальный героизм и мученичество⁷⁴. Однако со временем в латышской историографии, сначала левой⁷⁵, а потом - советской⁷⁶, возобладало мнение о социальном характере революции, где ведущую роль играли не националистические интеллектуалы, а рабочий класс⁷⁷.

Латышские земли были охвачены революционными событиями, но в данном регионе в отличие от собственно русских территорий, имело место соединение социального и национального протеста. Активизация латышей, имевшая место, была скорее национальной, так как именно в первые годы XX века формируется понятие «Латвия» и в латышском обществе начинает дискутироваться вопрос о перспективах создания или автономии или латышского государства. Латышский историк Э. Бланкс, комментируя проблему революции, писал, что «в революции 1905 года принимал участие весь латышский народ, все его слои. В этом движении дружески встретились и наше молодое поколение сельских хозяев, и рабочие, и наша молодая, полная идеализма, интеллигенция. Каждый из этих слоев внес в революционный вихрь свои чувства, идеи и идеалы»⁷⁸. На концепции Э. Бланкса и его современников обрушивалась советская историография. «Буржуазные историки трактовали революцию 1905 – 1907 годов как один из этапов становления буржуазных республик в Прибалтике. Они рассматривали революцию в отрыве от экономических предпосылок, отрицали классовую борьбу и старались свести революцию к борьбе между нациями, они отрицали гегемонию пролетариата и руководящую роль большевистской партии, преувеличивали значение интеллигенции и либералов», - писали советские историки. В целом концепции историков межвоенного периода, которые они продолжали развивать в эмиграции, в советской историографии оценивались как «реакционные» и «лженаучные»⁷⁹.

Нередко в ходе революции, которую в историографии рассматривали как «революцию нерусских против русских»⁸⁰, жертвами латышей становились немцы, в особенности – пасторы, которые, по словам советских историков, занимались лишь тем, что «проповедовали покорность господам»⁸¹. Они, с одной стороны, стали объектами критики; с другой, латыши проводили нападения на немецкие замки и уничтожали имущество немецких землевладельцев. Особенно досталось от латышей пастору Биленштейну. Об отношении латышей к этой видной фигуре балтийского гер-

манства относительно подробно писал Давидс Бейка, автор левых политических убеждений и очевидец событий революции. Бейка описал, как латыши уничтожили имущество пастора Биленштейна: «Какой великолепный костер! Костер не уступает деревенскому пожару. Падают в огонь почетный диплом Биленштейна от "Общества друзей латышей" в роскошном переплете. Текст на старомодном латышском языке и на необычайно дорогой бумаге. Летят в огонь сочинения о "деревянном" языке латышей и об их деревянных постройках, книжки о домашней утвари и хозяйственных орудиях латышей. И огромный фолиант о туесках и деревьях, годных для выделки ложек, летит в самое пламя. Ничего не поделаешь, и книги имеют свою судьбу»⁸².

К началу 1905 года завершается складывание ЛДП (Латышской демократической партии) и ЛКДП (Латышской конституционно-демократической партии). По многим пунктам их идеология была близка к программным требованиям левого течения. ЛДП и ЛКДП требовали автономии Латвии в составе России не просто путем предоставления ей некоторых прав, а через создание новой административной единицы, которая бы объединила в своих границах всех этнических латышей. Это, по мысли идеологов ЛДП и ЛКДП должно было привести к предоставлению латышскому языку особого статуса – он должен был стать языком образования и судопроизводства. Это, в свою очередь, привело бы к лишению немцев привилегий и резкому усилению роли самих латышей. По данной причине ЛДП и ЛКДП, подобно и ранним младолатышам, значительное внимание уделяли критике немцев.

Однако, данные партии были далеко не самыми стабильными политическими образованиями. Именно в силу этого в 1907 году ЛКДП раскололась на ЛПР (Латышскую партию реформ) и ЛНП (Латышскую народную партию). ЛПР и ЛНП продолжили развитие идеологии позднего младолатышского движения в его консервативной форме, в которой постепенно начинают преобладать собственно националистические элементы. Именно по данной причине идеологи ЛПР и ЛНП продолжают критику немцев, сочетая ее с критикой евреев⁸³. При этом к русским ЛПР и ЛНП относились нормально, видя в них гарантию, с одной стороны, от немецкого, а, с другой, и от еврейского засилья. При этом партии были явно младолатышские, так как они продолжали политическую линию К. Валдемарса, которая состояла в неприятии насилия, как метода политической борьбы.

Примечательно то, что ЛНП оценивалась негативно даже современниками. По данной причине ее критику в советской исторической науке не следует рассматривать как изобретение исключительно советской марксистской историографии. Еще при деятельности ЛНП ее политическая доктрина и практика была крайне негативно встречена и описана Р. Петерсонсом. Он интерпретировал ее в частности как силу крайней консервативной

ориентации, которая спекулирует на идее объединения латышей по национальному признаку в новую политическую общность⁸⁴.

Латышские национальные партии, возникшие в начале XX века, оказались неустойчивыми объединениями. Число их сторонников не превышало тысячи человек. Латышские национальные политические деятели нередко предпочитали вести свою деятельность через общероссийские партии, например, через конституционных демократов. Кроме этого ослаблению латышских партий способствовало то, что средний класс был незначителен, отсутствовали глубокие демократические традиции, не существовала сложившаяся система правовых институтов⁸⁵.

В ходе первой русской революции, в особенности в Прибалтике⁸⁶, в идейных установках латышского национализма имели место значительные изменения. Наряду с активным обсуждением собственно национальных проблем, латышские национальные деятели начинают уделять внимание социальным проблемам, что объективно способствовало их выводу из национального лагеря и переходу на левые, социал-демократические, позиции⁸⁷. Латышская газета, выходившая в Санкт-Петербурге, «Pēterburgas Latvietis»⁸⁸ писала, что «крестьяне Прибалтики поднялись против баронов не только потому, что они говорят на разных языках, а потому что те являются политическими угнетателями и эксплуататорами»⁸⁹. Описывая балтийских немцев «Pēterburgas Latvietis», давала им негативные характеристики, рассматривая их как «единый консервативный лагерь»⁹⁰. При этом газета и критиковала русские власти за их попытки русификации Латвии⁹¹.

Во время революции были относительно четко сформулированы требования латышского национального движения. Латышские националисты считали необходимым провести передел земли, лишив земельных владений немецких баронов. Латышские националисты призывали лишить лютеранскую немецкую церковь ее владений и влияния. Латышские националисты проявили себя как сторонники ликвидации органов немецкого самоуправления. Латышские националисты считали нужным ввести обучение на латышском языке. Националисты выступали и за введение латышского языка как языка суда и управления в Латвии⁹². Значительное внимание латышские националисты уделили манифесту 17 октября, считая, что он станет гарантом развития российского, и в перспективе – латышского, парламентаризма. Комментируя содержание манифеста, латышская газета «Mājas Viesis» писала, что «исполнилось то, что ожидал народ, народ стал свободным ... вообще, в манифесте много дано ... теперь все зависит от того каким будет государственный сейм и кого в него выберут ... в руки государственного сейма будет передана судьба России ... ему придется заботиться о дальнейшем моральном и материальном благополучии народа»⁹³. Двумя днями ранее другая латышская газета «Baltijas Wehstnesis» писала, что «достигнута крупная победа, со всей России сняты кандалы, которые ее безжалостно ее давили ... неприкосновенность свободы, лич-

ности, свобода слова, собраний, организаций и совести теперь – достижения России, которые будут беречь представители народа»⁹⁴.

В 1905 – 1907 годах имела место и активизация латышских национальных организаций. Особо активно стало действовать латышское общество «Мамуля», участники которого в латышской историографии известны как мамульниеки. Лидерами мамульниеков были Ф. Вейнбергс, А. Красткалнс, Ф. Гросвалдс, А. Ниедра. Они контролировали «Rīgas Avīze», на страницах которой подвергали критике левое движение и крайности революции. Опасаясь роста левого экстремизма, они пересмотрели националистические идеи и стали указывать на возможность компромисса с немцами. Левые в их глазах были лишь «носителями смуты и беспорядка». Осознав левую опасность, они не призывали к радикальным политическим изменениям, отмечая, что «единственно надежный авторитет – это царский авторитет, его нужно беречь, иначе он рассыплется, авторитет правительства теперь надо укреплять, это теперь самая неотложная необходимость, беспорядки следует подавить сильной рукой и сильной рукой провести требуемые реформы»⁹⁵.

Примечательно, что среди участников революции, которые после ее завершения подвергались преследованиям латыши составили 8.2 %, но заняли первое место по активности участия в политической борьбе⁹⁶. По данным А. Ливена репрессиям подверглось от 900 до двух тысяч латышей⁹⁷. «Под влиянием изменившейся национальной политики ситуация в революционном движении изменилась. Теперь на первое место вышли представители национальных меньшинств, в особенности латыши», - так комментирует эту проблему известный отечественный историк Б.Н. Миرون⁹⁸. При этом в советской историографии при анализе истории революции ее национальное содержание рассматривалось крайне редко, основное внимание исследователей было сосредоточено на социально-экономической стороне проблемы⁹⁹, а попытки более ранних латышских историков раскрыть национальную составляющую процесса рассматривались как фальсификации¹⁰⁰.

Таким образом, в начале XX века в рамках латышского национального движения имели место важные процессы. Оно стало более сильным и влиятельным фактором в политической жизни Латвии. На это влияло то, что латышские националисты уже имели определенный опыт политической деятельности и отстаивания своих национальных интересов. С другой стороны, события Первой русской революции привели к активизации национальных движений большинства народов Российской Империи, в том числе и латышей. Революция дала им возможность более открыто заявлять о своих целях, принимать участие в политической жизни империи в целом.

В такой ситуации, именно события революции создали нового врага для латышского движения, которым стал русский национализм. Если раньше в качестве основного противника латышские деятели рассматрива-

ли национализм немецкий, то после революционных событий к таковому стал относиться и русский национализм. Поэтому, дальнейшее развитие латышского движения было отмечено борьбой не только против немецкого, но и русского влияния. В начале XX века национализм стал, таким образом, более радикальным и сфокусированным на борьбе против режима, направленной на достижение политических целей.

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. - М., 2000. - С. 164.

² Taurēns J. Latvijas vēstures pamatjautājumi. Valsts konstitucionālie principi / J.Taurēns. - R., 2001. - lpp. 74.

³ Исаков С. Сквозь годы и расстояния. С. 210.

⁴ Баган О. Поміж містикою і політикою (Дмитро Донцов на тлі української політичної історії 1-ї половини XX ст.) / О. Баган // Донцов Д. Твори. - Т.1. Геополітичні та ідеологічні праці. - Львів. 2001. - С. 23.

⁵ О национальном вопросе в поздней Российской Империи см.: Conolly V. The Nationalities Question in the Last Phase of Tsarism / V. Conolly // Russia Enters the Twentieth Century / ed. G. Katkov. - London, 1971.

⁶ Актон Л. Принцип национального самоопределения / Л. Актон // Нации и национализм. - М. 2002. - С. 43.

⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 214.

⁸ Skujenieks M. Nacionālais jutājums Latvijā / M.. Skujenieks. - Pēterburga, 1913. - lpp. 205.

⁹ Общий свод данных переписи 1897 года. - СПб., 1905. - Т. 2.

¹⁰ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика этнического состава населения России в эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) / С.И. Брук, В.М. Кабузан // История СССР. - 1980.- № 3.

¹¹ Skujenieks M. Nacionālais jutājums Latvijā. lpp. 205.

¹² Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX – начало 1945 года) / П.Я. Крупников - Рига, 1989. - С. 50.

¹³ Крип'якевич І. Побут / І. Крип'якевич // Історія української культури / ред. І. Крип'якевич. - Київ, 2002. - С. 162.

¹⁴ Ленарчич А. Словения в веках. Рассказ о моем народе / А. Ленарчич. - Любляна – М., 2002. - С. 36.

¹⁵ Apīne I. Latvijas sociāldemokrātija un nacionālais jautājums 1983. – 1917 / I. Apīne - R., 1974. - lpp. 14.

¹⁶ Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union / R.G..Suny. - Stanford, 1993. - P. 56.

¹⁷ В тексте источника – «die kleinen Nationen und Natiönchen».

¹⁸ Seraphim E. Im neuen Jahrhundert. Baltische Rückblicke und Ausblicke / E.Seraphim. - R., 1902.

¹⁹ Lieven A. The Baltic Revolution. P. 17, 25, 50, 109.

²⁰ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике / ред. В. Маамяги. -Таллин, 1981. - С.13.

²¹ Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy: toward the Nationalities / M. Raeff // Soviet Nationalities problems / ed. E. Allworth. - NY - L., 1971. - P. 22 - 42; Starr S.F. tsarist Government: the Imperial Dimension // Soviet Nationality policies and Practices / ed. J.R. Azrael. NY., 1978. - P. 3 - 38; Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as

Imperial Politics / D. Lieven // Journal of Contemporary History. - Vol. 30. - 1995. - P. 607 - 636.

²² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской Империи / А. Каппелер // Россия - Украина: история взаимоотношений / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 125, 129.

²³ О данной особенности внутренней политики в поздней Российской Империи см.: Михутина И. Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны / И. Михутина // Россия - Украина: история взаимоотношений / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 197.

²⁴ О Латгале, ее месте среди латышских территорий и особенностях развития в XIX – начале XX века см.: Brežgo B. Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas (1861 - 1914) / B.Brežgo. - R., 1954; Lacuania – 70. - R., 1999; Rokstu krojums latgaļu drukas aizlīguma atcelšonas 40 gadu atcerei. - Daugavpils, 1944.

²⁵ Донцов Д. Сучасне політичне положення нації і наші завдання (Реферат, виголошений на II Всеукраїнським студентським з'їзді в липні 1913 року у Львові) / Д. Донцов // Донцов Д. Твори. - Т.1. Геополітичні та ідеологічні праці. - Львів. 2001. - С. 72.

²⁶ Kaiser R. Political geography and nationalism in late Imperial Russia. - С. 70.

²⁷ Тайван Л.Л. По Латгалии. - М., 1988. - С. 21.

²⁸ Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии / Х.-Ю. Нитц // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 32.

²⁹ Svenne O. Vecā un jaunā Latgale agrāk un tagad / O.Svenne. - R., 1923.

³⁰ Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 8.

³¹ Becher G. Das Gefälle / G. Becher. - Braunschweig, 1986.

³² Pollard S. Marginal Areas. Do they have a common History / S. Pollard // Towards an International Economic and Social History. - Genf. 1995. - P. 121 – 136.

³³ Provinzialisierung einer Region. Zur Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. G. Zang. - Frankfurt, 1978.

³⁴ Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии. - С. 16.

³⁵ Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии. - С. 23.

³⁶ Дикман К. Уэльс: внутренняя колония или барышник? / К. Дикман // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 74.

³⁷ Полонська-Василенко Н. Істоія України. Т.2. - С. 418.

³⁸ Benda J. La Trahison des clercs / J.Benda. - Paris, 1977. - P. 170.

³⁹ О роли церкви в национальных движениях на примере Украины см.: Ортинський І. Хрищення, хрест та харизма України / І. Ортинський. - Рим - Мюнхен - Фрайбург, 1988.

⁴⁰ Plakans A. Rusifikācijas politika: Latvieši. 1855.-1914.gads / A. Plakans // LVIŽ. - 1996. - No 2. - lpp. 109.

⁴¹ Plakans A. Rusifikācijas politika: Latvieši. 19 gadsimta 80.gadi / A. Plakans // LVIŽ. - 1996. - No 4. - lpp.78.

⁴² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - С. 42.

⁴³ Bielenstein A. Ein glückliches Leben / A.Bielenstein. - R., 1904. - S. 87.

⁴⁴ Эндзелин Я. Отчет о летней командировке 1911 года в Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губернии для изучения латышских говоров / Я. Эндзелин // Записки Императорского Харьковского Университета. - 1912. - Т. II. - С. 7 – 10.

⁴⁵ Козлов В.И. Общее и особенное в формировании молдавской буржуазной нации / В.И. Козлов. // Формирование молдавской буржуазной нации. - Кишинев. 1978. - С. 19.

- ⁴⁶ Миронов В.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / В.Н. Миронов. - Т.1. - СПб., 1999. - С. 34.
- ⁴⁷ Латышские социал демократы были одними из самых организованных в Российской Империи. Однако своей собственной концепции национальных отношений в Латвии ими не было выработано и они нередко следовали в этом направлении на немецкими и австрийскими социал-демократами. О немецко-австрийской социал-демократической концепции решения национального вопроса и развития межнациональных отношений см.: Bauer O. Die Nationalitäten Frage und die Sozialdemokratie / O. Bauer. - Vienna, 1924.
- ⁴⁸ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 132.
- ⁴⁹ Хоффер Э. Истинноверующий. - С. 57.
- ⁵⁰ О деятельности матиц см.: Smičiklas T., Marković F. Matica hrvatska od 1842 do god 1892 / T. Smičiklas, F. Marković. - Zagreb, 1892.
- ⁵¹ Ripa J. IV Valsts Domes vēlēšanu kampaņa Latvijā / J. Ripa // Zinātniskie raksti. - 40. sējums. Vēstures zinātnes. 3. izlaidums. - R. 1961. - lpp. 130.
- ⁵² Ārons M. Fridrihs Veinbergs savā mūža darbā un savās idejās / M. Ārons. - R., 1932.
- ⁵³ Ветринский Ч. Среди латышей. - С. 34 – 35.
- ⁵⁴ Цит.по: Козин М.И. Младолатыши и крестьянское движение. - С.165.
- ⁵⁵ Die Lettische Revolution. - Berlin, Bd. 1. 1907. - S. 42.
- ⁵⁶ Гудрике Б. Начальный период латышской национальной литературы / Б. Гудрике // История латышской литературы. - Т.1. - С.51.
- ⁵⁷ Вацietis И.И. Моя жизнь и воспоминания / И.И. Вацietis // Даугава. - 1980. - № 3. - С. 86.
- ⁵⁸ Saivars J. Kā atbildēt dievturēm / J. Saivars // Mantojums. - 1997. - No 1. - lpp. 54.
- ⁵⁹ История национальных политических партий России. - М. 1997. - С. 7.
- ⁶⁰ Баган О. Поміж містикою і політикою (Дмитро Донцов на тлі української політичної історії 1-ї половини XX ст.). - С. 23.
- ⁶¹ Schilling O. Randglossen zur "roten" Woche in Jena / O. Schilling // Duna Zeitung. - 1905. - No 210.
- ⁶² Die Zukunft. - 1906. - Ht. 14; Die Zukunft. - 1906. - Ht. 22.
- ⁶³ Исхакова О.А. Политические партии и Дума / О.А. Исхакова // История национальных политических партий России. - С. 330 – 334.
- ⁶⁴ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. - P. 8.
- ⁶⁵ Козбаненко В.А. Партийный фракции в I и II Государственных Думах России (1906 – 1907): организационно-правовой аспект / В.А. Козбаненко // История национальных политических партий России. - С. 392.
- ⁶⁶ Rīgas Avīze. - 1906. - 11.junijs.
- ⁶⁷ Циунчук Р.А. Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма / Р.А. Циунчук // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. - М., 1997. - С. 85, 87, 91, 97.
- ⁶⁸ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С. 14, 91.
- ⁶⁹ Янсон-Браун И. Латвия в первой половине 1905 года / И. Янсон-Браун // Пролетарская революция. - 1922. - № 12; Янсон-Браун И. Революция 1905 года в Прибалтике / И. Янсон-Браун. - М., 1924; Jansons J. Baltijas revolūcija / J. Jansons. - Briselē, 1912.
- ⁷⁰ Stučka P. 1905.gads Latvija / P. Stučka. - Maskavā, 1926.
- ⁷¹ Drews H. Die lettische Revolution und das Baltentum / H. Drews. - Riga, 1927. - S. 57.
- ⁷² Kroders J. Kā izauga Baltijas revolūcija / J. Kroders. - R., 1908.

- ⁷³ Buševics A. Kā teorijā un praksē veidojās tautas pašvaldības ideja 1905.g. revolūcija / A. Buševics // *Domas*. - 1931. - No 8.
- ⁷⁴ Birkerts P. Mūsu revolūcijas varoņi un mocekļi / P. Birkerts. - R., 1928.
- ⁷⁵ Landers K. 1905.gada priekšvakarā / K. Landers. - M., 1925.
- ⁷⁶ Puļķis A. 1905.gada revolūcija Latvija / A. Puļķis. - R., 1975.
- ⁷⁷ Крастынь Я. Ведущая роль промышленного пролетариата Латвии в революции 1905 - 1907 гг / Я. Крастынь // *LPSR ZA Vēstis*. - 1974. - No 12.
- ⁷⁸ Blanks E. 1905.gada revolūcija / E. Blanks. - R., 1930. - lpp. 14.
- ⁷⁹ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С.5.
- ⁸⁰ Seton-Watson H. Nations and States / H. Seton-Watson. - Boulder, 1977. - P. 87.
- ⁸¹ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С.13.
- ⁸² Там же. - С. 35 – 36.
- ⁸³ Постников Н. Политические партии Прибалтики / Н. Постников // История национальных политических партий России. - С. 186 – 188.
- ⁸⁴ Петерсон Р. Латыши / Р. Петерсон // Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. - СПб., 1910. - С. 411.
- ⁸⁵ Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России. - С. 22.
- ⁸⁶ О революции на территории Прибалтики см.: Łossowski P. Rewolucija 1905 w guberniach nadbał tyckich / P. Łossowski // *Studia z dziejow ZSSR i Europy Srodkowej*. - 1966. - T. 2.
- ⁸⁷ Обращение к национальной проблематике было общей для европейских социал-демократов в начале XX века. См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 52 - 120.
- ⁸⁸ Зелмане И. «Pēterburgas Latvietis» в идеологической борьбе с остзейским дворянством в конце 1905 года / И. Зелмане // *Германия и Прибалтика*. - Вып. 3. - Рига, 1974. - С. 67 – 78.
- ⁸⁹ Pēterburgas Latvietis. - 1905. - No 7.
- ⁹⁰ Pēterburgas Latvietis. - 1905. - No 9.
- ⁹¹ Pēterburgas Latvietis. - 1905. - No 9.
- ⁹² Крастынь Я.П. Революция 1905 – 1907 годов в Латвии. - С. 64.
- ⁹³ Mahjas Weesis. - 21.oktobr. - 1905.
- ⁹⁴ Baltijas Wehstnesis. - 19. oktobr. - 1905.
- ⁹⁵ Rīgas Avīze. - 11. oktobr. - 1905.
- ⁹⁶ Хазиахметов Э.Н. Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917 гг. Облик, организации и революционные связи / Э.Н. Хазиахметов. - Томск, 1978.
- ⁹⁷ Lieven A. The Baltic Revolution. - P. 51.
- ⁹⁸ Миронов В.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). - С. 43.
- ⁹⁹ См. напр.: Krastiņš J. 1905.gada revolūcija Latvijā / J. Krastiņš. - R., 1950.
- ¹⁰⁰ Krastiņš J. Latvijas buržuāzijas kontrevolucionārā loma 1905. gada revolūcijā un revolūcijas vēstures viltošana / J. Krastiņš // *Buržuāziskie nacionālisti – vēstures viltotāji*. - R., 1952. - lpp. 81. – 92.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ «ОТКРЫВАЕТ» ЛАТВИЮ: ЛАТЫШСКО-РУССКАЯ ПОЛЕМИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Такая активизация латышского национализма в период первой русской революции привела к ответной реакции и в немецкой среде¹. Революция стала важнейшим фактором в активизации межнациональной полемики. Газеты Германии были полны возмущения и начали критику против латышского национального движения. «Латышей надо видеть такими, какими они есть, то есть врагами и в борьбе с ними надо сплотить ряды»², - писала крайне правая немецкая газета «Kreuzzeitung». Немецкие балтийские газеты писали почти в таком же тоне, называя латышских националистов, участников революционных событий, малообразованными выскочками³. Некоторые немецкие деятели вообще обвиняли своих политических оппонентов, латышских националистов, в реакционности. М. фон Сиверс характеризовал Фр. Гросвалдса таким образом: «я полагал, что предыдущий оратор – либерал. Оказывается он даже не консерватор, он просто-напросто – реакционер»⁴.

С другой стороны, среди балтийских немцев стали звучать голоса, которые призывали пересмотреть свою политику, найти истоки такой анти-немецкой активности латышей⁵. Немецкие авторы стали писать о кризисе немецкой общности в Латвии, а растущей ассимиляции немцев латышами и русскими. Немецкие теоретики, характеризуя ситуацию, употребляли термин «Entdeutschung»⁶, то есть «разнемечивание». Немецкий историк с латышскими корнями Астаф фон Транзее-Розенек⁷, которого, советская историография считала реакционером⁸, объяснял антинемецкий террор латышей во многом рационально, связывая его с «расистским высокомерием по отношению к латышам, семисотлетним правлением и непризнанием опасности со стороны латышей»⁹.

Другой немецкий автор Э. Мензенкампф считал, что немцы просто были не подготовлены к возможности латышского террора, так как они не смогли «проникнуть в сердце латышского народа и увидеть то, что скрыто у него в голове»¹⁰. А. Вииниг отмечал, что немецкое общество в Латвии не заметило, как возник его опасный противник: «из среды латышского батрацкого народа выдвинулся очень активный в торгово-промышленном отношении верхушечный слой, из которого вышла буржуазная интеллигенция»¹¹. Х. Древис предпосылки латышской революционной активизации искал в изменении мировоззрения латышей, которые перестали считать существующий в Латвии порядок «угодным богу»¹². Еще один немецкий автор, В. Ленц, после 1945 года проживавший в ФРГ, указывает на то, что события революции были самым сильным ударом, нанесенным по немецкому балтийскому дворянству на протяжении всей его истории: «впервые после продолжительного мирного периода под угрозу были поставлены сами основы господства прибалтийского дворянства»¹³. Подобные оценки,

разумеется, вызывали негативную реакцию со стороны советских латвийских историков¹⁴.

Особенно четко немецкая позиция в отношении революции просматривается в работе А. Транзее-Розенека «Латышская революция», изданная в Германии в 1906 и 1907 годах. Даже немецкие авторы признают политический характер работы Транзее-Розенека, отмечая, что та была написана по заказу Лифляндского рыцарства и является политическим сочинением¹⁵. Латышский советский историк П.Я. Крупников, которого трудно обвинить в наличии антинемецких идей, что было характерно для многих советских историков, называет книгу Розенека реакционной¹⁶. Современники Транзее-Розенека считали, что в книге представлено «беспристрастное и правдивое мнение о революции»¹⁷.

Что касается Транзее-Розенека, то он не считал, что революция стала результатом предыдущего развития Латвии. Она, по его мнению, случайна. Начало революции, ее истоки он связывает с деятельностью идеологов младолатышского движения, самостоятельность которого им так же отрицалось. Оно рассматривалось им как «побочный продукт политики русификации», как результат того, что не все латыши были согласны на германизацию и не переходили «из низшей в более высокую культуру»¹⁸. Транзее-Розенек, рассматривая события революции, отмечал, что в ее ходе «разраза республиканских взглядов охватила все национальности»¹⁹. Немецкий историк отрицал национальные причины революции, им не признавалось то, что на протяжении столетий латыши были угнетенным неполноправным народом. Описывая совместное существование немцев и латышей, Транзее-Розенек отмечал, что «даже при самом злонамеренном толковании не может быть и речи об угнетении немцами латышей – значит, национальный момент в младолатышском движении является лишь красивой маской, под которой скрываются материальные инстинкты»²⁰.

Наряду с немецкой на активизацию латышей обратила внимание и русская общественность. Если в середине XIX века в российском обществе могли звучать голоса о том, что сохранение местной автономии, ранее считавшееся способом привязать окраины к центру, может стать базой для антиимперских движений²¹, то после событий 1905 - 1907 годов, российское общество стало более радикально в своих националистических устремлениях. Примечательно то, что русские националисты²², подобно немецким националистам и консерваторам, не находили хороших слов о латышах и латышском национальном движении²³. Если в немецкой прессе господствовала оценка с позиций германского национализма, то российская печать освещала эти события так же националистично, не скрывая своей ненависти к инородцам, задаваясь вопросом, стоит ли России отдавать им «свои окраины»²⁴ и к каким негативным последствиям эта активизация нерусского населения может привести. Не желая отдавать окраины местному латышскому населению, русские националисты были согласны даже на его

германизацию или выселению в Россию, что было равносильно русификации²⁵.

Одним из наиболее активных теоретиков русского национализма, критиковавшим национальную активизацию нерусских народов, в том числе, и латышей, был М.О. Меньшиков. Примечательно то, что современная крайне правая историография признает это качество политических воззрений Меньшикова. Как «безусловного националиста»²⁶ характеризует его современный российский автор М. Смолин - ярый апологет русского национализма, сторонник радикальной русификации всех нерусских народов. Меньшиков рассматривал Россию, как Российскую Империю, «царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам». Рассматривая победу администрации над революционным движением в национальных окраинах, он писал, что «мало победить врага - надо довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения нерусских элементов в русские»²⁷. При этом он считал, что опасность, исходящая от нерусских народов, не уничтожена окончательно, так как «инородцы вносят множество опасностей социальных»²⁸.

Вместе с тем Меньшиков выступил с критикой участия деятелей национальных движений в работе Государственной Думы. Это критика Меньшикова относилась и к латышам, национальное движение которых он не принимал, рассматривая его как политически опасное и вредное: «сейчас за поляками выделились в парламенте татары, одновременно с татарами возникли группы армян и латышей, возникло смехотворнейшее украинское коло ... вслед за хохлами выделились так называемые белорусы»²⁹. Комментируя отношение латышей к России, Меньшиков обозначал его как «воспаленную ненависть»³⁰. Рассматривая события революции 1905 - 1907 годов, имевшие отношение к Латвии, Меньшиков интерпретировал ее как бунт непокорных инородцев, направленный против Российской Империи. По данной причине, он положительно относился к репрессиям против национальных движений. Однако, преследования он считал недостаточными: «зараза инородческого разложения этим уменьшена, но не выброшена во все». Меньшиков считал, что «на малое время присмирели, но потом вновь начнут свое разрушительное дело». Примером такой ситуации он считал «латышскую, охваченную бунтом окраину», где складывается «инородческая коалиция, которая будет вредить России». Развивая свою идею о слишком мягкой политике в отношении латышей, Меньшиков считал ошибкой оставлять за латышским населением его права. «Я нахожу такое отношение к инородцам глубокой ошибкой»³¹, - писал Меньшиков.

При этом он был и противником предоставления нерусским, в том числе и латышам, занимать официальные посты: «мы восстаем против заполнения ими важнейших государственных позиций»³². В этом Меньшиков видел угрозу того, что «государственная и общественная власть посте-

пенно сделаются инородческими»³³. Меньшиков считал невозможным то, что в перспективе русские начнут делить управление Империей с нерусскими народами. В этом он видел истоки возможного кризиса и распада Российской Империи: «Россия перестанет царствовать, она превратится в попечительство для инородцев»³⁴. Опасаясь усиления нерусских, Меньшиков критиковал либералов, готовых, по его словам, «натаскать в Россию латышей и сдать им постепенно все государственные и общественные позиции»³⁵. Таковую ситуацию Меньшиков оценивал как «буйный напор чуждых народностей» и «бюрократии, обильно разбавленной инородчиной»³⁶.

Меньшиков считал, что сохранение национальной идентичности нерусскими, в том числе и латышами, опасно: «в самые роковые моменты, когда должен заговорить дух расы, у инородцев едва ли проснется русский дух»³⁷. Развивая этот свой тезис, Меньшиков отмечал: «душа инородцев останется иностранной, вводя с собою иноземное равнодушие к России и презрение к ней»³⁸. Комментируя необходимость подавления национального движения, в том числе и латышского, Меньшиков отмечал, что «коренному русскому племени вовсе не все равно, остаться ли наверху, или очутиться внизу»³⁹. К своим оппонентам Меньшиков относился без уважения, называя их критику - «гнусными статьями в инородческой печати»⁴⁰. Поэтому, русификация - политический идеал М. Меньшикова.

Меньшиков выступал за проведение репрессивной антилатышской политики, за их конечную ассимиляцию, за уничтожение латышского языка и национальной культуры. Меньшиков призывал власти ассимилировать все нерусские нации. Ассимиляционную задачу он считал «вовсе не такой трудной для твердой государственной политики». Он призывал «залить крохотные по населению окраины волной русской эмиграции». Меньшиков считал, что несколько миллионов нерусских («в самом деле, что такое миллион финнов, три миллиона поляков») надо вынудить забыть их культуры и языки, начав говорить исключительно по-русски. Несмотря на все ассимиляционные процессы, Меньшиков был вынужден признать, что «ему поддаются не все в одинаковой степени». Будучи националистом, Меньшиков с горечью писал, что «огромное большинство инородцев осталось той же психологической природы, которой они были»⁴¹.

При этом, политику русификации Меньшиков считал совершенно оправданной и необходимой. Необходимость уничтожения культур нерусских народов он объяснял их психологической неполноценностью. Таким образом, он отрицал право нерусских на свободное развитие в культурной и политической сфере. По этому поводу Меньшиков писал: «более талантливые и предприимчивые роды захватили речные пути, удобные для сообщения и торговли, сравнительно слабые и тупые племена были оттеснены в леса и болота - в глуши последних они пребывали и дичали в стадии вырождения»⁴². Современная российская историография, рассматривая концепции М. Меньшикова и комментируя их, несмотря на признание их

националистического содержания, все же считает их политически безвредными и даже полезными. Например, М. Смолин утверждает, что национализм Меньшикова - «национализм не агрессивный, не национализм захвата и насилия». Смолин утверждает, что Меньшиков «не собирался никого уничтожать». Замечания о нетерпимости, присущей его идеям, он считает искажением «различных недоброжелателей»⁴³.

С М.Меньшиковым солидарен и А.А. Башмаков. Видя в инородцах и их национальных движениях истоки смуты, он призывал к подавлению всех национальных, в том числе и латышского, движений. Его идеал - господство русских над нерусскими. «Государственный наш быт сложен русскими, а потому он должен черпать силу из того же начала, оставаясь русским, и устраняя все течения, которые ведут к его разложению»⁴⁴, - писал он. В отличие от Меньшикова, Башмаков имел к Балтийскому региону непосредственное отношение. Еще в конце 80-х годов XIX века он принимал участие в проведении там судебной реформы. Скорее всего, Башмаков содействовал и политике русификации, приверженцем которой был Александр III. Русификаторские устремления властей он интерпретировал как «уравновешивание общественного устройства на окраинах»⁴⁵. Современные апологеты Башмакова отрицают его роль в русификации, которую они рассматривают как «освободительную политику в отношении местного населения»⁴⁶.

В 1900-е годы Башмаков продолжил развивать свои националистические идеи. Как и М. Меньшиков он считал, что русские должны господствовать над нерусскими инородцами: «государственный наш строй сложен русскими, он должен черпать свою завтрашнюю силу из этого начала». Что касается латышей и всех прочих инородцев, Башмаков выступал за их русификацию: «надо устранить все течения, которые ведут к разложению народности»⁴⁷. Башмаков считал, что нерусские народы должны быть лишены своих языков и культур: «надо содействовать тому, чтобы житель Закавказья, Самарканда или с берегов Амура будет считать себя таким же русским, как житель Костромы»⁴⁸. Латыши для Башмакова - один из многочисленных «элементов, не поддающийся русификации»⁴⁹.

Еще один критик национальных движений нерусских народов, В.Д. Катков, писал, что их усиление ведет к «полному одичанию населения, разложению государства, междоусобной борьбе, потокам крови, гибели родины под иноземным игом»⁵⁰. Подобно другим русским националистам того времени он считал, что именно русские должны господствовать над нерусскими в Империи: «ядром государства является русская национальность, опорой и силой государства является русский народ»⁵¹. При создании своих теорий он исходил из того, что народы Российской Империи изначально наделены различными правами: «если на инородце лежит долг лояльности, то на русском лежит обязанность хранить заветы прошлого, славу и честь Родины, беречь ее будущность, как целого. Общие и высшие

интересы страны лежат на попечении русского народа в тесном смысле. А на ком лежат большие обязанности, тот и должен пользоваться большими правами»⁵². Такой подход автоматически исключал латышей из потенциального участия в управлении государством, даже в отдаленной перспективе.

Больше всех в критике национальных движений в духе русского национализма преуспел В. Розанов, который считал, что национальные движения, в том числе и латышское, ведут к обострению политической ситуации в России: «неизменное и древнее русское ядро со всех сторон “обложено окраинами” и “окраинный вопрос” в России есть один из самых темных и неясных, он труден для правительства, мучителен для населения. Не знают, как поступить русские, закинутые службой на окраину»⁵³. Если в работах других русских националистов, латышское движение представлено крайне фрагментарно, то В. Розанов писал по данной проблеме более подробно. Сама Латвия рассматривалась им как «немецко-латышский» край, в котором русская администрация вынуждена вести постоянную борьбу против пангерманизма⁵⁴. Самых латышей он рассматривал как «неславянское инородческое население»⁵⁵.

Рассматривая Прибалтику вообще и Латвию в особенности, Розанов считал, что эти территории неполноценны в политическом плане. Как и другие русские националисты Розанов отрицал то, что когда-то латыши смогут создать свое независимое государство. Розанов в связи с этим писал, что «окраины будут жить, переплетаясь с ходом дел всей империи и никогда не переходя за черту второсортных и третьесортных значительностей ... Балтика имеет вид какой-то обиженной барышни, капризной и недовольной, которая кричит или хмуриться, смотря по времени и удобству на Россию как на прислугу, страну варварскую, грубую и необразованную»⁵⁶. Более того, Розанов отрицает способность латышей на независимое политическое существование, оставляя за ними право на «этнографическое существование». «Никакого отдельного административного существования они иметь не могут»⁵⁷, - писал Розанов. При этом он считал, что желание латышей иметь автономию опасно, так как со временем оно может перерасти в сепаратизм⁵⁸.

Будучи убежденным противником национальных движений латышей, украинцев, поляков, белорусов, Розанов, вместе с тем, оказался и истым германофилом. Если о латышах он писал крайне негативно, то о немцах отзывался позитивно. Рассматривая немецкое население в Прибалтике, его политическую роль, Розанов писал, что «немцы, и в частности балтийские немцы, всегда были отличными русскими служаками ... они уважали и уважают русское государство, они невраждебны русскому правительству, только никак не могут хорошо выучиться говорить по-русски ... русские в высшей степени серьезно относятся к этому этнографическому материалу,

уважают балтийскую окраину, верят немецкому слову и немецкому делу»⁵⁹.

Из такого отношения к нерусским вытекает и все отношение Розанова к окраинам вообще, которое можно оценить как неуважительное и нетерпимое. Рассматривая окраины, Розанов проявил себя как теоретик колониализма. Окраины представляли для него интерес как сырьевая база. При этом, согласно Розанову, их использование должно соответствовать исключительно интересам России, точнее правящей государственной бюрократии и администрации. Розанов считает, что Россия должна жить за счет окраин: «подавайте весь русский талант во внутреннюю Россию, а окраинам - уж то, что останется ... окраины пусть посидят и подождут, не “разбегутся” они»⁶⁰. О национальном латышском движении Розанов писал с плохо скрываемым раздражением: «простая семейная трудность с детишками и отдаленная мечта своего возрождения - подпирая друг друга безмолвно - образуют “инородческое движение” в России ... движения эти центробежные, от центра к периферии направленные; и в последней надежде, имеющие мысль разорвать “солнечную систему” ... и, оторвавшись от России, полететь в даль, в “новые союзы и комбинации”»⁶¹.

Как уже было отмечено, В. Розанов особое внимание уделял критике именно латышского национального движения. «Что такое были латыши между Россией и Германией? Они просто погасли бы и только. Наивно думать, что у них явился бы Шиллер. Шиллер есть плод культуры и веков, и есть нации у которых даже после веков культуры Шиллера не появилось ... В вечных спорах и конечно “борьбе партий”, латыши погасли бы до такой ужасной никому невидности и не для кого интересности, что об этом даже страшно подумать ... латыши очень скоро снизошли бы до существования курдов, “персюков”, басков на Пиренеях ... в сущности они косно лежали бы камнем, пока их кто-нибудь не поднял и не взял с земли»⁶², - писал В. Розанов. Из этой мысли вытекала и другая - латыши не могут создать государства, они просто не имеют права на государственную независимость, будучи неполноценным народом с неполноценной культурой: «все малое должно принадлежать системе ... это сказал Бог ... так передается в истории миротворения ... Шиллера не будет. Будет несколько адвокатов и несколько отвратительных врачей ... и Веллингтона и Кутузова у латышей не будет: будет много воров и разбойников»⁶³.

При этом все достижения латышского национального движения он успехами не считал. Они для него - результат культуртрегерской миссии чужих народов. В данном случае Розанов был готов разделить эти заслуги с балтийскими немцами. Основное же он, как русский националист, приписывал России: «и врачи, и адвокаты, и исправники, и порядок по городам существует у латышей, армян и чухон, благодаря связям с Россией и вследствие этой связи, даже если она враждебная и болезненная. Пусть они ненавидят Россию: но именно вследствие этой ненависти они объединены,

слиты в одно, дышат одним духом, и хорохорясь против России - имеют туземный патриотизм»⁶⁴.

Именно этот «туземный патриотизм» так страшил В. Розанова. В его развитии он видел угрозы для дальнейшего господства России в Балтийском регионе. В качестве лучшего метода борьбы с этой угрозой он считал русификацию, которую называл «смертью латыша». Розанов считал, что русификация будет для латышей полезной. В отказе от латышского языка он не видел ничего опасного. Таким образом Розанов выступает как националист и сторонник последовательной интеграции нерусских народов в общеимперский контекст через их ассимиляцию. Отсюда - его скептическое и взвешенное отношение к первым успехам латышской литературы⁶⁵.

Поэтому, согласно Розанову, в случае отделения латышей от России и создания независимой Латвии, ее не ожидают положительные перспективы: «для оторвавшихся от России нет вообще никакого пути, кроме вырождения и духовной смерти»⁶⁶. Розанов писал, что «оторвавшись от России, от университетов, от литературы, от связи с ее прошлым, инородцы полетят в дикость ... и эта “латышская цивилизация” будет только сумбур, отвратительнейший для человечества. Этого просто не надо от того, что это просто дурно. Дурного вообще не надо ... инородцы никогда славы не получат, ибо Россия есть их отечество, и иного пути, чем каинство, для них не лежит ... Россия есть подлинное наше отечество, латышское чухонское, немецкое, польское, армянское, грузинское, татарское»⁶⁷.

При этом Розанов особое внимание уделяет успехам русификации латышей. Эти успехи мнимые, нежели реальные. Розанов, как националист, выдает желаемое за действительное. Он выпячивал отдельные случаи разрыва отдельных латышей с латышской нацией и латышской культурой. Не понимая, что это исключение, Розанов выдавал эти досадные казусы за правило: «очень много я получил писем от инородцев ... писали латыши ... я рад, что все письма написаны без вражды к русской народности и даже признают необходимость слияния ... я хотел бы, чтобы инородцы шли к нам с мыслью стать русскими и только русскими ... и русский народ ... может принять это море чужих вод, может дать отзвуки вариации на все инородческие звуки и тоны». Особо Розанов цитировал письмо одного латыша, о том, что тот стал русским и в Латвию не вернется⁶⁸.

Таким образом, описывая современное (на начало XX века) состояние в котором пребывало латышское общество, Розанов проявил себя как защитник территориального и политического единства Российской Империи. Он, наоборот, отрицал успехи, достигнутые в результате развития национального движения, относясь к латышам негативно, как к одному из инородческих племен. Он считал, что латыши - отсталая и неполноценная нация, неспособная на культурное развитие. Культуру латышей он воспринимал как примитивную имитацию различных элементов культур соседних народов, в особенности - немцев. Рассматривая возможное независи-

мое развитие латышей, Розанов считал, что в этом случае они владели бы жалкое существование, будучи не в состоянии построить не только культуру, но и государственность. Украинская исследовательница Н. Полонська-Василенко определяла установки русской прессы по национальному вопросу как «резко шовинистическую платформу»⁶⁹. Однако, позднее точка зрения о силе и опасности русского национализма была пересмотрена. Ряд западных историков считает, что влияние русского национализма на политическую жизнь было преувеличено его политическими противниками. Например, Пол Бушкович считает, что русские националисты явно отставали от националистов Запада⁷⁰. Джеффри Брукс интерпретирует русскую литературу как более толерантную к инородцам, чем литературы европейских стран⁷¹. При этом немало западных авторов совершенно объективно указывают на то, что такой подход является слишком мягким. Например, Марк фон Хаген отмечает, что внутренняя политика самодержавия объективно ущемляла или игнорировала интересы нерусских народов⁷².

Примечательно то, что советская историография, не рассматривала революцию в Латвии и последовавшие за ней политические дискуссии как проявления национального движения и, тем более, как национальную революцию. Это в корне отличает ее от западной исторической науки, где события революции в Латвии, «политизированной нерусской периферии», рассматривались как «весна народов»⁷³. Советская историография в революции 1905 – 1907 годов видели лишь социальные составляющие. Роль националистов, в русле данной концепции, оценивалась крайне негативно. Советские историки утверждали, что национальные деятели стремились сохранить царизм и «пойти с ним на сделку за счет коренных интересов трудящихся»⁷⁴.

Революция 1905 – 1907 годов и, последовавшая за ней немецко-латышская и русско-латышская полемика, показала, что латыши были не просто сообществом с общими чувствами генеалогического происхождения и географического единства. Она доказала, что латыши были сообществом, «смотрящим в будущее»⁷⁵, то есть ожидавшим изменений, как в политическом, так и административном плане. Несмотря на крайне скромные результаты революции, национальные проблемы слали более заметным явлением в жизни России⁷⁶. Революция сыграла значительную роль в развитии национализма Латвии, она оказала влияние и на все национальные движения в Прибалтийском регионе. Значение первой русской революции было очевидно и для участников национальных движений, которые нередко оценивали ее результаты позитивно. Дмытро Донцов, один из идеологов украинского национального движения, отмечал, что именно активизации национальных движений «уменьшили силу и размах российской экспансии». При этом, рассматривая националистическую русскую реакцию, Д. Донцов констатировал, что этой реакцией Россия поставила националистов

нерусских народов перед выбором «или национальная смерть, или национальная борьба»⁷⁷. Национальные движения, как известно, выбрали второе. Советские историки при этом нередко были склонны преувеличивать прогрессивное значение первой российской революции для прибалтийских народов, как балтских, так и угро-финских. Советские авторы (Е. Ошеров, Л. Суни) отмечали, что революция спасла Прибалтику от «разгрома николаевским самодержавием»⁷⁸, то есть русификации и унификации с остальной, то есть русской, частью Российской Империи. Вместе с тем, она стала залогом последующей активизации латышской национальной буржуазии⁷⁹ и латышских националистически мыслящих интеллектуалов. Таким образом, революция стала гарантом дальнейшего развития Латвии, усиления латышского национального движения.

Начало XX века стало принципиально важным этапом в истории латышского национального движения. Важнейшие идейные изменения совпали с политическими процессами - революционными событиями и образованием латышских политических партий. Под их влиянием в идеологии латышского национализма стали просматриваться новые веяния. Идеологическим переменам способствовало усиление латышской буржуазии в экономической, а интеллигенции - в политической сфере. Период отмечен не только тенденцией к институционализации национализма, что проявилось в создании латышских политических партий, но и важными изменениями идеологического плана. Политические идеи начала XX века принципиально отличны от более ранних национальных концепций. Если раньше в национальной доктрине важнейшее место принадлежало идее сохранения как нации, вопросам формирования и поддержания национальной идентичности, то в первые годы XX века эти проблемы уже не были столь принципиально важны.

Перед латышским национальным движением встали новые политические задачи, требовавшие принципиально нового политического оформления. Почувствовав свою силу, национальное движение с вопросов развития национальной идентичности переключилось на проблемы, скорее, политические, нежели этнические. Проявлением политизации идеологии национального движения стала постепенно усиливавшаяся критика немцев и настойчивое культивирование нового понятия «Латвия». Антинемецкие идеи так же были крайне важны для латышского движения. Именно антинемецкий настрой делал движение националистическим, обеспечивая ему постоянный рост сторонников в числе латышской интеллигенции. Критика немцев велась латышскими националистами по нескольким направлениям.

С другой стороны, неприятие национального движения русскими политиками превращало латышскую политическую мысль во все более антиимперскую. Империя стала рассматриваться как основное препятствие на пути к свободному развитию латышей, которое базировалось исключительно на латышской национальной культуре и латышских традициях. Ос-

новые претензии были связаны с неравноправием латышей в политической и экономической сфере. Поэтому проблемы равенства становятся более важными в политической программе, способствуя росту популярности идеи сначала об автономии, а позднее и создание независимой Латвии.

¹ Апинь И., Крупников П. Новое в политике прибалтийского дворянства после революции 1905 – 1907 гг. / И. Апинь, П. Крупников // Ученые записки Латвийского Государственного Университета. - Т. 159. - Германия и Прибалтика. - Рига, 1972. - С.75 – 102.

² Kreuzzeitung. 21.06.1906.

³ Rigasche Zeitung. - 1910. - No 233.

⁴ Ниедре О. Дворянские и буржуазные историки о мызных и крестьянских хозяйствах в Латвии в период с начала XX века по 1917 год / О. Ниедре // Германия и Прибалтика. - Вып. 3. - Рига, 1974. - С. 57.

⁵ О немецкой реакции вообще см.: Крупников П. Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907 – 1939) / П. Крупников // Германия и Прибалтика. - Вып. 2. - Рига, 1973. - С. 3 – 21.

⁶ Mensenkampf E. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland / E. Mensenkampf. - Tilsit – Leipzig – Riga, 1943. - S. 139.

⁷ Исследователи считают, что вторая часть фамилии немецкого историка – онемеченный вариант латышской фамилии Rozenieks.

⁸ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С.4.

⁹ Die Lettische Revolution. - Bd. 2. - Berlin, 1908. - S. 26.

¹⁰ Mensenkampf E. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. - S. 142.

¹¹ Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik / A.Winnig. - Berlin, 1921.

¹² Drews H. Die lettische Revolution und das Baltentum / H.Drews. - Riga, 1927. - S. 57.

¹³ Lenz W. Die Revolution des Jahres 1905 in Liv-, Est- und Kurland / W. Lenz // Jahrbuch des baltischen Deutschtums. - Hamburg, 1955. - S. 66.

¹⁴ По проблеме немецкой реакции на события революции см.: Bīrons A. Baltvācu un latviešu buržuāziskā historiogrāfija par 1905. – 1907, g. revolūciju Latvijā / A. Bīrons // LPSR ZA Vēstis. - 1968. - No 9.

¹⁵ Pistohlkors G. Führende Schicht oder nationale Minderheit? Die Revolution von 1905/1906 und die Kennzeichnungen der politischen Situation der deutschen Balten zwischen 1840 und 1906 in der zeitgenössischen deutschbaltischen Geschichtssreibung / G. Pistohlkors // Zeitschrift für Ostforschung. - 1972. - Hefte 4. - S. 233.

¹⁶ Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. - С. 103.

¹⁷ Die Lettische Revolution. - Berlin, Bd. 1. 1907. - S. III.

¹⁸ Ibid. - S. 1 – 3.

¹⁹ Die Lettische Revolution. - Berlin, Bd. 2. 1907. - S. 158.

²⁰ Die Lettische Revolution. - Berlin, Bd. 1. 1907. - S. 151.

²¹ Polunov A. The Orthodox Church in the Baltic Region and the Policies of Alexander III's Government / A. Polunov // Russian Studies in History. - Spring 2001. - Vol.39. - No.4. - P. 68.

²² Термин «национализм» в русском языке утвердился в 1880-е годы, хотя националистический дискурс присутствовал в работах и более раннего периода - см.: Сергеев С.М. Русский национализм и империализм в начале XX века / С.М. Сергеев // Нация и империя в русской мысли начала XX века. - М., 2004. - С. 11.

²³ О русском национализме и его позиции по проблемам национальных движений в Российской Империи см.: Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im

Zarenreich 1855 - 1875 / A. Renner. - Köln, 2000; Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20 Jahrhundert / hrsg. F. Golczewski, G. Pickhan. - Göttingen 1998.

²⁴ Будиловичъ А.С. Можетъ ли Россія отдать инородцамъ свои окраины? / А.С. Будиловичъ. - СПб., 1907.

²⁵ Струве П.Б. Великая Россия / П.Б. Струве // Нация и империя в русской мысли начала XX века. - М., 2004. - С. 215.

²⁶ Смолин М. Очерки Имперского Пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX - первой половины XX века / М. Смолин. - М., 2000. - С. 21.

²⁷ Меньшиков М.О. Письма к ближним / М.О. Меньшиков. - СПб., 1911. - С. 199.

²⁸ Меньшиков М.О. Великорусская партия / М.О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. - С. 24.

²⁹ Там же. - С.21.

³⁰ Меньшиков М.О. Нецарственный империализм / М.О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. - С.66.

³¹ Меньшиков М.О. Великорусская партия. - С. 22.

³² Меньшиков М.О. Письма к ближним. - С. 123.

³³ Меньшиков М.О. Великорусская партия. - С. 29.

³⁴ Меньшиков М.О. Нецарственный империализм. - С.62.

³⁵ Меньшиков М.О. Нецарственный империализм. - С. 67.

³⁶ Меньшиков М.О. Старый и новый национализм. - С.71.

³⁷ Меньшиков М.О. Письма к ближним. - С. 83.

³⁸ Меньшиков М.О. Великорусская партия. - С. 24.

³⁹ Меньшиков М.О. Письма к ближним. - С. 187.

⁴⁰ Там же. - С. 131.

⁴¹ Меньшиков М.О. Великорусская партия. - С. 23.

⁴² Меньшиков М.О. Тирания слабых / М.О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. - С. 51.

⁴³ Смолин М. Очерки Имперского Пути. - С. 22.

⁴⁴ Башмаковъ А.А. За смутныя годы / А.А. Башмаковъ. - СПб., 1906. - С.22.

⁴⁵ Башмаковъ А.А. Балтійскій вопросъ / А.А. Башмаковъ. - Ревель, 1894. - С. 46.

⁴⁶ Смолин М. Очерки Имперского Пути. - С. 122.

⁴⁷ Башмаковъ А.А. За смутныя годы. - С. 22.

⁴⁸ Там же. - С. 78.

⁴⁹ Там же. - С. 34.

⁵⁰ Катковъ В.Д. Школьная «автономія» и культурное одичаніе / В.Д. Катковъ // Харьковскія губернскія ведомости. - 1907. - № 46.

⁵¹ Катковъ В.Д. Измена родине / Катковъ В.Д. // Харьковскія губернскія ведомости. - 1907. - № 76.

⁵² Катковъ В.Д. Самодержавіе и русское знамя / Катков В.Д. // Харьковскія губернскія ведомости. - 1907. - № 20.

⁵³ Розанов В.В. Национальное назначение // Нация и империя... - С. 104.

⁵⁴ Розанов В.В. Национальное назначение. - С. 106.

⁵⁵ Розанов В.В. Сила национальности // Нация и империя... - С. 108.

⁵⁶ Розанов В.В. Окраинная кичливость и петербургское смирение // Нация и империя... - С. 111.

⁵⁷ Розанов В.В. Окраинная кичливость... - С. 114.

⁵⁸ Розанов В.В. Белорусы, литовцы и Польша в окраинном вопросе России // Нация и империя... - С. 116.

⁵⁹ Там же. - С. 116.

-
- ⁶⁰ Там же. - С. 129.
- ⁶¹ Розанов В.В. Центробежные силы в России // *Нация и империя...* - С. 135.
- ⁶² Там же. - С. 136.
- ⁶³ Там же. - С. 137.
- ⁶⁴ Там же. - С. 137.
- ⁶⁵ Там же. - С. 138.
- ⁶⁶ Розанов В.В. Голос малоросса о немалороссах / В.В. Розанов // *Нация и империя...* - С. 139.
- ⁶⁷ Розанов В.В. Центробежные силы в России. - С. 138 - 139.
- ⁶⁸ Розанов В.В. «Трудности» для инородцев / В.В. Розанов // *Нация и империя...* - С. 143.
- ⁶⁹ Полонська-Василенко Н. Істоія України. Т.2. - С. 419.
- ⁷⁰ О концепции П. Бушковича см.: Хаген М. фон, Русско-украинские отношения в первой половине XX века / М. фон Хаген // *Россия - Украина: история взаимоотношений* / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 185.
- ⁷¹ Brooks J. When Russia learned to read / J. Brooks. - Princeton, 1985.
- ⁷² Хаген М. фон, Русско-украинские отношения в первой половине XX века. - С. 185.
- ⁷³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 242 – 243.
- ⁷⁴ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С. 91.
- ⁷⁵ Kaiser R. Political geography and nationalism in late Imperial Russia // *История национальных политических партий России*. - С. 66.
- ⁷⁶ Михутина И. Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны / И. Михутина // *Россия - Украина: история взаимоотношений*. - С. 199.
- ⁷⁷ Донцов Д. Сучасне політичне положення нації і наші завдання (Реферат, виголошений на II Всеукраїнським студентським з'їзді в липні 1913 року у Львові). - С. 77, 90.
- ⁷⁸ Ошерев Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX – XX вв. - С. 67.
- ⁷⁹ Ronis I. Latviešu buržuāzijas politika 1907. - 1914. g. / I. Ronis. - R., 1978.

ОТ ЛАТЫШСКОЙ НАЦИИ К ЛАТВИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛАТЫШСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1900-1910-Е ГОДЫ

В идеологии движения латышского национализма, который еще не утратил окончательно связей с поздним младолатышским движением, в первые годы XX века стали просматриваться несколько иные, новые, веяния. Именно первые годы XX столетия можно рассматривать как оформление, идейное и организационное, идеологии латышского национализма, как одного из течений в национализме на ряду со сложившимся ранее религиозным фундаментализмом и национально-литературным традиционализмом. Идеологическому оформлению способствовало усиление латышской буржуазии не только в экономической, но и политической сфере¹. Вместе с тем, латышский национализм был близок другим национальным движениям в Европе, особенно в своем обращении к культуре².

Важнейшая особенность политической идеологии латышского национализма начала XX века – это оформление политического понятия Латвия. При этом одними из первых, кто констатировал сложение данного термина, были балтийские немцы. Еще в последние годы XIX века балтийский немецкий деятель, поэт и журналист, Виктор фон Андреянов³ написал цикл статей «Картины из Латвии», где рассматривал Латвию как «маленькую страну, существующую пока еще в политическом идеале». «Из Латвии? Где лежит этот неизвестный остров? Так, возможно, спросят с удивлением многие читатели. Действительно, на уроках географии о Латвии не было и речи, да и в последующей жизни о ней вряд ли кто-нибудь слышал», - такими словами он открывал цикл своих статей. Рассматривая понятие «Латвия», фон Андреянов давал ответ, что территории Латвии в «представлениях латышских национальных политиков» простирается от «Куршской косы до северной оконечности Курляндии, от Даугавы до расположенной посередине Лифляндии небольшой реки Салацы и вдоль Даугавы далеко вглубь Витебской губернии»⁴.

Совершенно четко в начале XX века наметилась тенденция к росту в идеологии собственно националистических и консервативных элементов на этнической латышской основе. Этому способствовало то, что на территории Латвии наряду с латышами проживали и немцы: «в самой природе любого многонационального государства объективно заложена возможность межнациональных конфликтов»⁵. Латышские «национально-политические идеалы и требования», как их определила в 1936 году немецкая исследовательница Х. Допкевич⁶, вышли на новый этап своего развития. В начале XX века латышское национальное движение начинает проявлять все больше постоянно «растущих агрессивных черт»⁷.

Такая тенденция стала очевидна уже в первые годы XX века. В 1902 году в Санкт-Петербурге в газетах, выходящих на латышском языке, появ-

вился цикл статей латышского пастора Лютеранской Церкви Андриевса Ниедры (1871-1942). Их автор утверждал, что немецкая нация постепенно деградирует и вырождается, он считал, что все немцы вскоре вовсе вымрут – по данной причине, А. Ниедра призывал латышских политиков отказаться от всяких контактов с немецкими деятелями. Параллельно с критикой немцев выступил и консерватор-националист Ф. Вейнбергс, по словам П.Я. Крупникова и Я. Крастыньша, «реакционный политик, известный своими монархическими убеждениями»⁸, «латышский реакционный буржуазный идеолог, который не уступал в своей реакционности немецким баронам»⁹, в 1903 году писал: «когда надежды, вызванные движением за реформы оказались тщетными, взгляды латышей на их отношения с немцами начали меняться – возобладало убеждение, что они не согласятся признать нас в качестве равноправных партнеров, латыши были вынуждены переориентироваться на независимое политическое развитие и теперь тезис о руководящей роли немцев все чаще отвергается, пришло убеждение, что их место рядом с латышами, а не над ними и теперь вопрос об отношениях немцев с латышами – это основной пункт нашей политической программы»¹⁰.

Подобное мнение получило широкое развитие и на страницах другой латышской газеты националистического толка «Evaņģelija gaišma» («В свете Евангелия»), где были сильны и клерикальные, протестантско-лютеранские, тенденции. «Evaņģelija gaišma» находилась под сильным влиянием упомянутого выше Апсишу Екабса¹¹. Ее можно рассматривать как объединение клерикальных латышских консерваторов, религиозных фундаменталистов. Определенной роли протестантизма в латышском национальном движении способствовало то, что во второй половине XIX века имел место процесс постепенной национализации протестантизма в Латвии, в результате чего он становится латышским. Например, во второй половине XIX века было подготовлено 140 пасторов-латышей¹². Однако, эти пасторы не смогли подорвать роль немецкого духовенства в Латвии: известно, что к началу XX века из 93 пасторов в Видземе латыши составляли половину, а в Курземе из 130 – лишь пятую часть¹³.

При этом в советской латвийской историографии роль религии в начале XX века в рамках латышского национального движения сокращалась и искусственно занижалась. Советская историография стремилась занизить роль «наивно-романтических проявлений национальной жизни»¹⁴, характерных для любого национального движения. Это характерно, например, для исследований Зигмундса Балевица¹⁵ и А.А. Подмазова¹⁶. При этом тот же З. Балевиц был вынужден констатировать, что роль Католической Церкви в Латвии была относительно высокой. Такая роль Церкви характерно особенно для Латгале¹⁷. «К началу XX века влияние католической церкви в Латгалии было близко к своему зениту: абсолютное большинство местного населения состояло в католических приходах»¹⁸, - писал совет-

ский историк, который значение католицизма в латышском национализме оценивал крайне негативно, сводя его к «подавлению чувства собственного достоинства» латышей, насаждению косности, консерватизма и религиозных предрассудков¹⁹.

При рассмотрении идеологических изменений латвийского консерватизма в начале XX века следует учитывать и подход, который проявился в исследованиях по проблематике национализма, принадлежащих Э. Хобсбауму. Английский историк пишет, что «как только Европа (в данном случае это имеет отношение и к Латвии – М.К.) достигает известного рубежа, ее лингвистические и культурные сообщества, незаметно созревающие в течение веков, покидают глубину прежнего пассивного бытия». Кроме этого на данном этапе национализм начинает отличаться тем, что его приверженцы выдвигают требование на самоопределение, более важное внимание начинает уделяться языку и этносу, и в целом во всей политической практике националистов совершенно отчетливо начинает проявляться сдвиг вправо в рамках всей политической идеологии и практики²⁰. Данный процесс в Латвии имел место в начале XX века – все более громче начинают звучать голоса о создании особой латышской единицы в рамках Российской империи, все сильнее проявляется самоидентификация латышей по языку, они поддерживают связи с российскими правыми и местной Церковью.

В свою очередь, антинемецкий национализм латышских политических деятелей – один из важнейших идеологических компонентов их политической доктрины. В начале XX века антинемецкие идеи сочетались с вопросами экономическими и социальными. Латгальские авторы Ф. Кемпс²¹ и Ф. Трасунс, отстаивая принципы индивидуализма, указывали на важность и необходимость ослабления немецкого влияния, уничтожения крупного немецкого землевладения и его заменой хуторскими хозяйствами. Эти идеи нашли свое отражение в католических календарях на 1903²² и 1904 год²³.

В начале XX века в идеологических концепциях латышского национализма в связи с формированием концепции Латвии все больше внимания начинают уделять Латгале и латгальской проблеме (которая позднее была исследована М. Букшсом)²⁴, так как Латгалия ранее фактически выпала из общего хода развития национального латышского движения. При этом в Латгале формировалась своя традиция национального возрождения, формировалась литература и язык²⁵. Латышские интеллектуалы Риги, Тарту, Санкт-Петербурга заметили активность авторов Латгале²⁶.

Наряду с латгальскими авторами о Латгале начинают писать и те латышские теоретики, которые принадлежали к общелатышскому национальному движению. Латышские авторы признали, что жители Латгале имеют права на свою школу, церковь и самоуправление²⁷. Эндзелинс признавал, что среди «витебских латышей» имеет место активное «народное движение»²⁸, во главе которого стоят «витебские латышские патриоты»,

пытающиеся кодифицировать латгальский диалект²⁹. Отличительная черта их работ – стремление вписать Латгале, ее историю, особенности политического и культурного развития, язык в общелатышский контекст. Например, Янис Эндзелинс в связи с этим предпочитал писать о «католических латышах Витебской губернии», «витебских латышах-католиках»³⁰, которых, по его словам еще Индрикис³¹ в своей Хронике отождествлял с латышами вообще. Латгале рассматривалась им как «латышская часть Витебской губернии». Янис Эндзелинс отмечал, что в «границах Псковской и Витебской губерний в двенадцати местностях с древних времен живут латыши»³². Эндзелинс критиковал попытки русских авторов, например В.А. Богородицкого³³, занижить роль собственно латышского влияния в Латгале. В связи с этим он отмечал, что латыши могут претендовать на три уезда Витебской губернии³⁴. Поэтому лозунги антинемецкого национализма в Латгале были не столь актуальны как в остальной Латвии. Латгале не испытала в частности немецкого языкового влияния. Процесс унификации латышского языка не затронул Латгале. Наиболее опасными врагами местные интеллектуалы видели, скорее всего, поляков, так как их влияние было велико и раннее они доминировали в Латгале, вовлекая ее в польский исторический процесс. Например, жители Латгале были вынуждены принимать участие в польских восстаниях XIX века. В XX столетии они уже не были заинтересованы в такой гегемонии польского национального движения³⁵.

Антинемецкий национализм развивался в контексте декларирования политической лояльности Российской Империи, политика которой воспринималась как относительно благоприятная для латышей. Например, в 1908 году латышская газета «Baltijas Wehstnesis» писала, что латыши всеми силами должны добиваться того, чтобы оставаться под властью «этого великого и мощного государства». Латышские националисты неоднократно подчеркивали, что все достигнутое латышами достигнуто благодаря России, «исключительно под эгидой русского двуглавого орла», а А. Стерсте, хотя и был националистом, вообще исключал возможность отделения Латвии от России и создания независимого Латвийского государства³⁶. Таким образом, в начале XX века некоторые латышские националистически настроенные интеллектуалы, будучи вместе с тем и сторонниками сохранения единства Российской Империи при предоставлении автономии Латвии, выступали как противники польского национального движения, направленного на раскол Империи ради достижения полной политической и национальной независимости.

Наряду с латышскими политическими партиями и их первыми открытиями действиями в начале XX века в рамках латышского национализма шел не менее важный процесс. Проявлением культурного национализма в Латвии в первые годы XX века вело, в соответствии с терминологией Р. Шартье, к «политизации интеллектуальной жизни»³⁷. Представители ла-

тышской культурно-интеллектуальной элиты, осознав факт, что угроза германизации миновала, испытывали чувство «великого воодушевления»³⁸ - эйфории характерной для большинства европейских национальных движений на том этапе, когда они превращались в реальную политическую силу. Активизации культурного национализма в Латвии способствовало то, что население было готово принимать новые культурные обстановки. Это следует объяснять тем, что 85 % латышей были грамотными. При этом грамотность среди немцев составляла лишь 78.5 %³⁹.

В рамках культурного национализма оформляется понятие «Latvija» («Латвия»), которая начинает рассматриваться как политическая цель. Особый вклад в формирование понятия «Latvija» внес латышский языковед Янис Эндзелинс⁴⁰, который рассматривал проблему происхождения данного слова и этнонима «latvieši», связывая его возникновение с такими названиями как Latažeris (название озера), Lata, Latuva, Latva (названия рек)⁴¹. Таким образом, латышский национализм поставил вопрос о создании если не независимого латышского государства Латвии, то хотя бы особой латышской административной единицы в составе Российской Империи. Формирование политического понятия «Латвия» в рамках латышского общества имело самые различные формы: выходила газета с одноименным названием, слово часто использовалось в работах латышских политических деятелей, к нему неоднократно обращались латышские поэты и писатели. Видимо именно последние и сыграли решающую роль, так как в начале XX века они были подлинными властителями дум в Латвии. К числу таких авторов принадлежал Карлис Скалбе. Для поэта «Латвия» ассоциировалась с родной землей, латышской природой, латышскими национальными особенностями, развитой песенной традицией⁴², верностью латышей своей нации и ее культуре⁴³, прошлым, тяжелым трудом латышских крестьян, угнетаемых немецкими помещиками.⁴⁴ Для поэта Латвия – это – Отечество, «родной дом» всех латышей⁴⁵.

Настойчивость, с которой латышские националисты конца XIX – начала XX века формировали само понятие «Latvija» говорит, по словам М. Хлиномаза, об «объективных потребностях национального развития»⁴⁶. В связи с этим отечественный исследователь проблематики связанной с историей национальных движений С.А. Арутюнов подчеркивает, что нация в том случае, если она сложилась, то совершенно закономерно и то, что она тяготеет к созданию своего собственного государства⁴⁷. В целом по мере упрочения этносоциальной базы латышского национального движения все настойчивее заявляла о себе идея необходимости административного объединения всех латышских земель в составе Российской Империи с приданием им особого статуса на подобие того, которым обладало Великое Княжество Финляндское⁴⁸.

Видным представителем другого, религиозного, течения в латышском национализме начала XX века следует признать Андриевса Ниедру. Анд-

риевс Ниедра⁴⁹, лютеранский пастор призывал соотечественников к активной деятельности в любых отраслях, дабы вытеснить оттуда немцев. Ниедра, «идейный и оригинальный писатель, горячий защитник мелкого крестьянского землевладения и национализма»⁵⁰, призывал развивать индивидуалистские устремления, и, по своему собственному признанию, предпочитал писать о «великих индивидуумах». Но, будучи и священником, он не уставал апеллировать и к авторитету Церкви, ее тысячелетнему опыту. При этом в советской исторической литературе его творчество так и осталась непонятым – важный для своего времени роман Ниедры «В дыму подсеки» (1899) рассматривался как «буржуазный и националистический во всех отношениях», а сам автор как «типичный представитель реакционной литературы», как, своего рода, «диверсия против прогрессивной мысли». Сам Ниедра свои политические идеи предпочитал оценивать как народный национализм.

В романе Андриевса Ниедры художественно рассмотрен и представлен конфликт между семьей хуторян Страутмалсов и немецкими помещиками Зенденом и Вестфалем. Автор на страницах романа проповедует тезис ранних младолатышей о необходимости отправлять юношей в российские университеты, давать им высшее образование: именно поэтому один из детей Страутмалсов стал богословом, а другой – инженером, готовым в борьбе против немцев за получение хутора использовать любые методы. Именно по данной причине он их разоряет, вытесняет в город и становится собственником земель. Таким развитием сюжета Андриевс Ниедра, с одной стороны, продолжает антинемецкую критику младолатышей, а, с другой, показывает наиболее приемлемый вариант решения аграрной проблемы через лишение немцев их земельной собственности⁵¹.

Не менее интересен и показателен другой рассказ Андриевса Ниедры – «Петерис Сална» - где в центре внимания эмигрант и бывший революционер, который, по мысли автора, оказался плохим и порочным человеком, убийцей, обладающим врожденными инстинктами преступника. Таким личностям писатель Андриевс Ниедра противопоставлял латышских крестьян – верующих и работающих людей, которые не в состоянии превратиться в революционеров. Именно по данной причине, в творчестве писателя революционность объяснялась отрицательным внешним влиянием или внутренней неполноценностью. Такое содержание произведения А. Ниедры подтверждает то, что литература пережила процесс политизации⁵², а писатели активно включились в национальное движение.

Латышские националисты в начале XX века несколько пересмотрели идеи Ю. Аллунасна и К. Биезбардиса и отказались от чрезмерной ревизии немецкой культуры и философии. Например, Петерис Залите выдвинул лозунг “Назад – к Канту”. Данные идеи мыслителя нашли свое отражение в редактируемых им журналах и газетах – в «Menēšrakasts», «Dienas lapa» и «Mājas Viesis». Марксистские историки считали, что Залите опирался на

буржуазные и мелкобуржуазные круги⁵³. К Петерису Залите по взглядам был близок и Микелис Валтерс, автор таких исследований как «Латышская критика по вопросам искусства и науки», «Флоренция», «Вокруг исторического материализма». Как и многие его современники Валтерс ставил под сомнение наличие закономерностей в историческом процессе, негативно относился к марксизму с его тягой к революционности, указывая и на то, что «понятие исторического материализма больше не будет удовлетворять требованиям логической согласованности»⁵⁴.

Националисты К. Скалбе, Я. Акуратерс⁵⁵ и другие группировались вокруг журнала «Kavi» и «Dzelme», на страницах которых в 1906 году увидела свет их программа, озаглавленная как «Мотивы нашего искусства». Как националисты и консерваторы ее авторы исходили из того, что искусство несет в себе божественное начало, ведущее к его иррациональности и противопоставляющее его материалистическим учениям. Это подтверждает предположение украинского историка Володимира Радзикеви-ча, что националисты движимы в ряде случаев не трезвым политическим расчетом, а движутся вперед за счет «крыльев романтизма»⁵⁶. «Произведения искусства зажигают в душах людей особое внутреннее пламя, и оно не имеет ничего общего с обыденными мыслями и суждениями времени»⁵⁷, - писали культурные националисты в 1906 году. В данном случае они шли вслед за русскими культурными консерваторами начала XX века, что признавалась самими латышскими националистами, например, В. Эглитисом⁵⁸, призывавшим следовать за русскими символистами – А. Белым и В. Брюсовым⁵⁹. Последний рассматривался, например, как «гениальнейший, образованнейший и правдивейший поэт современной России»⁶⁰. Подобная позиция стала объектом критики левых авторов, которые в начале XX века вели борьбу с националистами за главенство в национальном движении. Например, левый критик Я. Янсонс-Браунс называл латышских националистически и консервативно настроенных писателей носителями «пустых поэтических мечтаний» и «грубого голого эгоизма»⁶¹. Другой критик националистов А. Упитс обвинял националистов в потере связи с жизнью, превращение в «поэтических авантюристов и литературных акробатов». Особенно для него было неприятно то, что националисты отстаивали традиции и трепетно к ним относились, в то время как левые их отрицали и рассматривали как архаизм⁶².

Примечательно то, что в данном аспекте латышский национализм отошел от более раннего, народного, романтизма. При этом, подобная тенденция характерна для большинства национальных движений в Российской Империи в начале XX века. Украинский национальный деятель Борис Гринченко отмечал, что и работы украинских националистов начала XX века находились на грани «духа народа» и «духа интеллигенции». При этом он признавал, что эти работы в гораздо лучшей степени понимались и воспринимались в среде интеллигенции, а не в народе⁶³. Это, однако, не

умоляет роль К. Скалбе, Я. Акуратерса и их современников в развитии национального движения. При этом однако не отрицалось, что в перспективе их идеи могут быть востребованы массами и в перспективе «интеллигенция и народ должны были стать одной культурной общностью»⁶⁴. Данный принцип латышского национального движения был реализован позднее - в независимой Латвии в межвоенный период.

В несколько ином аспекте проявился национализм в творчестве Фрициса Барды⁶⁵. Фр. Барда пришел в латышскую литературу в начале XX века и как многие националисты от культуры начал с поэтических опытов. Уже в первых стихах он показал себя как латышский национальный романтик. В политической сфере, Фр. Барда практически сразу примкнул к националистическому и консервативному лагерю. По данной причине, революцию 1905 – 1907 годов он воспринял негативно. Вот почему, в советской историографии он оценивался крайне негативно. В середине 1950-х годов Барда мог рассматриваться исключительно как реакционный писатель и пассивный романтик, в творчестве которого не было практически ничего прогрессивного⁶⁶. Основное произведение («Романтизм, как центральная проблема искусства и мировоззрения», 1909) упоминалось крайне редко, а сам его автор в начале 1970-х годов оценивался как писатель, пытавшийся «обосновать реакционный романтизм»⁶⁷.

Значительное внимание он уделял описанию крестьянского быта латышей. В его стихах чувствуется уважение перед крестьянским бытом, перед тяжелым трудом латышского крестьянина. При этом он последовательно отстаивал и принципы крестьянского индивидуализма. Нередко в качестве героя фигурирует «тяжелый плуг крестьянский», а герой поэта – «пленник земли»⁶⁸. Поэзия Ф. Барды проникнута и религиозностью, которую он показывал на конкретных примерах, раскрывая большое значение религии в жизни латышей, готовых молиться «доброму и сильному боженьке». Герои Ф. Барды верили, что Господь может «погладить их рукой, просунув ее через облака». Барда описывал бога в народном духе, «с трубочкой, в сумерках весенних». Что касается самих латышей, то их Барда нередко называл «божьими детьми», идеализировал латышскую национальную культуру, например, латышские народные песни – дайны. Дайны рассматривались им как один из способов приобщения латышей к прошлому, к национальной истории⁶⁹.

Барда, будучи националистом, разделял многие идеалистические установки. По данной причине, он не признавал материю как таковую, нередко критиковал материалистические идеи, которые рассматривались им как опасные и вредные. «Жизнь – это вечное течение, вечная перемена, вечное созидание и поэтому она необозрима; жизнь – это вечная борьба с материей и вечное ее преодоление», - писал Барда в одной из своих публицистических статей. Кроме этого поэт значительное внимание уделял и субъективным переживаниям человека – «жизни во имя своей души». Во

многом аналогичны и другие воззрения Барды. «Интеллект – это всего лишь бык, запряженный в плуг; себя и окружающих он знает настолько, насколько нужно прокладывать борозды»⁷⁰, - писал он.

Идейно к К. Скалбе⁷¹, Я. Акуратерсу, В. Эглитису, Фр. Барде был близок и Саулиетис (1869 – 1933). Критики-марксисты считали, что тот рано отошел от «прогрессивной литературы, попав в лагерь реакции и обратившись к методу реакционного романтизма». Советская исследовательница В. Лабренце комментировала это следующим образом: «такой путь вообще был характерен для ренегатов и тех писателей, индивидуальное развитие которых увело их в лагерь реакции». Видимо националистические тенденции в творчестве Саулиетиса были настолько велики и значительны, что советские критики писали о том, что в его «писаниях кипит ненависть ко всему прогрессивному». Самого их автора они называли «жалким прислужником буржуазии, потерявшим всякое чувство меры и любые претензии на подлинное искусство»⁷². За этими негативными оценками в Латвийской ССР в творчестве Саулиетиса не замечали главного. Писатель, вне всякого сомнения, был националистом. Несмотря на это вклад его в развитии латышской национальной культуры, особенно литературы, весьма велик. Своими работами он способствовал росту национального самосознания. Будучи сторонником латышского национализма, он описывал крестьянский быт, защищая его традиционные устои. Кроме этого, Саулиетис весьма негативно отзывался и о влиянии городской культуры, в которой он видел значительный разрушающий потенциал.

В начале XX века в латышском национализме имело место усиление религиозных элементов. Это в наибольшей степени нашло свое проявление в творчестве Андриевса Ниедры. Элементы национализма на религиозной основе проявились и в работах еще одного латышского автора – Линардса Лайценса. В ряде своих стихов Л. Лайценс описывает величие христианского храма, его положительное воздействие на мир, органическую вписанность в ландшафт сельской Латвии. Лайценс описывал храм как центр жизни той иной латышской общности. Значение церкви рассматривалось им как положительное. Поэт описывал ее благотворное влияние на латышей⁷³. Как видим, культурный аспект продолжал играть важную роль в идеологии латышского национального движения в начале XX века. Примечательно то, что подобная тенденция была характерна и для других народов Российской Империи. Националисты широко использовали культуру для доказательства «культурного единства нации». В первые годы XX столетия произошла значительная активизация процессов нациостроительства в Российской Империи, она означала «присоединение рабочих классов народа к национальной культуре, что складывалась усилиями высших классов»⁷⁴.

Параллельно в начале XX века латышские националисты продолжали свою деятельность, направленную на развитие латышского языка. Вид-

нейшим представителем языкового латышского национализма на данном этапе являлся Янис Эндзелинс⁷⁵. К тому времени Янис Эндзелинс стал крупнейшим представителем латышского рационализма, который занимался проблемами латышского языка. С Эндзелинсом в данном направлении работал и Карлис Миленбахс⁷⁶. Уже тогда им было написано несколько десятков работ, направленных на развитие латышского языка, что способствовало развитию латышского общества и культуры, латышского национального самосознания. Благодаря деятельности Яниса Эндзелинса⁷⁷ роль латышского языка в значительной степени возросла, и его меньше стали сравнивать с немецким языком как языком великой культуры⁷⁸. Этому способствовало то, что развитие языка вылилось в значительный культурный рост - возросло число изданий на латышском языке, стали чаще выходить художественные произведения написанные по-латышски, со временем латышский язык все активнее начинает использоваться как язык преподавания и науки.

Янис Эндзелинс в отличие от более ранних младолатышей, которые отстаивали права латышского языка на независимый статус и его свободное развитие, в своих исследованиях превратил язык в объект подлинно научного и всестороннего анализа. Это стало результатом переосмысления «общественной роли» языка⁷⁹. Появление и окончательное оформление латышского литературного языка в начале XX века имело важные результаты: это вело к ликвидации языкового барьера между интеллигенцией и крестьянскими массами, компенсировало отсутствие административно признанного латышского центра, снижало роль территориальной разобщенности латышей в Российской Империи⁸⁰. Латышский язык, согласно его концепции, как и все другие языки, пережил длительный процесс исторического развития: «не один язык не остается неизменным, он подвергается изменениям», - писал Эндзелинс. В своем исследовании «Введение в языкознание» Эндзелинс указывает, что язык надо изучать лишь выясняя «преимущество связи данной эпохи с предыдущей». Такой подход, по его словам, позволял «выяснить в чем заключается язык, какие в нем действуют законы, силы, факторы и какова его общая природа». При этом исследователь указывал на то, что такое изучение можно вести лишь наблюдая за «живым языком»⁸¹.

Рассматривая проблемы латышского языка, Янис Эндзелинс критиковал немцев и их влияние на развитие латышской литературы: «я не знаю другого народа, у которого памятники письменности были бы написаны со столь ужасной орфографией и языком, как написанные немецкими пасторами сочинения на латышском языке»⁸², - писал он. При этом, еще предшественник Яниса Эндзелинса, Кришьянис Валдемарс, отстаивая права латышского языка на свободное развитие без немецкой опеки, указывал на то, что роль латышей постоянно возрастает. В связи с этим он писал: «несколько помещичьих фамилий, многие пасторы, довольно многие учителя,

очень многие секретари и чиновники являются латышами, в одной только Риге и Елгаве количество просвещенных латышей превышает 20 тысяч»⁸³.

В языковом национализме Яниса Эндзелинса⁸⁴ значительное место занимают теоретические построения, связанные с особой балтийской природой латышского языка и его тесной связи с литовским языком. Данная идея не была новой для латышского национализма начала XX века, так как первые шаги в ее разработке были сделаны еще в 1880 – 1890-е годы. Эндзелинса в отличие от более ранних романтически настроенных националистов интересовали не столько славное общее прошлое и единая языческая донемецкая религия литовских и латышских племен, сколько реальные языковые контакты, что выводило латышский национализм на качественно новый уровень развития.

Изучение латышско-литовских языковых контактов в работах Яниса Эндзелинса сочеталась и с антинемецким национализмом. Известно, что в литовской и латышской лексикологии существует общий элемент «ie», который немецкие авторы рассматривали как результат положительного и прогрессивного германского влияния, чем занижали латышей и литовцев. Именно эта немецкая идея и была подвергнута Я. Эндзелинсом критике в ряде работ, посвященных латышско-литовским языковым контактам и говорам.⁸⁵ Будучи националистом, он отрицал происхождение данного сочетания от германского «ei» и объяснял его возникновение прусским влиянием или ролью общебалтийского звука «ē»⁸⁶. Развивая эту концепцию, объектами критики для него стали такие немецкие авторы как А. Биленштейн⁸⁷ и К.К. Ульманн⁸⁸.

В целом, к XX веку латышский язык благодаря деятельности латышских националистов, которых нередко рассматривают как «филологических подстрекателей», уже прошел несколько этапов; в Латвии, по словам Б. Андерсона, свершилась «филолого-лингвистическая революция»⁸⁹. Первым этапом был период 1840 – 1860-х годов, когда имел место рост сознательных носителей латышского языка. На данном этапе широкие слои латышей были приобщены к латышскому языку и стали осознанно рассматривать его как родной. Второй этап в развитии языка – это 1860 – 1880-е годы, когда имело место изменение качественного состава активных носителей латышского языка, то есть формировалась латышская национальная интеллигенция. Третий этап, начавшийся в 1890-е годы, состоял в расширении функций латышского языка. В эти годы язык перестал быть просто средством коммуникации – он все больше становится языком, образования, литературы, театра.

Наряду с литературой национализм развивался и в молодой латышской историографии. Латышские националисты в начале XX века осознали роль и значение истории в развитии национального чувства. История стала широко использоваться для популяризации идей латышского национализма. К обращению к истории националистов толкало то, что именно осмыс-

ление исторического прошлого могло привести к выработке чувства национальной идентичности или его укреплению. Латышские националисты обратились к историческим исследованиям, так как именно история давала им примеры независимого существования латышей как общности в отдаленном прошлом. Перед националистами стояла задача «историзировать» нацию⁹⁰, создав для нее историю. Обращение к истории было важно и по той причине, что оно подтверждало идеи латышских националистов о необходимости полного освобождения латышей. Если бы они не занялись изучением истории им было бы сложно доказать право латышей на независимое политическое развитие, а если бы они вовсе игнорировали историческое прошлое, то перспективы полного национального освобождения были бы минимальны⁹¹.

В исследовательской литературе показано, что историки нередко играют выдающую роль среди теоретиков национализма, являются авторами новых идей и концепций⁹². Они не только заложили моральный интеллектуальный фундамент национализма, но и поддерживали его существование в переходные этапы существования нации⁹³. История и историография, по мнению ряда западных исследователей, иногда играют более важную роль в формировании национализма и национальных идентичностей нежели политическая борьба⁹⁴. В данном направлении нередко развивалась деятельность и латышских историков в Российской Империи.

Латышские историки значительное внимание уделяли не только проблемам, связанным с историей появления в Курземе викингов и их поселений⁹⁵, германскому завоеванию, но и истории донемецкого периода. Этот был тот период, который привлекал наибольшее внимание исследователей, так как тогда развитие латышского народа было независимым и неподчиненным иноземным захватчикам. Именно в данном направлении работали Я. Видиньш, К. Петерсонс, Р. Клаустиньш. Они считали, что до немецкого завоевания на территории современной Латвии существовали многочисленные королевства. Их население, в свою очередь, не было единым с социальной точки зрения – латышские историки считали, что к тому времени среди латышей уже существовали сословия и существовало уже неравноправное, зависимое, население. Латышские историки так же считали, что латышская знать в течение некоторого времени существовала и в период немецкого господства. Ее исчезновение латышские историки связывали с постепенной германизацией. Латышские историки так же разрабатывали теорию о том, что часть латышских крестьян в период немецкого господства стала мелкими феодалами, а позднее онемечилась. Историки начала XX века склонялись к тому, что на ранних этапах немецкого господства на территориях захваченных Орденом сосуществовали две группы феодалов – немецкая и латышская. Правда, их правовое положение в значительной степени было различным⁹⁶.

С деятельностью Фр. Балодиса известного в Российской Империи как Ф.В. Баллод связано рождение и первые шаги латышской археологии. Фр. Балодис занимался раскопками Беверинского городища, что впоследствии было продолжено им и другими латышскими историками уже в 1920-1930-е годы⁹⁷. Он был и одним из тех, кто сделал много для изучения истории латышского народа в донемецкий период, что с 1920 по 1940 год, было одним из важнейших направлений в латышской исторической науке⁹⁸. Латышские национально мыслящие историки в первые годы XX века, сталкиваясь с действительностью, где латыши не были полноправны, искали оправдания своего желания изменения ситуации именно в прошлом (что было характерно не только для латышского национального движения)⁹⁹, когда латыши имели возможности для независимого политического и исторического развития. Латышские историки начинают воспевать прошлое: в нем они видят призыв к борьбе за изменение настоящего и достижение более лучшего положения для латышей в дальнейшем.

Интерес к истории отличал почти все культурное латышское общество в начале XX века. В процесс сбора исторических фактов и памятников включились не только профессиональные историки, но и специалисты смежных дисциплин. Свой вклад в этот процесс внес и Янис Эндзелинс. Правда, в его интересе к латышской национальной истории преобладал интерес к истории латышского языка. В 1910 году Эндзелинс нашел и опубликовал текст на латышском языке, написанный шведами в 1768 году. Текст, опубликованный Эндзелинсом, в оригинале выглядел таким образом: «Walde Baggates nabagges, apschählojees pahr Attraitneems, Barinims Gruteems Seiveems, Ariidsan pahr teems Grätsnekeems». Будучи специалистом в области языка, Эндзелинс предпринял его перевод на современный для него латышский язык: «Waldi багаhtus, nabagus; apzshehlojum par atraitnehm, bahriñiem, gruhtahm siewam, arihdzan par tiem grezhniekiem»¹⁰⁰.

Кроме этого Эндзелинс занимался проблемами этнической истории Прибалтики, анализировал проблемы заселения побережья Балтийского моря. Эндзелинс критически относился к теориям, которые преуменьшали значение балтийских элементов и преувеличивали роль других народов – например, славян и кельтов¹⁰¹. Особо негативно комментировал Эндзелинс те теории, авторы которых доказывали славянское происхождение балтийских языков¹⁰². Эндзелинс так же занимался поиском и изданием источников по латышской истории. Особенно его интересовали книги на латышском языке. Об этом своем интересе в одной из своих работ Я. Эндзелинс писал: «в библиотеке упраздненного Краславского монастыря я искал старолатышские книги, таковых я там не нашел, но зато там оказалось второе издание польско-литовского словаря Ширвида»¹⁰³.

«Славное и древнее прошлое полезно в качестве аргумента в споре с многочисленными скептиками, которые заявляют, что та или иная нация никогда не существовала, что – это новое искусственное образование, в то

время националистически настроенные авторы предпочитают говорить о возрождении и воссоздании. Собственно последним и занимаются первые историки наций. Потому неудивительно, что именно они оказываются в авангарде процесса национального строительства»¹⁰⁴, - так комментирует интерес к истории в национальных движениях украинский канадский историк Орест Субтельный. Используя исторические мотивы, латышские националисты стремились «выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации»¹⁰⁵.

Отличительная черта построений и изысканий в области истории, которые проводились националистами, состояла в том, что они имели ярко выраженный народный дискурс. В центре их внимания была не столько история, сколько латышский народ. Их построения были далеки от интернационализма, словно они руководствовались словами украинского национального деятеля Олександра Коныського, что в национальных движениях «нет человека без лица, народа без национальности»¹⁰⁶. Более того, современная украинская исследовательница Т. Гундорова пишет, что «народническая» (в смысле - национальная) концепция исторического развития нации связано с европоцентристским пониманием и трактовкой современной истории¹⁰⁷. Латышские националисты, как видим, ощущая себя именно латышскими националистами вписывали прошлое своего народа в общеевропейский контекст.

Комментируя усилия националистов на путях создания национальной истории Дж. Фридмэн утверждает, что любая история создается ими в совершенно конкретном историческом контексте и осознается как совершенно определенный разрабатываемый ими проект, который преследует ряд целей, а именно: развитие той или иной национальной «самости» и отделение своей собственной идентичности из контекста соседних идентичностей. Создавая историю, националисты, по словам историка, нередко используют и мифические конструкции, которые служат использованию прошлого для укрепления национальной идентичности в настоящем. Латышский национализм (а именно деятельность националистических историков начала XX века) подтверждает эту идею исследователя, так как историки-националисты нередко обращались к мифам, придуманным, правда, их более ранними предшественниками-националистами – поэтами и писателями. При этом конструирование истории несет в себе и следы влияния социальных позиций их создателей – в латышском случае роль социального фактора не вызывает сомнений, так как национальные лозунги латышских националистов нередко тесно смыкались с национальными, особенно – в аграрном вопросе¹⁰⁸.

Латышские националисты, создавая и воображая латышскую национальную историю, в начале XX века все еще руководствовались романтическим и народным (точнее, народо-вским) призывом. Они все еще шли под знаменем «популярной культуры, точнее говоря, культуры простой, при-

митивной, доступной». Создавая историю, латышские националисты брали именно латышские сюжеты. Воображая историю, латышские националисты писали ее для латышей и по-латышски: таким образом, для народа они писали по народному¹⁰⁹. Национальная идея в создании истории ассоциировалось, таким образом, с «обновлением прошлого, с сохранением и интеграцией традиционного»¹¹⁰ в современное общество. При этом в отечественной историографии существует мнение, что национализм, наоборот, влияет на историческое самосознание отрицательно. «Национальная идея абсолютно антиисторична. Поэтому, она находит себе адекватную среду обитания только в смещенном пространственно-временном континууме. Националист черпает свой идеал из прошлого и проецирует его в будущее. Будущее лепится националистом на основе выдуманного вчера»¹¹¹, - пишет отечественный историк В.А. Михайлов.

В начале XX века латышские националисты продолжали свою активную деятельность, направленную на развитие народного образования, начатую во второй половине XIX столетия¹¹², так как осознали, что именно школа является одним из важнейших институтов, которые способствуют развитию национального самосознания и культивированию идеи «Латвии». Одним из виднейших латышских национально мыслящих педагогов на данном этапе был Карлис Декенс (1866 – 1942), который поддерживал творческие поиски латышского учительства и издавал учебники на латышском языке¹¹³. Численность школ в регионах Латвии была различной – например, в 1911 году в Видземе численность школ и учащихся составляло соответственно 802 и 56175, в Курземе – 621 и 42860, в Латгале – 352 и 19009. В 1906 в Латвии было разрешено в течение двух первых лет обучения преподавание на родном языке. Латышские националисты восприняли это решение правительства без особого энтузиазма. По данной причине, преподавание на латышском языке имело место и после второго класса, так как далеко не все учителя хорошо владели латышским языком¹¹⁴.

Латышская культура обретает черты современной латышской культуры. Как отмечает современная украинская исследовательница Т. Гундорова, модернизм, как правило, в новых культурах всегда ассоциировался с национализмом. Модернизм в данном случае содержал значительный культурно-национальный подтекст. Модернизм был важен, так как «легализовал идеи народности национальной культуры». Более того, именно модернизм способствовал окончательному утверждению национальной культуры. Используя терминологию Т. Гундоровой, модернизм привел к утверждению принципа: латышский народ - новая культура, латышская национальность - новая эстетика¹¹⁵.

В целом деятельность латышских националистов в области развития культуры в XX веке продолжала традиции их предшественников – идеологов младолатышского движения. В начале XX столетия латышская культура уже перестала быть культурой крестьянства и низших городских слоев.

Латышская культура стала «культурой европейского уровня»¹¹⁶. Кроме этого самобытность и самодостаточность латышской национальной культуры подчеркивалась попытками националистов доказать, что латыши имеют свою национальную историю. Последнее можно рассматривать, согласно С. Фишеру-Галати, как своего рода «ре-открытие национального прошлого» или «rediscovery of national past»¹¹⁷. При этом культура латышей вышла на качественно новый этап развития, способствуя уже не только сохранению национальной идентичности, но и формированию тенденций направленных на создание независимого Латвийского государства.

Рассмотренные выше проблемы истории латышского национализма говорят о том, что латышское националистическое движение определенных результатов. Латыши превратились в значительную политическую силу на территории Латвии. Возникло само понятие «Латвия». Латыши стали вытеснять немцев из общественно-политической жизни региона. Кроме этого активность латышской национальной интеллигенции была замечена и на общеимперском уровне, и она начинает восприниматься как часть интеллигенции Российской Империи в целом.

Вместе с тем, национальное движение подошло к началу мировой войны в некоторой степени ослабленным: оно было «обезоружено интернационалистскими доктринами социализма и либерализма», что было характерно для большинства национальных движений в Российской Империи, которые получили новых конкурентов в лице местных социал-демократов и либералов. Латышская интеллигенция, подобно интеллигенциям других народов Империи, начала проявлять интерес к социал-демократии. При этом тенденция к росту популярности среди латышской интеллигенции левых социал-демократических идей была опасна, так как национальные цели не были достигнуты, а уровень социального развития не был настолько высок, что способствовал бы избежанию радикализации общества и социальных столкновений. По данной причине, в новейшей историографии было показано, что социализм в ряде регионов «выбил национальный инстинкт» у национальных движений.

Несмотря на это, в первой четверти XX века началась институционализация латышского националистического движения. Под институционализацией национализма в данном случае следует понимать превращение национальных идей и принципов в арсенал средств конкретной политической деятельности. В первые годы XX столетия возникли и начали действовать латышские политические партии. Латышские националисты стали принимать более активное участие и в политической жизни Российской Империи в целом. Этому способствовало то, что они получили возможность избираться в Государственную Думу и принимать участие в ее деятельности. Таким образом, в начале XX века развитие национального движения шло нарастающими темпами. Участие России в Первой мировой войне лишь ускорило эти процессы.

- ¹ По данной проблеме существует ряд работ, написанных еще в период советской оккупации, которые к настоящему времени представляют лишь историографический интерес. См.: Apine I. *Latviešu buržuaziskā nacionālisma prettātiskā būtība*. 1900. - 1919 / I. Apine. - R., 1975; Ozoliņa D. *Par Latvijas pilsētu nacionālo grupu ekonomiskajām pozīcijām pirmā pasaules kara priekšvara* / D. Ozoliņa // *LPSR ZA Vēstis*. - 1971. - No 12; Ozoliņa D. *Rīgas "pilsētas tēvi" un viņu komunālā politika 1877. - 1913* / D. Ozoliņa. - R., 1976.
- ² Сріблянський М. На сучасні теми (націоналізм і мистецтво) / М. Сріблянський // *Українська хата*. - 1910. № 11. - С. 684.
- ³ Крупников П.Я. Прибалтийско-немецкий поэт Виктор фон Андреянов в оппозиции к остзейскому обществу / П.Я. Крупников // *Германия и Прибалтика: проблемы политических и культурных связей*. - Рига, 1985. - С. 107 - 114.
- ⁴ *Zeitgeist*. - 1895. - 17 June.
- ⁵ Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения / В.А. Михайлов. - Саратов, 1993. - С. 6.
- ⁶ Dopkewitsch H. *Die Entwicklung des lettlandischen Staatsgedenkens bis 1918* / H. Dopkewitsch. - Berlin, 1936.
- ⁷ Krestić V.D. *Through Genocide to a Greater Croatia* / V.D.Krestić. - Belgrade, 1998. - P. 25.
- ⁸ Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. - С. 58.
- ⁹ Крастынь Я.П. Революция 1905 – 1907 годов в Латвии. - С. 38.
- ¹⁰ *Rīgas Avīze*. - 1903. - No 3.
- ¹¹ Об Апсишу Екабс см.: Вилсон А. Апсишу Екаб / А. Вилсон // *История латышской литературы*. - Т. 1. - Рига, 1971. - С. 224 - 233; Крупникова М. Апсишу Екаб / М. Крупникова // *Апсишу Екаб Избранное*. - Рига. 1954.
- ¹² Сниппе В.Я. Лютеранская идеология в Латвии (1920 – 1940) и ее критика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.Я. Сниппе. - Рига, 1972. - С. 13 – 14.
- ¹³ *Ateistiskā audzināšana*. - R., 1978. - lpp. 146.
- ¹⁴ Крип'якевич И. Побут. - С. 184.
- ¹⁵ Balevics Z. *Katolicisms Latvijas sociālpolitiskajā vēsturē* / Z. Balevics. - R., 1978.
- ¹⁶ Подмазов А.А. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления (на материалах Латвийской ССР) / А.А. Подмазов. - Рига, 1985. - С. 6.
- ¹⁷ О Латгалі см.: Valters M. *Latvija un Latgola. Kulturvēsturiskie materiāli* / M. Valters. [n.p.], 1955. Springovičs Z. *Latgaļe un katoļu baznīca* / Z. Springovičs. - R., 1961.
- ¹⁸ Balevics Z. *Katolicisms Latvijas sociālpolitiskajā vēsturē* / Z. Balevics. - R., 1978. - lpp. 17.
- ¹⁹ *Turpat*. - lpp. 25. – 27.
- ²⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм. - С. 161, 173.
- ²¹ Kemps F. *Latgalieši* / F.Kemps. - R., 1910.
- ²² *Daugavas katoļu kalendārs 1903.g.* - R., 1902.
- ²³ *Daugavas katoļu kalendārs 1904.g.* - R., 1903.
- ²⁴ Bukšs M. *Latgaļu volūdas un Tautas Izplateības Problemas* / M. Bukšs. - München, 1961.
- ²⁵ Bukšs M. *Latgaļu literatūras vēsture* / M. Bukšs. - München, 1957.
- ²⁶ Skrinda O. *Latwīšu woludas gramatika* / M. Bukšs. - Peterburgā, 1908.
- ²⁷ Endzelīns J. *Latvieši un latgalieši* / J. Endzelīns // *Dzimtenes Wehstnesis*. - 1913. - No 295. - lpp. 9.
- ²⁸ Endzelīns J. *Piezīmes* / J. Endzelīns // *Dzimtenes Wehstnesis*. - 1914. - No 20.
- ²⁹ *Latwija*. - 1908. - No 183.

- ³⁰ Endzelīns J. Latvieši un latgalieši. - lpp. 10.
- ³¹ Индрикис (Indriķis) – латышский автор, один из первых латышских «писателей», средневековый хронист, написавший на латыни «Хронику Ливонии». В отечественной и немецкой историографии известен как Генрих – Латыш или Генрих Латвийский.
- ³² Endzelīns J. Latvieši un latgalieši. - lpp. 11.
- ³³ Богодицкий В.А. Очерки по языкознанию и русскому языку / В.А.Богодицкий. - Казань, 1909.
- ³⁴ Журнал министерства народного просвещения. - 1909. - Сер. XXIII. - Сентябрь. - № 2. - С. 195.
- ³⁵ Lieven A. The Baltic Revolution. - P. 49, 117.
- ³⁶ См. Dzimtenes Wehstnesis. - 1915. - 12.febr.
- ³⁷ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 26.
- ³⁸ Horvat J. Politička povijest hrvatske / J. Horvat. - Zagreb, 1936. - S. 109.
- ³⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 229.
- ⁴⁰ О Янисе Эндзелинсе см.: Грабис Р.Я. Я. Эндзелин и развитие латышского языкознания / Р.Я. Грабис // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Я. Эндзелина. - Рига, 1973. - С. 3 – 12.
- ⁴¹ Endzelihns J. Par "latweeschu" wardu / J. Endzelihns // Dzimtenes Wehstnesis. - 1914. - No 88. - lpp.3.
- ⁴² Скалбе К. Лодочник / К. Скалбе // На вешних ветрах. Латышская классическая поэзия. - М., 1988. - С. 156.
- ⁴³ Скалбе К. Несказанные слова / К. Скалбе // На вешних ветрах. - С. 173.
- ⁴⁴ Скалбе К. На Родине / К. Скалбе // На вешних ветрах. С. 152.
- ⁴⁵ Скалбе К. Отчий дом / К. Скалбе // На вешних ветрах. С. 152.
- ⁴⁶ Hlinomaz M. Ke stopádesatileti pojmu "česko slovensko" / M. Hlinomaz // Demografie. - 1988. - No. 1. - S. 10 – 17.
- ⁴⁷ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. - М., 1989. - С. 95.
- ⁴⁸ По данной проблеме в отношении региона Восточной Европы в целом см.: Мыльников А.С. Народы ... - С. 37.
- ⁴⁹ Niedra A. Līduma dūmos / A. Niedra. - R., 1901 (1992).
- ⁵⁰ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 118.
- ⁵¹ Лабренце В. Литература периода нового времени / в. Лабренце // История латышской литературы. - Т.1. - С. 94.
- ⁵² О политизации культуры см.: Бойко О.Д. Історія України / О.Д. Бойко. - Київ, 2004. - С. 279.
- ⁵³ Валескалн И. Очерк истории развития прогрессивной общественно-философской мысли в Латвии / И. Валескалн. - Рига, 1969. С. 176.
- ⁵⁴ Valters M. Ap vēsturisko materiālismu / M. Valters // Dzimtenes Vēstnesis. - 1910. - No 279.
- ⁵⁵ О данном периоде в развитии национальной литературы см.: Лабренце В. Литература периода буржуазно-демократических революций / В. Лабренце // История латышской литературы. - Рига. - 1971. - Т. 1. - С. 119 - 165. См. так же: Lams E. Mužīgais romantisms: Jaņa Akuraterā dzīves un dailrades lappuses / E. Lams. – Rīga, 2003.
- ⁵⁶ Радзикевич В. Письменство / В. Радзикевич // Історія української культури / ред. І. Крип'якевич. - Київ, 2002. - С. 301.
- ⁵⁷ Dzelme. - 1906. - No 5.
- ⁵⁸ Веси. - 1904. - № 7.

- ⁵⁹ Dzelme. - 1907. - No 3.
- ⁶⁰ Dzelme. - 1907. - No 5.
- ⁶¹ Jansons-Brauns J. Fauni vai klauni? / J. Jansons-Brauns. - Pēterburga, 1908. - lpp. 13.
- ⁶² Upīts A. Latviešu jaunākās rakstniecības vēsture / A.Upīts. - R., 1911. - lpp. 264.; Upīts A. Mazās tautas krievu rakstniecībā / A.Upīts. // Jaunais vārds. - 1916. - No 173.
- ⁶³ Грінченко Б. Кулішеві твори і сільські читачі / Б. Грінченко. - Київ, 1906. - С. 32.
- ⁶⁴ Вартовий П. (Гринченко Б.) Лист з України Наддніпрянської / П. Вартовий. - Київ, 1917. - С. 173.
- ⁶⁵ Mauriņa Z. Fr. Bārdas pasaule un skats / Z. Mauriņa. - R., 1939.
- ⁶⁶ Антология латышской поэзии. - Рига, 1955. - С. 307.
- ⁶⁷ Лабренце В. Литература периода буржуазно-демократических революций. - С. 161 – 162.
- ⁶⁸ Барда Ф. Сын земли / Ф. Барда // Даугава. - 1980. - № 1. - С. 91
- ⁶⁹ Барда Ф. Мой плуг / Ф. Барда // На вешних ветрах. Латышская классическая поэзия. - М., 1988. - С. 186; его же: Вечерняя молитва мальчонки // Там же. - С. 202 – 203; его же: Отец небесный вешним вечером // Там же. - С. 203 – 204; его же: Латышские дайны // Там же. - С. 209.
- ⁷⁰ Григулис А. Фрицис Барда и его поэзия / А. Григулис // Даугава. - 1980. - № 1. - С. 88 – 89.
- ⁷¹ О Карлисе Скалбе см.: Янсон А. Карлис Скалбе / А. Янсон // История латышской литературы. - Рига, 1971. - Т. 1. - С. 420 - 427.
- ⁷² Лабренце В. Литература периода буржуазно-демократических революций. - С. 163.
- ⁷³ Лайцен Л. Церковь / Л. Лайцен // Антология латышской поэзии. - С. 399.
- ⁷⁴ Данько М. Пять років відродження російської України / М. Данько // Молода Україна. - 1910. - Ч. 4 - 5. - С. 145.
- ⁷⁵ О деятельности Яниса Эндзелинса см.: Розенбергс Я. Янис Эндзелин сквозь призму времени / Я. Розенбергс // Latvijas delegācijas referāti XII startautiskajam slāvistu kongresam (Krakova, 27. 08. 1998. – 02. 09. 1998.). - R., 1998. - lpp. 46. – 51.
- ⁷⁶ Adamovičs L. Kārlis Mīlenbahs. Latviešu zinātnieka izglītības gaita, dzīve un mūža darbs / L. Adamovičs. - R., 1927; Blese E. Kārlis Milenbahs. 10. gadu nāves dienas piemiņai / E. Blese // LG. - 1926. - burtnīca 3. - lpp. 161. – 166.; burtnīca 4. - lpp. 252. – 258.
- ⁷⁷ Порите Т.Г. Главные источники и критерии, использованные Я. Эндзелином при установлении норм латышского литературного языка / Т.Г. Порите // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Я. Эндзелина. - Рига, 1973. - С. 13 – 17.
- ⁷⁸ О соотношении языков в национальных движениях в билингвальных регионах см.: Zwitter R. Slovenski politični prerod XIX st. v okviru evropske nacionalne problematike / R. Zwitter // Zgodovinski časopis, 1964. - Ljubljana. 1965.
- ⁷⁹ Мыльников А.С. Культура чешского Возрождения / А.С. Мыльников. - Л., 1982. - С. 115.
- ⁸⁰ О роли языка в национальных движениях см.: Матула В. Характеристика процесса формирования нации у словаков / В. Матула // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 88 – 89.
- ⁸¹ Эндзелин Я. Введение в языкознание / Я. Эндзелин. - СПб., 1910. - С. 4, 10, 15.
- ⁸² Ārons M. Latviešu Literatūriskā Biedrība savā simts gadu darbā / M. Ārons. - R., 1929. - lpp. 67.
- ⁸³ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - II sej. - lpp. 320.

- ⁸⁴ Skujiņa V. Endzelīna devums latviešu valodas zinātniskās terminoloģijas attīstībā / V. Skujiņa // *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. - Sēj. 8. - R., 1972.
- ⁸⁵ Эндзелин Я. О родственных отношениях латышских говоров к литовским / Я. Эндзелин // *Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности*. - 1908. - № 4. - С. 176 – 194.
- ⁸⁶ Эндзелин Я. О происхождении литовско-латышского *ie* / Я. Эндзелин // *Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности*. - 1907. - № 1. - С. 40 – 66.
- ⁸⁷ Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettische Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert / A. Bielenstein. - SPb., 1892.
- ⁸⁸ *Lettisches-Deutsches Wörterbuch von Bischof Dr. Carl Christian Ulmann*. - Riga, 1872.
- ⁸⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - С. 105 – 106.
- ⁹⁰ Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union / R.G. Suny. - Stanford, 1993. - P. 6.
- ⁹¹ Malcolm X. On Afro-Americans History / X. Malcolm. - Pathfinder, 1990. - P. 12.
- ⁹² См.: Krapauskas V. Nationalism and Historiography / V. Krapauskas. - Boulder, 2000; Lindner R. Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. Und 20. Jahrhundert / R. Lindner. - München, 1999; Velychenko St. National History as Cultural Process. The Interpretation of Ukraine's Past in Polish Russian and Ukrainian Historical Writing. From Earliest Times to 1914 / St. Velychenko. - Edmonton, 1992.
- ⁹³ Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 236.
- ⁹⁴ См.: Ohliger R. Beyond the National Narrative: Europeanizing Migration History – Narrating Europe from its Margins / R. Ohliger // *Ab Imperio*. - 2003. - No 2. - P. 71.
- ⁹⁵ Klaustiņš R. Kā Egils Skalgarimesons braucis vikingos uz Kurzeme / R. Klaustiņš // *Druva*. - 1914. - No 1.
- ⁹⁶ См.: Kolonists Ķoniņi // *Zinātnes un rakstniecības žurnāla mēnešraksts*. - 1908. - No 2.; статью К. Петерсонса см. в сборнике: *Zinību komisijas rakstu krājums*. - Sej. 16. - R., 1912.
- ⁹⁷ Баллод Ф.В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие / Ф.В. Баллод // *Записки Московского археологического института*. - Т. VIII. - М., 1910.
- ⁹⁸ Баллод Ф. Беверинские раскопки / Ф. Баллод // *Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда*. - М., 1911.
- ⁹⁹ О роли использования истории и исторической науки в национальных движениях см.: Ратнер Н.Д. Особенности пангерманизма в Австрии в конце XIX века / Н.Д. Ратнер // *Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах*. - М., 1970. - С. 238.
- ¹⁰⁰ *Latwija*. - 1910. - No 42. - lpp. 3.
- ¹⁰¹ Endzelīns J. Vai Baltijā ir dzīvojuši ķelti? / J. Endzelīns // *Dzimtenes Wehstnesis*. - 1911. - No 227.
- ¹⁰² Endzelīns J. Piemetinājumi rakstam par ķeltiem Baltijā / J. Endzelīns // *Dzimtenes Wehstnesis*. - 1911. - No 231.
- ¹⁰³ Эндзелин Я. Отчет о летней командировке 1912 года в Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губернии для изучения латышских говоров / Я. Эндзелин // *Записки Императорского Харьковского Университета*. - 1913. - Т. I. - С. 19 – 22.
- ¹⁰⁴ Субтельный О. Украина. История / О. Субтельный. - Киев, 1994. - С. 289.
- ¹⁰⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - С. 67.

-
- ¹⁰⁶ Кошовий О. (Кониський О.) Коли ж виясниться? (За проводом повісті Н. Левицького «Хмари») / О. Кошовий // Правда. - 1875. - № 19. - С. 768.
- ¹⁰⁷ Гундорова Т. Проявлення Слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація / Т. Гундорова. - Львів, 1997. - С.41.
- ¹⁰⁸ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. - 2001. - № 1. - Р. 41.
- ¹⁰⁹ Сріблянський М. Апотеоза примітивній культурі / М. Сріблянський // Українська хата. - 1912. - № 6. - С. 354.
- ¹¹⁰ Гундорова Т. Проявлення Слова. - С. 58.
- ¹¹¹ Михайлов В.А. Суб'єктивні основи національного движенья. - С. 85.
- ¹¹² Руберт Я., Микельсон Р. Школа и педагогической мысли в Латвии / Я. Руберт, Р. Микельсон // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. - М., 1976. - С. 425 – 434.
- ¹¹³ Usiņš V. Karļa Dēķa pedagogiskie uzskati. / V. Usiņš. - R., 1975.
- ¹¹⁴ Анспак Я., Рубертс Я. Школа и педагогическая мысль в Латвии / Я. Анспак, Я. Рубертс // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX века. - М., 1991. - С. 353 – 354, 359.
- ¹¹⁵ Гундорова Т. Проявлення Слова. - С. 32.
- ¹¹⁶ Чуркина И.В. Словенская культура в период романтизма / И.В. Чуркина // Становление национальной классики. Культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20 – 70-е годы XIX века. - М., 1991. - С. 167.
- ¹¹⁷ Fischer-Galati S. Romanian Nationalism / S. Fischer-Galati // Nationalism in Eastern Europe. - L., 1994. - P. 374.

1914 – 1920: ЛАТЫШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ МЕЖДУ ИМПЕРИЯМИ, РЕСПУБЛИКАМИ И ВОЙНАМИ

Еще большей активизации латышского национального движения способствовало участие России в Первой мировой войне. Наряду с латышским движением активизировался и русский национализм¹. Все это привело к тому, что в латвийском обществе все более популярной становится идея латвийской независимости, которая и стала «властителем дум» латышских националистов на протяжении 1914 – 1918 годов². Само участие в войне для России было не чем иным как «проявлением националистических устремлений традиционной российской внешней политики»³.

В 1921 году Уга Скулме⁴ в статье «Национальное искусство и путь живописи» писала, что «война разбудила вулкан латышского национального самосознания»⁵. К 1914 году латышский национализм координально отличался от той формы, в которой он существовал на момент своего возникновения. Претерпела изменения и сама Российская Империя, в том числе и Латвия. К 1914 году была уже подорвана как политическая, так и экономическая монополия немцев на господство и управление регионом. Латыши стали активной политической силой. Латышские националисты смогли создать свои политические партии, добиться представительства в Государственной Думе. Именно в таком состоянии латышский национализм и встретил начало Первой мировой войны, что открыло качественно новый этап в его развитии и привело, в конечном счете, к созданию независимого Латвийского государства.

Латышский национализм с особой силой смог заявить о себе и в годы Первой мировой войны⁶, вызванной от части и тем, что Восточная Европа оставалась поделенной между тремя полиэтническими империями⁷, когда сложились более благоприятные условия для его развития. Латышские националисты, с одной стороны, стали более активны в борьбе за свои интересы, с другой, они использовали малейшую возможность, чтобы представить свои идеи русской публике. Формой этой политической самопрезентации стало издание на русском языке работ и сочинений деятелей латышского движения⁸.

Первая мировая война стала важнейшим фактором, который усилил многочисленные конфликты, существовавшие во внутренней жизни Российской Империи, особенно - национальные конфликты. При этом изменения в отношениях между русскими и всеми остальными, между разными народами Империи, привнесенные войной, имели качественный характер. Именно Первая мировая война стала водоразделом в отношениях между русскими и нерусскими⁹ - латышами и русскими, немцами и латышами.

Рост активности латышских националистов показал, что интернационалисты недооценивали силы и потенциал национальной интеграции¹⁰. Латышские националисты понимали, что победа Германии отодвинет пер-

спективы создания независимой или автономной Латвии на неопределенный срок и уничтожит все их достижения, связанные с развитием культуры, просвещения и национального самосознания¹¹. Именно по этой причине, латышские консерваторы-националисты начали антинемецкую кампанию наряду с русскими националистами, в рамках которой немцы изображались почти исключительно как «творцы большого зла»¹². Когда латышские авторы писали о немцах, единственными проявлениями немецкой нации, были «несправедливость, варварство и милитаризм»¹³. Даже левые авторы, например Я. Данишевскис¹⁴, писали о том, что «мощь прусского милитаризма и юнкерства надо сломить», так как она «не должна победить»¹⁵. Это стало проявлением слияния «государственного патриотизма» с «негосударственным национализмом»¹⁶. В качестве первого выступили идеи приверженности российской монархии и преданности династии Романовых как защитникам всех народов империи, в том числе и латышей, от немцев; а второго – латышские националистические концепции, которые и без начала мировой войны имели антинемецкую направленность.

В 1914 году депутат Государственной Думы Я. Голдманис критиковал немецкую печать, называя публикации в Германии «истошными воплями о якобы имеющих место латышских зверствах». Кроме этого Голдманис обвинял Германию в том, что она собиралась напасть на Россию в 1905 году и оккупировать Латвию¹⁷. Голдманис в одном из выступлений говорил: «один из первых выстрелов неприятеля прогремел в том краю, представителем которого я являюсь. Но повелитель Германии глубоко ошибался, если полагал, что эти выстрелы вызовут сочувствие у местного населения и враждебные выступления против России. В ответ на этот выстрел латыши ответили одно: "Да здравствует Россия!" Среди латышей нет ни одного человека, который бы сомневался в том, что ими достигнуто в смысле благосостоянии достигнуто только под защитой Русского Орла»¹⁸.

В том же 1914 году с антинемецкой националистической статьей «Как немцы тщатся доказать, что Балтия древняя немецкая земля» в газете «Вестник Отечества» выступил Янис Эндзелинс. Статья говорит о том, что Эндзелинс, будучи националистом, особых симпатий к балтийским немцам не питал, а к их излишне гипертрофированной властной роли относился негативно. Как латышскому патриоту ему не нравились германские идеи об ущербности и неполноценности латышей и попытки немецкой балтийской и немецкой печати вообще доказать, что балтийские земли представляют собой исконно германские территории. По данной причине, Эндзелинс изображал немцев-германцев как безжалостных завоевателей и жестоких колонизаторов. Особенно неприятны для него были немецкие утверждения, в соответствии с которыми «латыши и эстонцы выдаются за чужаков, а немцы за истинных и древних обитателей» балтийского побережья¹⁹.

Гопперс, ставший позднее генералом латвийской армии, к началу Первой мировой войны высказывал мнение, что Германия вообще стремится к уничтожению латышской нации, к ее полной германизации²⁰. Латышские консерваторы перевели на латышский язык и антинемецкую по своему содержанию книгу Ренникова²¹. Особую же радость в среде латышских консерваторов и националистов вызвал запрет печати на немецком языке. Рост консерватизма и национализма в Латвии признавал и П. Стучка, который констатировал определенные успехи и достижения начавшейся, по его словам, «шовинистической пропаганды»²².

Начало мировой войны способствовало росту латышского национального самосознания, росту националистических идей в латышской среде. Немцы были почти официально объявлены главными врагами латышского национального движения. Параллельно усилились собственно латышские националистические идеи. Признаком усиления латышского национализма на этнической основе стало появление в 1914 году книги Я. Лецса «Арийцы – латыши». Используя широко термин «арийцы-латыши», он пытался доказать что территории Латвии в древности была населена арийскими индийскими племенами²³. Книга вызвала негативные отклики в латышской академической среде: например, Я. Эндзелинс констатировал, что книга написана явно не специалистом и содержит ряд ошибок и неточностей²⁴.

Начало Первой мировой войны привело к возникновению новой тенденции в латышском национализме. Если раннее консерватизм действовал в области формирования политических обществ и партий, то после 1914 года латышские консерваторы заговорили о расширении прав латышских земель в составе Российской империи и о создании собственных вооруженных сил. Созданные части стали известны как «латышские стрелки». Личный состав был настроен консервативно и националистически, полагая, что победа Германии приведет к уничтожению латышской нации, к ее «духовной смерти»²⁵. Такой антинемецкий национализм и активность латышских консерваторов, направленная против Германии нередко поощрялась и стимулировалась российскими властями²⁶.

Развитие и деятельность латышских частей в составе российской армии – проблема достаточно сложная, которую к постепенной большевизации сводить нельзя²⁷. Параллельно с большевизацией шел и рост национализма, особенно в среде офицерства латышских стрелковых частей, переформированных к 1916 году в дивизию. Наиболее яркими носителями национализма и антибольшевизма были К. Гопперс и Ф. Бредис, которые, пытаясь предотвратить большевизацию, инициировали создание ударных частей. Другой инициативой Бредиса и Гопперса было создание первой латышской военно-националистической организации “Национального союза латышских воинов”²⁸.

Появление латышских частей в составе российской армии в историографии никогда не получало однозначной оценки. В Латвии до 1940 года

господствовало мнение, что стрелки воевали за национальную независимость Латвии и были носителями латышской национальной идеи. Первым подобное мнение в 1916 году выразил известный латышский писатель Карлис Скалбе²⁹. В том же 1916 году появилась работа А. Тупиньша «На острове смерти», посвященная боям у икшкильского предмостного укрепления. Тупиньш почти прямо писал о том, что стрелки – это борцы за создание независимого Латвийского государства. Военные действия с их участием он описывал как латышский Верден³⁰. Другую свою небольшую работу «В Тирельских болотах» А. Тупиньш посвятил так называемым «рождественским боям»³¹. Подобные националистические интерпретации присутствуют в книгах Я. Пориетиса («Хожение по мукам»³², «Восемь звезд»³³) и К. Упитса («Путь полковника Фр. Бриедиса на Голгофу»)³⁴.

Аналогичные идеи представлены и в работах историков Латышского Зарубежья. Они писали о латышских стрелках как о латышских националистах. Особо свое внимание они акцентировали на антикоммунизме и на их антирусских идеях. Подобные настроения господствуют в сборниках вышедших под редакцией Я. Голдманиса и Э. Медниса – «Сияние северных полков» и «Латышские стрелки в свете вечности»³⁵. У. Германис отрицал значительную роль среди стрелков левых идей, видя в них националистов³⁶. Национализм преобладают в оценках и выводах еще одного историка – Э. Андерсона³⁷. Советские авторы к подобным исследованиям относились крайне негативно – они рассматривали их как фальсификации, искажения истории, «дешевые книжонки» и т.п.³⁸. Вместо этого латышские стрелки изображались в советской историографии как классово сознательные люди, последовательные борцы с царизмом и буржуазией, сторонники революционного пути развития и как самая прогрессивная сила в политической жизни Латвии в период Первой мировой войны³⁹. Историки советского периода предпочитали, как правило, писать о том, что латышские части были созданы для борьбы против германского империализма и были исполнены желания освободить Курземе от немцев – заклятых врагов латышского народа⁴⁰. Согласно В. Аписитису, латышские батальоны – результат инициативы латышской национальной буржуазии⁴¹.

Отдаление от Родины способствовало национальному сближению латышей, что понималось, по словам Н. Бэрона и П. Катрэллы, «патриотическими лидерами» и «латышской патриотической интеллигенцией»⁴². Кристапс Бахманис, например, отмечал, что именно несчастье, под которым он понимал войну, соединило вместе сотни и тысячи латышей, перед которыми поставлена новая цель – разрушить все препятствия стоящие на пути латышей ради объединения в рамках нового сообщества, роль которого, скорее всего, должно было играть независимое латышское государство⁴³. Кр. Бахманис считал, что перед представителями латышской интеллектуальной элиты, оказавшейся вне Латвии, но в России, стоит задача «уверить латышей в том, что они не потеряют своей национальной идентичности»⁴⁴.

На волне национализма и патриотизма латышские националисты стали воспевать Латвию и широко критиковать прибалтийских немцев и Германию, как их союзницу и покровительницу. Латышский националистически настроенный поэт Андрейс Курцийс писал, что по причине захвата немцами ряда латышских территорий их положение резко ухудшилось, и они находятся в кризисном состоянии. В одном из своих стихотворений А. Курцийс, например, писал о страданиях Латвии и латышей под немецким господством, о немецкой жестокости и антилатышской политике, которая, по его словам вела исключительно к упадку Латвии⁴⁵. К началу Первой мировой войны в латышском национальном освободительном движении произошли значительные изменения. С одной стороны, продолжилось развитие национализма, который был направлен против немцев и евреев. С другой стороны, латышские консерваторы и националисты уже перестали довольствоваться их статусом в составе Российской Империи. Латвия на данном этапе, по терминологии И.С. Миллера, была на пути к «реальной государственности»⁴⁶.

В ходе войны, к 1917-1918 годам сложились предпосылки для создания независимого Латвийского государства, где значительная роль в политической жизни стала принадлежать именно консервативным и националистическим, как светским, так и религиозным, силам. Возникновение подобных настроений в латышском обществе во многом подтверждает теорию польского исследователя национальных движений Ю. Хлебовчика, который считал, что важнейший элемент любого национального движения – создание собственной независимой государственности⁴⁷. Развитие идеи создания латышской государственности стимулировалось тем, что в Европе шло развитие новых национальных государств, с состоянием которых латышские националисты в Российской Империи знали и были знакомы с национальными процессами в Центральной и Юго-Восточной Европе⁴⁸. На данном этапе изменилось восприятие государства. Оно стало рассматриваться как важнейший центр нации, элемент ее сплочения и организации⁴⁹.

В 1914 – 1918 годах латыши осознали, что решение проблемы обретения независимости зависит от них самих. Если Австрия, по словам сербского историка В. Чубриловича, была государством, которое не могло дать австрийским сербам независимость⁵⁰, то для латышей таких государств, препятствующих латышской независимости, было два – Российская и Германская Империи. Тем не менее, на территории Латвии сложились предпосылки для создания независимого Латвийского Государства. Первые в их ряду – это материально-организационные или социально-экономические предпосылки, которые состояли в складывании на территории Латвии основ развитого промышленного и сельскохозяйственного производства с различными специализациями, аппаратом управления и инфраструктурой. Существовали и политические предпосылки, которые сводились к нали-

цию латышской национальной политической элиты и политических партий⁵¹.

Таким образом, начало XX века – особый этап в истории латышского национализма, это время, когда национализм был не просто подлинной политической силой, а движением, которое ставило вопрос уже о достижении политической независимости, создания независимой Латвии. Как отмечает украинский историк Я. Грыцак подобные идеи на данном этапе «были написаны таким радикальным тоном и отличались от большинства современных им писаний, что, казалось, что они созданы пришельцами с другой планеты»⁵².

Это стало результатом роста национального самосознания, что вело к противопоставлению латышей как членов одной нации членам других этнических сообществ, главным образом, немцам и русским; в меньшей степени – евреям и полякам. Латыши уже имели развитое чувство общности, что порождало «чувство национальной перспективы», которое, в свою очередь, стимулировалось двумя аспектами национального самосознания – дивергентным и консолидирующим. Второй объединял латышей как обывателей, превращал их в «латышей» как нацию; первый – выделял и отделял от соседних, этнически и культурно чуждых, наций⁵³.

Именно по данной причине, эти годы в истории латышского национализма привлекали особое внимание исследователей. Анализируя национализм начала XX века, В. Мишке связывал националистическое движение с развитием капитализма и стремлением латышской буржуазии избавиться от своего главного конкурента, которым являлись латышские немцы. Однако, Мишке критиковал младолатышей с марксистских позиций, считая движение исторически незавершенным, так как революционная тенденция в его рамках была слаба. Деятелей национального движения он называл буржуазными либералами, реакционерами, националистами, верными проводниками царской политики, черносотенцами, «противниками всякого прогресса, которые, обделывая свои дела, всячески поощряли богобоязнь». В концепции Мишке есть и явные идеологические концепты – он, в частности, уверял в том, что поздние младолатыши пошли на союз с немцами, протянули им, по его словам, «руку помощи в борьбе с революционным движением». Поздних представителей движения он рассматривает не иначе как «дельцов, для которых существовал один идеал – денежный мешок», ради коего они и занимались только тем, что вымогали «последние рубли» у бедного, всеми угнетаемого, латышского крестьянства⁵⁴.

К началу XX века латыши перестали быть нацией крестьян. Значительно усилилось латышское национальное самосознание. При этом латыши продолжали оставаться лишенными не только политической независимости, но и какой-либо территориально-административной оформленности по образцу существовавшей в Финляндии. Латыши были скорее Kulturnation. Самосознание латышей в значительной мере базировалось на

наличии определенных достижений в сфере культуры. При этом латышская *Kulturnation*, будучи нацией, динамично развивающейся, имела тенденцию к постепенному преобразованию в *Staatnation* – в нацию, обладающую собственной государственностью⁵⁵.

В начале XX века латышские националисты, став влиятельной политической силой, так и не смогли окончательно сломить немецкое влияние, хотя в его подрыве они достигли определенных успехов. Немцы не были ассимилированы латышами как нация, но немецкое политическое и экономическое влияние постепенно перестало быть германским, став латышским. «Этнические культуры гораздо эффективнее сопротивляются процессам размывания и дестабилизации, чем социально-классовые», – так комментирует этот феномен Г.Г. Дилигенский⁵⁶. В историографии существует мнение, что влияние национализма, в какой бы то ни было форме может быть только отрицательным. Ряд отечественных историков считает, что национализм не несет в себе ничего позитивного. Подобные идеи в отечественной историографии господствовали в советский период. Ряд советских авторов считал, что националисты вносили раскол в общедемократический лагерь национального движения⁵⁷. В 1990-е годы данные позиции еще не утратили своей силы и были характерны для исследований первой половины 1990-х годов.

«Национальное движение производит в социальной структуре настоящий переворот – упрощается и примитивизируется социальная структура, общественное сознание редуцируется до архаичных форм, духовное производство начинает производить бездуховную продукцию: распространяется черно-белое мышление, прививается крайне зауженная система ценностей»⁵⁸, – писал в 1993 году отечественный исследователь В.А. Михайлов. В данном случае негативное значение национального движения явно преувеличено: национализм, наоборот, разрушает архаичные донациональные феодальные формы организации и самосознания, ведет, тем самым, к объективному усложнению политических отношений и выработке новых культурных ценностей. При этом именно благодаря заслугам национального движения в Латвии к этому времени уже существовала латышская нация. Латыши на данном этапе уже представляли собой «имеющее определенное наименование человеческое население, совместно владеющее исторической территорией, общими мифами и историческими воспоминаниями, обладающее массовой народной культурой, общей экономикой и общими законными нравами и обязанностями для всех»⁵⁹. Латыши представляли собой совокупность «дружественных слоев, связанных общими интересами»⁶⁰. По данной причине латыши сохранились как нация и не были ассимилированы соседними народами. Краху русификации способствовали религиозные отличия латышей от русских. Германизация так же не приносила результатов и, скорее всего, в первые годы XX века наметился обратный процесс, который отечественный историк В.И. Фрейдзон

определяет как «возвращение в национальную среду раннее германизированные»⁶¹. В начале XX века в развитии латышского национализма имели место серьезные изменения. Национализм в Латвии достиг немалых успехов. Его значение возросло настолько, что мы можем применить термин, предложенный американским болгарским историком Марином Пандеффым для обозначения значительных успехов национального движения. Согласно М. Пандеффу подобные достижения могут быть определены как «националистический триумф», который проявился в достижении латышами значительного уровня «национальной унификации»⁶².

В начале XX века стали очевидны важнейшие особенности национального латышского движения, которые, вместе с тем, были характерны и для большинства других народов Российской Империи. Эти особенности таковы: демократизм (большинство националистов наряду с национальными лозунгами выдвигали и лозунги политической демократизации); федерализм (национальные движения стремились к децентрализации Империи, но не в форме создания независимого государства, а через получение автономии); европеизм (процессы национального движения в Латвии были аналогичны национальным процессам в Европе); культуростроительство (освободительное движение оказалось тесно связанным с созданием новой национальной культуры); эволюционность (любое национальное движение развивалось как последовательная смена разных фаз). В Латвии уже сложились все условия для создания нового политического организма и неведомый до этого времени термин «национальное государство» стал основной целью ведения политической борьбы. В Латвии латышский национализм по-прежнему имел серьезного и главного противника в лице немецкого национализма, с которым в последующие годы латышские националисты, претерпев радикализацию взглядов, повели борьбу за создание независимого Латвийского государства.

Таким образом, на протяжении начала XX века латышский национализм продолжал оставаться антинемецким. Правда, наряду с немцами российская имперская бюрократия начала восприниматься как враждебная сила. Параллельно начало складывание политического понятия «Латвия». Латвия в сознании латышских национальных идеологов обретает свои границы. Примечательно и то, что в эту латышскую, пока воображаемую, политическую сферу стала включаться и Латгале, раннее почти исключенная из национального движения. Это говорит, с одной стороны, о начале принципиально нового этапа в истории национального движения, а с другой, об оформлении тех границ, в рамках которых национальное движение позднее будет бороться за создание независимой Латвии.

Формирование данного политического концепта ставило перед латышскими националистами новые задачи. Поэтому, наряду с созданием политических партий они начинают писать о необходимости создания латышской автономии. Вместе с тем Латвии придается и особый историче-

ский смысл - в прошлом латышские националисты искали основания для легитимации своих действий в настоящем. При этом создание истории ставило Латвию и латышей в число развитых европейских наций, служило оправданием национального политического движения, превращая его не в бунт масс, а в движение за восстановление исторической справедливости. Это свидетельствует о том, что национальное движение в Латвии почти перестает быть движением культурно-языкового национализма, превращаясь в политический национализм. События Первой мировой войны, рост антинемецких идей лишь усилили эту тенденцию.

Таким образом, в идеологии латышского национального движения в начале XX века имели место принципиально важные изменения. Политизация национальной идеи привела к тому, что национализм из культурной силы превратился в силу политическую. Изменения, вызванные войной и революционными событиями в России, лишь политически усилили и без того достаточно окрепший латышский национализм, который превратился в движущую силу в процессе создания независимого Латвийского государства, что и имело место в 1917 – 1920 гг.

Период 1917 – 1920 годов был один из самых важных этапов в истории Латвии. В 1917 году в России происходит Февральская революция и российское общество наряду с народами бывшей империи получили шанс построить новое более справедливое общество, которое базировалось бы на уважении их национальных и политических прав. Однако большевистский переворот поставил перед нерусскими народами новые проблемы выбора путей политического развития. Политика большевиков вскоре проявила все свои негативные стороны и нерусские народы предпочли создать свои независимые государства. Наряду с другими таким выбором воспользовались и латыши.

Февральская революция привела к значительной активизации нерусских народов, в том числе и латышей, а среди латышских интеллектуалов начинаются активные дискуссии о судьбе латышского движения, перспективах его развития и поиска внешних союзников. Хотя попытки найти понимание в Европе имели место и ранее: например, было организовано Латышское информационное бюро⁶³, а в 1916 году Янис Залитис посетил Англию, Данию и Норвегию, а в Лондоне было создано Общество друзей латышей⁶⁴. Однако, важнейшим вопросом для местных интеллектуалов и политиков был связанный с выбором внешнеполитического ориентира. В 1917 году на территории Латвии появляются новые политические силы в Латвии – в марте создается Курземское Земельное собрание (*Kurzemes Zemes Sapulce*), а летом проходит учредительный конгресс партии Латышский крестьянский союз (*Latviešu Zemnieku Savienība*).

14 сентября 1917 года в латышской газете «*Laika Vēstis*», выходившей в Цесисе, появился материал «О необходимости новой ориентации» («*Par jaunas orientācijas vajadzību*»), который открывался кратким историческим

экскурсом, где рассказывалось о связях Кришьяниса Валдемарса и Фрициса Трейландс-Бривземниекса с русскими славянофилами и о месте революционных событий в Латвии в 1905 году в общероссийском контексте. Вместе с тем признавалось, что в начале XX века зазвучали голоса о возможном отказе от пророссийской ориентации и поиске новых ориентиров. Правда, признавалось, что для Латвии «наиболее симпатична свободная Россия». Но в таком контексте фигурировала и политическая нестабильность в России, что также способствовало тому, что латышские политики постепенно начинали отходить от России⁶⁵.

Несколько позднее, в октябре 1917 года, появилась статья Рейнхолдса Лаздиньша «Новая ориентация» («*Jaunā orientācija*»), в которой он отмечал, что после начала мировой войны и революционных перемен в России латышский вопрос из вопроса внутривнутриполитического превратился в международный. Лаздиньш констатировал и то, что длительное время латышские интеллектуалы и политики были сторонниками предоставления Латвии автономии в составе России. Но то, что территория Латвии была занята немцами изменило ситуацию и латышский вопрос стал составной частью балтийского международного вопроса. Поэтому, Лаздиньш писал о «свободной, независимой и признанной международными договорами Латвии». Лаздиньш характеризует и другие политические проекты, связанные с судьбой Латвии. Он упоминает возможность федерации Латвии и Германии, но предполагает, что в рамках такого государства права латышей будут фиктивными и не будут не признаваться не соблюдаться немцами. Поэтому, Лаздиньш писал о необходимости анализа латышского вопроса как самостоятельной проблемы, указывая на то, что следует принимать во внимание политические интересы в Прибалтике Франции, Великобритании и США и, отталкиваясь уже от этих факторов, искать новые пути для развития Латвии⁶⁶.

Свержение Временного правительства большевиками в результате октябрьского государственного переворота и постенно растущая активность Германии, которая воспользовалась ослаблением российского влияния, привели к активизации внешнеполитической активности латышских интеллектуалов. Октябрьский переворот, приход к власти большевиков и их попытки советизировать латышские территории превратили Россию в наименее привлекательного партнера, на которого следовало бы ориентироваться во внешней политике. Позднее эту судьбу разделила и Германия, правящие круги которой вынашивали планы создания балтийской монархии на территории Латвии и Эстонии во главе с одним из немецких князей, что могло привести к ослаблению латышской политической элиты. Внешнеполитическому отходу Латвии от Германии способствовало и то, что немецкие войска заняли часть латышской территории, а политика германской военной администрации отвечала интересам исключительно Берлина⁶⁷.

В такой ситуации в Латвии более активно начинают действовать местные политические партии, национально и демократически ориентированные деятели которых объединяются в Демократический Блок, ставший основой для Латышского временного национального совета (*Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome*)⁶⁸, первая сессия которого прошла в Валке с 29 ноября по 2 декабря 1917 года. В деятельности ЛВНС приняли участие Адолфс Кливе и А. Добелис (от Временного Совета Курземе), В. Рубулис (от Комитета латгальских беженцев), В. Стрелевичс (от Временного Совета Латгале), Зигмундс Мейеровицс⁶⁹ (от Крестьянского Союза), Я. Палцманис и Янис Акуратерс (от Латышского воинского национального союза). Кроме них, приняли участие приехавшие из Петрограда Я. Залитис, К. Бахманис, К. Скалбе и Я. Рубулис. Именно вышеперечисленные политики и сформировали президиум. На первом заседании председательствовал в прошлом депутат Государственной Думы Янис Голдманис. Он указал, что ЛВНС открыт для политиков национальной и демократической ориентации, готовых к борьбе за объединение латышских земель и к последующей деятельности, направленной на «счастье и будущее Латвии».

Во время первого заседания Кристопс Бахманис говорил о необходимости национального сплочения и консолидации, указывая на то, что латыши сами становятся властителями своей судьбы и от их выбора, который они сделают, будут зависеть будущее нации. Он указывал и на то, что вероятно временно представителям различных партий следует отказаться от политической борьбы и объединиться ради общих национальных целей. Правда, не все участники собрания были полны энтузиазма, и П. Биркертс указывал на ограниченность ресурсов ЛВНС. Поэтому, Фр. Витолиньш отметил, что Совет имеет временный характер до созыва Учредительного Собрания. В свою очередь Карлис Скалбе не разделял такого пессимизма, отмечая, что латыши получили уникальный исторический шанс взять власть на своей земле в свои руки, сплотившись под общедемократическими и национальными лозунгами.

О демократической ориентации ЛВНС говорил и А. Добелис, отметивший, что участники собрания, как правило, являются сторонниками демократии. В целом, в ходе работы ЛВНС были рассмотрены вопросы, относящиеся к началу процессу выработки конституции, определению границ Латвии, выработки политики в отношении латышских колоний, выработка позиции в отношении Учредительного Собрания, созыв которого планировался в России, выработка позиций относительно политики направленной на развитие отношений с другими народами и странами. Во время первой сессии ЛВНС в его составе был учрежден иностранный отдел, который, по мнению современного исследователя А. Лерхиса, и стал началом латышской дипломатической службы⁷⁰.

Кроме этого ЛВНС разработал воззвание направленное в адрес Украины, что свидетельствует о том, что его участники рассматривали себя

правомочными решать не только внутренние проблемы Латвии, но и направлять внешнюю политику активно формирующегося независимого Латвийского государства. Участники ЛВНС приветствовали желание «братского» украинского народа, и представляющей его Центральной Рады, создать свое национальное государство. При этом, в послании фигурировала еще и федералистская идея. Общая направленность резолюций Совета носила национальный и демократический характер. Совет позиционировал себя как представительство «латышских общественных организаций, политических партий и групп». Делегаты кроме этого указывали и на необходимость построения Латвии основываясь на принципе неделимости этнических латышских территорий⁷¹.

В декабре 1917 года ЛВНС принял «Воззвание к латышскому народу» (*Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums latviešu tautai*), которое начиналось констатацией факта, что другие народы, соседи латышей, русские, немцы и поляки, пытаются снова захватить территории Латвии, а латышский голос не слышан и латыши должны громче заявить о себе и о своих правах на родную землю. Авторы воззвания призывали латышей сплотиться в этой общей борьбе и не поступиться ни пядью земли где побывал «латышский плуг и сеялка». Составители отмечали, что в то время как европейские народы имеют опыт борьбы за независимость, «латышские сыны» лишь поднимают свой флаг в этой борьбе за «свободную Латвию». Они выражали уверенность в том, что эта борьба приведет к созданию «свободной единой Латвии»⁷².

В такой ситуации латышские политики начинают искать поддержку со стороны великих держав Запада, о чем позднее некоторые из них писали в своих воспоминаниях⁷³. Поэтому, 21 января 1918 года группа латышских представителей, среди которых были Я. Крейцбергс, З. Мейеровицс и Я. Сескис, встретила с американским послом в Петрограде Дэвисом Р. Фрэнсисом. Представители ЛВНС попытались донести до американского дипломата несколько идей. Значительное внимание они уделили тому, что доказывали права латышей на независимость. В ходе беседы с американским послом, принимая во внимание отдаленность США от Латвии, латышские представители стремились сформировать у американского политика мнение, что «латыши являются отдельным народом со своим языком, литературой и интеллигенцией». Доказывая это, латышские политики акцентировали внимание на отличиях латышей от их русских соседей, указывая, что почти все латышское население умеет читать и писать. Латышские представители указали на то, что латыши проживают на обширной территории Видземе, Курземе, Латгале, части Витебской губернии и частично в Пруссии⁷⁴.

22 января 1918 года Я. Крейцбергс, З. Мейеровицс и Я. Сескис встретились с британским послом Ф. Линдли. Во время беседы с британским дипломатом латышские представители отмечали, что на протяжении исто-

рии немцы пытались ассимилировать и германизировать латышей, подчеркивая тем самым нелюбовь латышей к немцам и намекая на то, что Латвия может оказать помощь в борьбе против германской армии. При этом они признали наличие значительной культурной, в первую очередь – религиозной, близости между латышами и немцами. Немецкий фактор был упомянут и в связи с социальной структурой латышского населения: латышские представители отметили, что большинство латышей, безземельные крестьяне и арендаторы, так как почти все земли в Латвии принадлежат немцам⁷⁵.

В конце января 1918 года ЛВНС издал еще одно воззвание (*Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums neatbalstīt Latvijas pievinošanu Vācijai*), посвященное отношениям Латвии с Германией. Авторы декларировали, что целью Временного Совета является создание демократической республики на базе объединения Курземе, Видземе и Латгале. Таким образом, утверждался принцип «территориальной и этнографической неделимости» Латвии. Воззвание завершалось лозунгом и призывом ЛВНС к латышам поддержать создание независимой Латвии – «Да здравствует Свободная Латвия» (*«Lai dzīvo Brīvā Latvija»*)⁷⁶.

Новый этап внешнеполитической активности ЛВНС связан с событиями марта 1918 года, когда он выступил с протестом (*Latviešu Nacionālās Padomes protests pret Brestļitovskas miera līgumu un Kurzemes aneksiju*) против Брест-Литовского мирного договора, который повлек за собой немецкую оккупацию территории Курземе. Авторы протеста указывали на незаконность такой немецкой аннексии и упоминали, что эти события привели к тому, что значительная часть жителей Курземе была вынуждена покинуть ее территорию. Отмечалось, что заключение мирного договора стала результатом игнорирования, непризнания и неуважения прав латышского населения. Было отмечено, что мирный договор игнорирует целостность Латвии и отрицает то, что Латвия представляет собой единую территорию, «населенную одним народом», который имеет одну культуру и общие «политические и экономические цели». Авторы протеста отмечали и то, что мирный договор направлен против «культурного, общественного и национального существования латышского народа». Констатировалось и то, что Латвия и Германия не представляют и никогда не представляли собой единого целого, чем авторы стремились подчеркнуть права Латвии на самостоятельное развитие⁷⁷.

К осени 1918 года ситуация изменилась и центром политической активности латышских интеллектуалов и общественных деятелей становится уже Рига, где 17 ноября собирается Латышский Народный Совет (*Latviešu Tautas Padome*), в состав которого входили представители от политических партий и отдельных территорий⁷⁸. Ведущую роль в ЛНС играл Карлис Улманис⁷⁹, позднее ставший одним из ведущих политиков в Латвийской Республике. Именно он по поручению ЛНС создает Временное правительство.

ЛНС принял резолюцию о необходимости проведения демократических выборов в Конституционное собрание (*Satversmes sapulce*).

ЛНС продекларировал верность принципам построения независимой, единой и неделимой, Латвии как республики, которая базировалась бы на демократических принципах. Кроме этого было запланировано, что ЛНС передаст свою власть Конституционному собранию. Пока же предполагалось, что в деятельности ЛНС будут принимать участие как представители партий, так и латышских земель. С другой стороны, была продекларирована необходимость передать власть местному Латвийскому Временному Правительству, созданному на базе ЛНС. В целом, активность ЛНС носила общедемократический характер: были продекларированы и гарантированы права на культурную автономию для национальных меньшинств, а так же общегражданские права и свободы слова, печати и собраний. Кроме этого, участники ЛНС высказались за скорейшую эвакуацию с территории Латвии немецких войск⁸⁰.

Важнейшие итоги деятельности Латышского Народного Совета – принятие своей политической платформы и Декларации о Латвийском государстве⁸¹. Политическая платформа была утверждена 17 ноября 1918 года. Она предусматривала дальнейшее развитие Латвии как независимой демократической республики, в которой гарантировались права и свободы ее граждан⁸². 18 ноября 1918 года ЛНС продекларировал создание независимого Латвийского государства – Латвийской Республики. 18 ноября появилось воззвание к латышскому народу, где Латвия была провозглашена независимым, демократическим и республиканским государством, конституция которого, Сатверсме (*Satversme*), будет ее основным законом (*pamatlikums*), выработанным Учредительным Собранием (*Satversmes sapulce*).⁸³ Первая волна внешнеполитической активности латышских политиков совпала с проведением Парижской конференции, куда направилась латышская делегация, призванная представить позицию Латвии и отстаивать ее интересы. Латышские политики, прибывшие во Францию, составили декларацию, где было заявлено, что они представляют «суверенную, независимую и неделимую Латвию». Они позиционировали Латвию, как страну, расположенную на латышских этнографических территориях и имеющую границы с Литвой, Эстонией, Польшей и Россией. Авторы декларации акцентировали внимание и на проблеме отношений между Германией и Латвией, указывая, что первая выступала как захватчик, отрицая права латышей на собственную культуру и язык. Поэтому, национальное движение латышей развивалась как оппозиция немецкой политике в регионе, а немецкий *Drang nach Osten* чреват уничтожением латышской культуры⁸⁴.

С другой стороны, авторы декларации не могли не упомянуть и фактор отношений между Россией и Латвией. Анализируя эту проблему, они стремились доказать, что изучение латышского вопроса возможно и необ-

ходимо именно как латышского, но не в рамках общероссийского контекста. Авторы декларации утверждали, что развитие российско-латвийских отношений возможно как развитие отношений между Голландией и Германией, то есть на принципах взаимного признания и уважения⁸⁵.

Кроме этого, в период работы конференции латышской делегацией был составлен и Меморандум, где она пыталась разъяснить свои цели и позиции. Авторы Меморандума утверждали, что на протяжении веков латыши жили на берегах Балтийского моря, а в настоящее время населяют территории Видземе и Латгале, где основными латышскими центрами являются Рига, Цесис, Валмиера, Валка, Даугавпилс, Резекне и Лудза. Кроме этого было отмечено, что латыши проживают и на территории Псковской и Ковенской губерний, в Пруссии, в районе Куршской косы.

Латышские представители пытались сформировать в западном обществе позитивный образ Латвии. Но понимая то, что западные политики о Латвии знали крайне мало, латышские политики в Меморандуме пытались кратко проанализировать основные проблемы истории Латвии. Они пытались доказать, что латыши по своим способностям к политической жизни не уступают другим европейским народам. По словам латышских представителей, в Латвии, как и в остальной части Европы, в 1840-е годы началось национальное движение. Они отмечали, что латыши, подобно другим народам России, подвергались преследованиям и русификации. Поэтому распад империи преподносился как позитивное событие для латышей. С другой стороны, немецкая оккупация не означала для латышей позитивных изменений⁸⁶.

Наиболее важные события пришлось на 1920 год, когда Латвия начала заключать договоры с соседними странами, то есть была ими фактически и юридически признана как независимая государство. 15 июля 1920 года был подписан договор между Латвией и Германией в Берлине. Договор устанавливал между двумя странами дипломатические отношения. Германия признавала независимую Латвию де юре⁸⁷. Это соглашение стало одним из первых успехов латвийской дипломатии. Договор создал возможности для экономического сотрудничества и политического диалога между двумя странами, способствуя утверждению среди латышских политиков и широких масс латышей чувства национальной полноценности. 11 августа 1920 года с Латвией была вынуждена заключить мирный договор и Советская Россия. Примечательно то, что в договоре Латвия была заявлена не просто как Латвия, но как Латвийская Демократическая Республика (*Latvijas Demokrātiskā Respublika*). В соответствии с этим договором Россия уступала Латвии Пыталовский уезд Псковской губернии⁸⁸. Таким образом, Латвия была признана бывшими странами-колонизаторами, Россией и Германией, что вело к национальному подъему в Латвии и складыванию условия для начала активного строительства в Латвии национального государства.

Завершающий этап национальной консолидации в Латвии был связан с работой Учредительного Собрания. Оно было сформировано в результате выборов, в которых приняли участие 25 партий и групп. В Собрание было выбрано 150 депутатов, из которых 132 были латышами, 8 – евреями, 6 – немцами, 4 – русскими. Самая крупная фракция была создана социал-демократами и насчитывала 57 мест. За ней следовал Крестьянский Союз (*Zemnieku Savienība*) с 26 местами. Вокруг этой партии сложился мощный аграрный блок. К нему идейно были близки такие объединения как Латгальская крестьянская партия (*Latgales Zemnieku Partija*) с 17 местами. В Собрании сложился блок и христианских партий – Латгальский христианский крестьянский союз (*Latgales Kristīgu zemnieku savienība*) с шестью местами, Христианская национальная партия (*Kristīgā nacionalā partija*) с тремя местами. Демократы были представлены Демократическим союзом (*Demokrātu Savienība*) с шестью местами. Немецкая партия (*Vācu Partija*) получила шесть мест, беспартийная гражданская группа (*Bezpartejiskā pilsoņu grupa*) – тоже шесть, аграрный союз безземельных (*Bezzemnieku agrārā savienība*) – три, русская гражданская группа (*Krievu pilsoņu grupa*) – четыре, еврейский блок (*Ebreju bloks*) – пять.

Собрание начало работу 1 мая 1920 года. Первое заседание открыл Янис Чаксте (*Janis Čakste*), который до этого был председателем Народного Совета. Он же был избран и президентом Собрания. Его заместителем стал Андрейс Петревицс (*Andrejs Petrevics*), представитель ЛСДРП. Вторым заместителем стал представитель Латгале Станиславс Камбала. Секретарем стал член ЛСДРП Робертс Ивановс (*Roberts Ivanovs*), а его заместителями Мартиньш Антонс (*Martiņš Antons*) и Эрастс Битс (*Erasts Bits*). 27 мая была принята Декларация о Латвийском государстве, которая провозглашала Латвию демократической и независимой республикой, в которой носителем власти был народ. 15 июня 1921 года УС приняло Закон о флаге и гербе Латвийской Республики, что стало формальным завершением пути Латвии от российской колонии к независимому государству.

Таким образом, этап 1917–1921 годов был отмечен важными событиями в истории Латвии, которые были связаны с процессом становления в Латвии национального государства. Революционные изменения в России и Германии привели к тому, что эти две страны оказались не в состоянии влиять на ход политических процессов в Латвии. Поэтому, местные интеллигалы, которые были национально ориентированы пытаются взять власть в свои руки. Попытка организации новых политических институтов оказывается успешной и они выходят победителями из противостояния с немецкими, великодержавными российскими группировками и латышскими крайними левыми, которые были заинтересованы в прекращении латышского проекта и интеграции Латвии политически, экономически и культурно в российское пространство, которое, правда, этими группировками понималось очень различно.

События 1917 – 1921 годов были временем мощнейшего процесса институционализации латышского национального движения, которое до этого развивалось по меньшей мере шесть десятилетий. Этот период стал временем триумфа национализма, периодом его окончательной политизации, когда он превратился в реальную политическую силу, способную радикально изменить ситуацию на территории Латвии, вырвав ее из российского политического пространства, превратив в независимое евроейского государство. Появление государственности стало началом и нового этапа в истории латышского национализма и национального движения. Национализм из политического движения превратился в политический принцип, при котором этнические и политические элементы стали совпадать. Национальное движение так же изменилось, будучи представленным уже не общественными объединениями, а политическими партиями разной ориентации, которые значительное внимание в своих доктринах и политике продолжали уделять национальной идее.

¹ О русском национализме в годы Первой мировой войны см.: Jahn H. *Patriotic Culture in Russia During World War I* / H. Jahn. - Ithaca, 1995.

² Проблемы национального движения в период Первой мировой войны представлены в работе А. Дризулиса, которая сейчас представляет лишь историографический интерес. См.: Drīzulis A. *Latvija imperiālistiskā kara un februāra buržuāziski demokrātiskā revolūcijas laikā 1914. - 1917* / A. Drīzulis. - R., 1953.

³ Арендт Х. *Між минулим і майбутнім* / Х. Арендт. - Київ, 2002. - С.95.

⁴ Об У. Скулме см.: Lamberg D. *Latvian cubism* / D. Lamberg // *Studija*. - 1998. - No 5.

⁵ Skulme U. *Nacinālā maksla un glezniecības ceļš* / U. Skulme // *Latvijas Vēstnesis*. - 1921. - 5. marta.

⁶ Более полная библиография о событиях данного периода содержится в: *Latvija pirmā pasaules kara un Februāra buržuāziski demokrātiskās revolūcijas perioda. Literatūros radītais*. - R., 1977.

⁷ Геллнер Э. *Пришествие национализма* / Э. Геллнер // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 167.

⁸ См.: Янсонс И. *Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература* / И. Янсонс // *Сборник латышской литературы*. - Пг., 1916. - С. 1 - 32.

⁹ Хаген М. фон, *Русско-украинские отношения в первой половине XX века* / М.фон Хаген // *Россия - Украина: история взаимоотношений* / ред. А.И. Миллер. - М., 1997. - С. 185.

¹⁰ Нольте Х.-Х. *Индивидуализм и нация на Западе*. - С. 23.

¹¹ О немецких планах в отношении Прибалтики см.: Kiewisz L. *Sprawy łotewskie w bałtyckiej polityce Niemiec w latach 1915 – 1919* / L.Kiewisz. - Poznań, 1970.

¹² *Jaunais Vārds*. - 14. jūnijs. - 1915.

¹³ Daniševskis J. *Prūšu junkuri Latvijā 1812. – 1914. gadā* / J. Daniševskis. - R., 1914. - lpp. 18.

¹⁴ Ниедре О. *Борьба против империалистической войны в работе Я. Данишевского «Прусские юнкера в Латвии в 1812 – 1914 гг.»* / О. Ниедре // *Zinātniskie raksti*. - LXI sējums. *Vēstures zinātnes*. - 4. izlaidums. - R., 1965. - lpp. 111. – 120.

- ¹⁵ Daniševskis J. Prūšu junkuri Latvijā 1812. – 1914. gadā / J. Daniševskis. - R., 1914. - lpp. 26.
- ¹⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм. - С. 149.
- ¹⁷ Valsts domnieka J. Goldmaņa runa. Apcerēta sakarā ar visvācu nolūkiem Baltijā un vācu kultūras vētību. - R., 1914.
- ¹⁸ Цит. по: Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 137.
- ¹⁹ Endzelihns J. Ka vahzieschi rauga pierahriht ka Baltija sena vahzu zeme / J. Endzelihns // Dzimtenes Wehstnesis. - 1914. - No 294.
- ²⁰ Гоппер К. Четыре катастрофы / К. Гоппер. - Рига, [б. г.] - С.7.
- ²¹ Ренников А. В стране чудес. Правда о прибалтийских немцах / А. Ренников. - Пг., 1915.
- ²² Stučka P. Nacionālais jautājums un latviešu proletariāts / P. Stučka // Stučka P. Darbu izlase. - R. 1972.
- ²³ Lecs J. Ārieši – latvieši / J. Lecs. - Jelgavā, 1914.
- ²⁴ Latwija. - 1914. - No 151.
- ²⁵ Porietis J. Sāpju ceļš. Latviešu veco strēlnieku cīņu laikmeta vēsturiskie dokumenti un atmiņas / J. Porietis. - R., 1932. - lpp.31.
- ²⁶ Гессен С.Я. Окраинные государства / С.Я. Гессен. - М., 1920. - С. 99.
- ²⁷ По данной проблеме существует ряд работ исключительно на латышском языке. См.: Porietis J. Sāpju ceļš. Latviešu veco strēlnieku cīņu laikmeta vēsturiskie dokumenti un atmiņas / J. Porietis. - R., 1932; Latviešu strēlnieku vēsture / red. J. Krastiņš. - R., 1970; Bērziņš V. Latvija Pirmā pasaules kara laikā / V. Bērziņš. - R., 1987.
- ²⁸ См.: Колпакиди А. Белые латышские стрелки / А. Колпакиди // Родина. - 1996. - № 1. - С. 77 – 80.
- ²⁹ Skalbe K. Latvju strēlnieks / K. Skalbe. - R., 1916.
- ³⁰ Tupiņš A. Nāves sala / A. Tupiņš. - R., 1923.
- ³¹ Tupiņš A. Tīreļa purvos / A. Tupiņš. R., 1924.
- ³² Porietis J. Strēlnieki nāves salā / J. Porietis. - R., 1937.
- ³³ Porietis J. Astonas zvaigznes/ J. Porietis. - R., 1937.
- ³⁴ Upīts K. Pulkvedis Fr. Briedis Golgātas gaitā / K. Upīts. - R., 1925.
- ³⁵ Latvju enciklopēdija / red. A. Švābe. - Sej. 1. – 3. - Stokholmā, 1950. – 1955.
- ³⁶ Ģērmanis U. Latviešu tautas piedzīvojumi / U. Ģērmanis. - Uppsalā, 1959.
- ³⁷ Andersons E. Latvijas vēsture. 1914. – 1920 / E.Andersons. - Stokholmā, 1967.
- ³⁸ История латышских стрелков (1915 – 1920) / ред. Я.П. Крастынь. - Рига, 1972. - С. 10 – 11.
- ³⁹ См. напр.: Драудинь Т. Латышские стрелки за победу Великого Октября / Т. Драудинь // Известия АН Латвийской ССР. - 1957. - № 10.
- ⁴⁰ Жагар Э. Предисловие историка / Э. Жагар // Апситис В.Я. Рижское братское кладбище. - Рига. 1990. - С. 5.
- ⁴¹ Апситис В.Я. Рижское братское кладбище / В.Я. Апситис. - Рига, 1990. - С. 16.
- ⁴² Baron N., Catrell P. Population Displacement, State-Building, and Social Identity in the Lands of the former Russian Empire, 1917 – 1923 / N. Baron, P. Catrell // Kritika. - 2003. - Vol. 4. - No 1. - P. 51 – 100.
- ⁴³ Bachmanis K. Mūsu agrakas kludas / K. Bachmanis // Dzimtenes Atbalss. - 1916. - No 18. – 19.
- ⁴⁴ Bachmanis K. Latvija un kolonijas / K. Bachmanis // Dzimtenes Atbalss. - 1916. - No 102.
- ⁴⁵ Курций А. Родина / А. Курций // Курций А. Беды Солнца. - Рига, 1974. - С. 30.

- ⁴⁶ Миллер И.С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ / И.С. Миллер // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 14.
- ⁴⁷ Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.) / J. Chlebowczyk. - Warszawa, 1975.
- ⁴⁸ О стимулирующем факторе соседних молодых государств см.: Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи / В.И. Фрейдзон // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 28 – 30.
- ⁴⁹ Хурезяну Д. Формирование румынской нации / Д. Хурезяну // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. - М., 1981. - С. 93.
- ⁵⁰ Чубриловић Г. Србија и Аустрија у XIX веку / Г. Чубриловић // Чубриловић Г. Одабрани историјски радови. - Београд, 1983. - С. 154.
- ⁵¹ О данных предпосылках, которые в советской историографии интерпретировались как предпосылки социалистической революции см.: Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860 – 1917 гг.) К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / Ю.Н. Нетесин. - Рига, 1980. - С. 238 – 239.
- ⁵² Грицак Я. Нарис історії України / Я. Грицак. - Київ, 1996. - С. 96.
- ⁵³ Мыльников А.С. Народы ... - С. 71.
- ⁵⁴ Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты / В. Мишке. - Рига, 1956. - С. 9 – 14, 23.
- ⁵⁵ О соотношении понятий *Kulturnation* и *Staatnation* см.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 102 - 103; Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XIX века / В.И. Фрейдзон. - Дубна, 1999. - С. 5.
- ⁵⁶ Дилигенский Г.Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности / Г.Г. Дилигенский // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. - М., 1994. - С.93.
- ⁵⁷ Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905 – 1907 годов в Прибалтике. - С.16.
- ⁵⁸ Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения. - С. 104.
- ⁵⁹ Smith A.D. National Identity / A.D. Smith. - L., 1991. - P. 14.
- ⁶⁰ Tomašić D. Politički razvitak hrvata / D. Tomašić. - Zagreb, 1938. - S. 27.
- ⁶¹ Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. - С. 14.
- ⁶² Pundeff M.V. Bulgarian Nationalism / M.V. Pundeff // Nationalism in Eastern Europe. - L., 1994. - P. 110, 122.
- ⁶³ Seskis J. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē. Atmiņas un apcerējumi (1914. – 1921.) – Rīga. 1991. – lpp. 241.
- ⁶⁴ Andersons E. Latvijas vēsture. 1920. – 1940. Ārpolitika. – Stokholma, 1982. – Sēj. 1. – lpp. 17.
- ⁶⁵ Par jaunas orientācijas vajadzību // Laika Vēstis. – 1917. – 14 septembrī.
- ⁶⁶ Lazdiņš R. Jaunā orientācija // Laika Vēstis. – 1917. – 19 oktobrī.
- ⁶⁷ Об этом подробнее см.: Кирчанов М.В. Латышско-германские и латышско-британские отношения в 1920 - 1940 годы: основные этапы и особенности // Из истории международных отношений и европейской интеграции. – Воронеж, 2005. – Вып. 2. – Т. 1. – С. 81 – 94.
- ⁶⁸ О деятельности Латвийского Временного Национального Совета см.: Blūzma V. Kad īsti Latvija kļūva par valsti? // Latvijas Vēsture. – 1991. – No 3.

⁶⁹ О деятельности и жизни Зигмундса Мейеровицса см.: Gore I. Zigfrīds Anna Meierovics (1887. – 1925.) un Latvijas ceļš uz neatkarību (1918. gads) // Latvijas Vēsture. – 1992. – No 4; Lerhis A. Zigfrīds Anna Meierovics // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 2000. – No 3. – lpp. 135. – 148; Križeviča S. Latvijas Ārlietu ministrijas izveidošana, 1918. gada novembris – 1919. gads // Latvijas arhīvi. – 1999. – No 4. – lpp. 58 – 71.

⁷⁰ Lerhis A. Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas izveidošana // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1997. – No 4. – lpp. 78.

⁷¹ Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes pirmās sesijas protokols (no 1917. gada 29. novembra līdz 2. decembrim, no 16 līdz novembrim pēc vecā stila, Valkā) // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana (Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome). Latvijas valsts tapšanas posms (līdz 18. novembrim 1918.) – Rīga, 1925. – lpp. 64. – 129.

⁷² Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums latviešu tautai, 1917. gada decembrī, Valkā // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 192. – 194.

⁷³ См., например, воспоминания Адолфса Кливе: Klīve A. Brīvā Latvija. Latvijas tapšana, atmiņas, vērojumi, atziņas. – Bruklina, 1969. – lpp. 253. – 254.

⁷⁴ Sarunas pieraksts starp Latviešu Nacionālās Padomes pārstāvjiem J. Kreicbergu, Z. Meierovicu un J. Seski un ASV sūtni Krievijā Davis R. Francis'u (pielikums pie LPNP Ārlietu nodaļas sēdes protokola Nr 9), 1918. gada 21. (8.) janvārī, St. Peterburgā // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 254. – 256.

⁷⁵ Sarunas pieraksts starp Latviešu Nacionālās Padomes pārstāvjiem J. Kreicbergu, Z. Meierovicu un J. Seski un Lielbritānijas vēstnieku Krievijā F.O. Lindleju (pielikums pie LPNP Ārlietu nodaļas sēdes protokola Nr 9), 1918. gada 22. (9.) janvārī, St. Peterburgā // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 257. – 261.

⁷⁶ Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums neatbalstīt Latvijas pievinošanu Vācijai, 1918. gada 30 janvārī // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 195. – 197.

⁷⁷ Latviešu Nacionālās Padomes protests pret Brestļitovskas miera līgumu un Kurzemes aneksiju (1918. gada martā) // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 200. – 203.

⁷⁸ Самая крупная фракция была представлена Латышским Крестьянским Союзом (Latviešu Zemnieku Savienība). От LZS в деятельности Совета принимали участие Карлис Улманис (Kārlis Ulmanis), Микелис Валтерс, Янис Амперманис, Янис Варсбергс, Вилис Гулбис, Эрнэстс Бауэрс, Артурс Шэрс, Николайс Свемпс, Карлис Ванас, Янис Берзиньш, Отто Нонацс, Эдмундс Фрейвалдс и Петерис Муритс. Латышская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Socialdemokrātiskā Strādnieku Partija) была представлена Фрицисом Мендерсом, Юлиуссом Целмсом, Паулсом Калниньшем, Андрейсом Петревицсом и Маргерсом Скуйениексом. Латвийскую демократическую партию (Latvijas Demokrātiskā Partija) представляли Эрастс Бите, Давидс Голтс, Микелис Бруже, Аугустс Ранькис и Янис Бергсонс. Янис Залитис, Густавс Земгалс, Карлис Каспарсонс и Рудолфс Бенусс были представителями Радикальнодемократической партии (Radikaldemokrātiskā Partija). Эдуардс Траубергс, Эмилс Скубикис и Карлис Албертиньш представляли Латвийскую партию революционеров-социалистов (Latvijas Revolucionāru Sociālistu Partija). Янис Акуратерс и Атис Кениньш были представителями Национал-демократической партии (Nacionāldemokrātiskā Partija). Эдуардс Страутниекс представлял Республиканскую партию, Сприцис Паэгле – Латвийскую независимую партию (Latvijas Neatkarības Partija), а Станиславс Камбала – Латгальский земельный совет (Latgales Zemes Padome).

⁷⁹ О Карлисе Улманисе см.: Andersons E. Četri prezidenti. Kārlis Ulmanis // Latvijas Vēsture. – 1993. – No 2. – lpp. 18. – 21; Bērziņš A. Kārlis Ulmanis. Cilvēks un valstsvīrs. – Bruklina, 1973; Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve. Ceļinieks. Politikā. Diktators. Moceklis. – Rīga, 1992; Kārlim Ulmanim – 120 / red. S. Caune, sast. I. Šneidere. – Rīga, 1998; Labsvīrs J.

Kārlis Ulmanis. – Rīga, 1997; Zaļuma K. Latvijas prezidenti. Bibliogrāfiskais rādītājs. – Rīga, 1998; Latvijas prezidenti. Dzīves un vēstures mirkļi / sast. U. Šmits. – Rīga, 1993; Straume A. Kārlis Ulmanis un mazākumtautību politika Latvijā 1920. – 1940. gadā // Latvijas Vēsture. – 1995. – No 1. – lpp. 23. – 25; Zunda A. Kārlis Ulmanis un Zemnieku Savienība // Latvijas Vēsture. – 1997. – No 3. – lpp. 3. – 8.

⁸⁰ См.: Документи стāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – Rīga, 1988. – lpp. 56. – 63.

⁸¹ Об этом направлении деятельности ЛНС см.: Blūzma V. Tiesiskas valsts pirmsākumi Latvijā // Latvijas Vēsture. – 1998. – No 3. – lpp. 20. – 24; No 4. – lpp. 6. – 14; 1999. – No 1. – lpp. 46. – 54; Dišlers K. Ievads Latvijas valststiesību zinātnē. – Rīga, 1930; Latvijas tiesību vēsture (1914. – 2000.) – Rīga, 2000; Šilde Ā. Latvijas vēsture 1914. – 1940. Valsts tapšana un suverēnā valsts. – Stokholma, 1976.

⁸² Latvijas Tautas Padome. – Rīga, 1920.

⁸³ Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve. – Stokholma, 1978. – lpp. 125. – 126.

⁸⁴ Latvijas delegācijas deklarācija, iesniegta Baltijas komisijai Parīzē, 1919. gada 9. jūnijā // Valdības Vēstnesis. – 1919. – 2. augustā.

⁸⁵ См.: Mieriņa A. Kā Latvija pieteica sevi pasaulei 1919. gadā // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1992. – No 1. – lpp. 147. – 149.

⁸⁶ Memorandums par Latviju, stādīts priekšā no Latviešu delegācijas Miera konferencei, 1919. gada 10. jūnijā // Valdības Vēstnesis. – 1919. – No 1 – 9. – 1 – 10 augusts.

⁸⁷ Pagaidu līgums par sakaru atjaunošanu starp Latvija un Vāciju, 1920. gada 15. jūlijā, Berlīnē // Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – lpp. 255. – 258.

⁸⁸ Текст договора несколько раз публиковался. См. напр.: Valdības Vēstnesis. – 1920. – 14. septembris; Miera līgums starp Latviju un Krieviju. – Rīga, 1920; Miera līgums starp Latviju un Krieviju, 1920. gada, 11. augustā, Rīgā // Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – lpp. 259. – 272; Latvijas okupācija un aneksija 1939. – 1940. Dokumenti un materiāli / sast. I. Grava-Kreituse, I. Feldmanis, J. Goldmanis, A. Stranga. – Rīga, 1995. – lpp. 36. – 50.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Латышское национальное движение, возникшее в XIX веке, развивавшееся на протяжении всего столетия – значительный этап в истории латышского народа, важнейший шаг на пути к созданию независимого Латвийского государства. Суммируя и конкретизируя основные проблемы истории латышского национального движения, можно сделать ряд выводов, важнейшие из которых могут быть сведены к следующему.

Национальное движение в Латвии возникает в середине XIX века. Развитие латышского национализма началось с крайне неблагоприятных стартовых условий. Латыши были необразованной и неравноправной крестьянской массой, которая не обладала политическими правами. Латыши рассматривались как крепостные, пригодные лишь к последовательной ассимиляции через германизацию. Любые попытки латышей заявить о себе как о самостоятельной общности пресекались как немецкими баронами и пасторами, так и российскими властями. Тем не менее, несмотря на сложную ситуацию, исторические события в Латвии на протяжении XIX столетия привели к развитию положительной этносоциальной динамики, пусть и замедленной, которая стала все-таки залогом процесса становления нации.

Развитие национального движения в Латвии является неотъемлемой частью истории национализма в общеевропейской перспективе. XIX столетие в европейской истории было отмечено складыванием наций и возникновением национальных государств. Если немцы и итальянцы смогли не только сформироваться как нации в современном смысле этого слова, но и создать свои национальные государства, то обитатели выделенных территорий Империй, этнически близкие жители периферий, отличные от основной нации, не достигли уровня политической независимости, но добились больших успехов в создании национальной идентичности и формировании национального самосознания.

Исторически развиваясь в рамках европейского политического и культурного круга, Латвия в XIX веке была близка по имевшим место на ее территории процессам к западным регионам Империи, которые так же в большей степени тяготели к Европе и Западу, нежели к России как таковой. Поэтому генетически и исторически близкие процессы национального движения и нациостроительства имели место в российской Польше, Литве, Эстонии и Финляндии, а так же, в некоторой степени, и в Молдове. Процессы национальной активизации балтийских народов совпадали не только хронологически. Национальная активизация стимулировалась экономическими причинами, так как балтийские земли принадлежали к числу наиболее развитых регионов, что придавало им политический вес гораздо больший, чем доля населения Империи, приходившаяся на эти территории. Таким образом, развитие латышского национального движения и Латвии в целом на протяжении XIX столетия шло в рамках балтийского историче-

ского, политического, культурного и религиозного региона, который, в свою очередь, был частью Европы, отторгнутой от европейского хода исторического развития в результате его искусственного и насильственного включения в состав Российской Империи в XVIII веке.

Исторически принадлежа Европе, латышское национальное движение было вынуждено развиваться в рамках политического пространства Российской Империи. По данной причине, оно испытало значительное влияние со стороны общеимперских процессов и исторических явлений, таких как войны (Отечественная война 1812 года, Крымская война), реформы (отмена крепостного права, административные изменения), экономические изменения (развитие промышленности). Поэтому, развитие латышского национального движения было близко национальным процессам в Украине, Беларуси, Молдове, Армении, Грузии, Азербайджане, Татарстане и прочих российских территориях, где национальное сознание было развито настолько, что оно смогло противостоять имперской политике унификации, и не стало жертвой русификации и ассимиляции.

Развитие национального движения на территориях населенных латышами шло неравномерно. В 1840 – 1850-е годы центрами национального движения, что выразилось в переходе в православие, были Курземе и Видземе. Позднее, в виду немецкого засилья, в Латвии латышские националистически мыслящие интеллектуалы были вынуждены жить в Санкт-Петербурге или в Москве, так как активная политическая деятельность латышей собственно в Латвии была невозможна по причине того, что в XIX веке монополия на политическую жизнь находилась в руках балтийского немецкого дворянства. Позднее, в 1880 – 1890-е годы, латышские националистические лидеры получили возможность действовать и в латышских землях. С 1890-х годов центром латышского национального движения становится Рига, где постепенно латышское население начинает превышать немецкое. В начале XX столетия Рига становится латышским городом – центром латышского национализма, очагом латышской национальной культуры.

Процесс развития латышского национального движения был процессом политической борьбы как между различными течениями в национальном лагере, так и между националистами и их политическими противниками. В роли противников национализма выступали власти Российской Империи и балтийские немцы, которые нередко действовали как союзники и проводили по отношению к латышам дискриминационную политику. Немцы, пасторы и бароны, чиновники и прогермански настроенные балтийские интеллектуалы, видели в латышах не равноправных политических партнеров, а лишь производителей, которые веками эксплуатировались их предками. Российские власти в латышах не видели ничего, кроме того, что «латышское племя» или «латышская народность» были одними из многих инородческих племен и народностей, проживавших на территории Импе-

рии. Со временем игнорирование латышей сменилось тем, что власти заметили активность их национальных лидеров, часть из которых интегрировалась в российскую интеллигенцию, сохранив свой национальный облик (или, по терминологии XIX века, «национальную физиономию»), или была подвергнута умеренным репрессиям.

Развитие латышского национального движения шло разными темпами. Наиболее активно национальное движение латышей развивалось в Видземе, Курземе и Земгале. Это были те территории, где политическая и экономическая монополия находилась в руках немецкого баронства и лютеранских пасторов. При этом данные латышские регионы являлись наиболее развитыми районами с экономической точки зрения. Развитие капитализма наиболее интенсивными темпами шло именно в данных регионах. Именно здесь формировалась латышская национальная буржуазия и интеллигенция. Видземе, Курземе, Земгале были лидерами латышского национального движения.

При этом существовала и еще одна латышская территория, Латгале, где развитие национального движения шло более медленными темпами. Латгале в культурном плане была отделена от других латышских территорий. Латгале с экономической точки зрения была менее развитой, крепостное право было отменено только в 1863 году. Исторически Латгале развивалась в рамках Речи Посполитой, вместо лютеранства здесь господствовал католицизм. В данном регионе практически не ощущалось немецкое влияние. Немецкий язык не играл здесь той роли, которая принадлежала ему в Риге и других территориях населенных латышами. В Латгале была велика роль польского, русского и белорусского языков. Развитие Латгале было изолировано от других латышских территорий. Язык Латгале оказался отличным от литературного латышского языка, созданного усилиями латышских националистов. Диалект крестьян Латгале явно не тот, на котором говорили и писали Юрис и Адолфс Аллунансы, Матисс и Рейнис Каудзите, Кришьянис Валдемарс, Кришьянис Баронс. В плане национального движения Латгале отставала от других латышских территорий. Включенность Латгале в процессы национальной борьбы можно констатировать лишь, начиная с XX века.

В истории латышского национального движения, руководствуясь принципом историзма, можно выделить несколько периодов. 1) Начало XIX - 1840-е гг. - проявление предпосылок для начала национальной активизации латышского населения в Российской Империи. 2) 1840-1850-е гг. - начало латышского национального движения, что проявилось в переходе латышей в православие. 3) 1860-1890-е гг. - период деятельности первого поколения латышских политиков (младолатышей), направленной на создание современной латышской национальной идентичности. 4) 1900 - 1917 гг. - период высшего подъема латышского национального движения в России, что проявилось в активном участии латышей в революции 1905 - 1907

годов, формировании латышских политических партий, росте антинемецкого национализма в период первой мировой войны и постановке вопроса о создании независимого Латвийского государства.

Исходя из западных теорий национализма возможна и другая периодизация, а именно **предфаза**, **предпарадигмальная фаза**, фазы А, В, С, D, основное содержание которых представлено в следующих положениях. **Предфаза** – период с начала XIX века по 1840-е годы, в рамках которого имела место активизация латышей, что выразилось в ряде крупных крестьянских выступлений и появлении плеяды первых латышских писателей и поэтов, которые, правда, еще находились под значительным немецким влиянием. Периоду **предфазы** предшествовало, по меньшей мере, четыре столетия немецкой деятельности в прибалтийском регионе, которую можно определить как **праисторию латышского национализма**, значение которой можно рассматривать как относительно положительное культурное влияние, так как именно благодаря немецкой активности была переведена на латышский язык Библия и памятники европейской (главным образом, немецкой) литературы, появились первые словари латышского языка, работы по грамматике латышского языка и издания латышского народного фольклора.

Этап **предфазы**, занявший около четырех десятилетий, сменился периодом, который можно определить как **предпарадигмальная стадия** в развитии латышского национального движения. **Предпарадигмальная фаза** – активизация латышей в Российской Империи в 1840-е годы, что имело форму религиозного возбуждения и относительно массового перехода латышей из лютеранства в православие – это стало следствием стремления латышей к освобождению от немецкого влияния; важнейший источник по истории латышского национализма на данном этапе – «Записки православного латыша» Индрикиса Страумитса. Данный этап отмечен тем, что национальное движение искало парадигму своего развития. В 1840 – 1860-е годы было не ясно, по какому пути пойдет латышское национальное движение – в сторону России через православие или в сторону Европы через культивирование собственно латышских национальных традиций. На данном этапе движение носило преимущественно религиозный характер. Эта **предпарадигмальная фаза**, основное значение которой состояла в значительной активизации латышского населения, привела к началу собственно национального латышского движения, в котором, в свою очередь, возможно выделение следующих **фаз**.

Фаза А, или зарождение латышского националистического движения в 1850-е годы, когда начинается деятельность будущих младолатышских теоретиков и латышская интеллигенция в лице первых писателей и поэтов начинает медленно освобождаться от немецкого доминирующего влияния и формирует свою политическую позицию.

Фаза В, которая характеризуется деятельностью «классиков» младолатышского националистического движения Кришьяниса Валдемарса, Юриса Аллунанса и других – данный этап датируется 1860-1870-ми годами; именно в эти годы имело место оформление основных идейных концепций латышского национализма, которые будут определять направление его развития на последующих фазах.

Фаза С, которая датируется 1880 – 1890-ми годами и отличается постепенной политизацией латышского националистического движения и формированием в его рамках политических течений (культурного, религиозного, политического), что привело к превращению националистов в серьезную политическую силу.

Фаза D, пришедшаяся на 1900 – 1917 годы, отличительные черты которой таковы: активизация латышского национального движения в начале XX века, деятельность Яниса Эндзелинса и окончательное завершение истории латышского национального движения после складывания независимого латвийского государства на протяжении 1917 – 1920 годов.

В изучении истории национальных движений выделяется несколько фаз. Чередование последовательно сменяющихся этапов-фаз в истории латышского национального движения привело к возникновению в Латвии национальной апперцепции, которая выразилась в наличии у националистов каждого более позднего этапа зависимости восприятия от предшествующего социального, политического, культурного и националистического опыта своих предшественников. Иными словами, латышское национальное движение прошло в своем развитии несколько этапов, которые отмечены различными приоритетами - интересом к культуре, этнографии и традициям; созданием литературного языка; активнейшим включением в политическую борьбу.

Таким образом, каждое новое явление в истории латышского национального движения вытекало из предыдущих – возникновение первых латышских писателей в 1820-е годы стало следствием ряда крестьянских волнений и Отечественной войны 1812 года, переход в православие был вызван культурной активизацией 1820 – 1830-х годов, младолатышское движение возникло в значительной степени под влиянием православного крестьянского движения 1840-х годов и т.п.

Латышское национальное движение не было единым с политической точки зрения. Став наследниками старолатышей, младолатыши унаследовали от них не только стремление поставить латышей в число развитых наций, но и отсутствие внутреннего единства. В рамках латышского национального движения возможно выделение нескольких течений. В политическом плане младолатыши и латышские националисты начала XX века могут быть разделены на умеренных либералов и радикальных националистов. Либералами можно назвать Кришьяниса Валдемарса и Юриса Аллунанса, радикалами – Ю. Калейс-Кузнецовса и Каспарса Биезбардиса. Наряду

ду с политическим течением существовало и культурное крыло, в рамках которого можно выделить ряд тенденций – литературную (Ю. Аллунанс), религиозную (А. Ниедра, Апсишу Екабс), лингвистическую (К. Биезбардис, Я. Эндзелинс), фольклорную (К. Баронс, Ф. Трейландс-Бривземниекс). При этом все данные тенденции объединялись одним – причастностью к латышскому национализму, латышскому национальному движению.

Концепции латышского национального движения вырабатывались постепенно, на протяжении всей его истории, корректируясь по мере изменения политической ситуации в Латвии и Российской Империи. Латышское национальное движение не было антирусским с самого начала во всех сферах. Антирусские настроения усиливались по мере развития политики русификации. Сам факт развития националистического движения в Латвии не исключает контактов латышских национальных деятелей с русским и немецким обществом. Эти контакты имели место, являясь важными стимулами в развитии латышского национального движения. Проблема отношений между русскими и латышами, латышами и немцами состояла в разном понимании роли и места этих этнических общностей в политической структуре Империи. В отличие от русских и немцев, которые воспринимали неравноправное положение латышей как данность, латыши стремились изменить ситуацию и занять свое место среди привилегированных наций. Успех латышского национального движения и крах политик германизации и русификации – результат внутренней политики немецкой и российской элит, которая, с одной стороны, была не способна диалог с латышским движением, стремилась к его подавлению репрессивными мерами, а, с другой, не смогла создать привлекательный имперский контекст, в который нерусские народы могли бы интегрироваться с утратой своей идентичности.

Отличительная черта истории латышского национального движения на протяжении XIX века состоит в том, что это было общественное движение, выражавшее политические идеи. Это было движение отдельных интеллектуалов и общественных или культурных кружков. Латышское национальное движение нередко оставалось движением интеллектуалов, так как было далеко от подлинной массовости, хотя и обладало немалой поддержкой широких слоев латышского населения. Это было и движение научных и просветительских обществ. Данной особенностью латышское национальное движение обязано балтийским немцам, которые первые создали подобные общества для изучения латышей, их языка, культуры, традиций и быта. Настоящая тенденция сохранялась на протяжении всего XIX века. На данном этапе оно не могло трансформироваться в политические партии, так как отсутствие партий – отличительная черта политической истории Российской Империи XIX столетия. Институционализация латышского национального движения стала возможна позднее. Политические латышские партии возникают в Латвии лишь тогда, когда они возникают в

общеевропейском масштабе, в начале XX века. Возникшие партии смогли получить опыт участия в политической жизни Империи в целом, что проявилось в их участии в работе Государственной Думы. В рамках латышского национального движения были заложены основы для формирования как партийной системы и парламентаризма межвоенной Латвии.

В историографии национальные движения традиционно рассматриваются как движения светские, отмеченные значительными тенденциями секуляризации, которая связывается со светскими тенденциями в политической жизни Европы, заложенными Великой французской буржуазной революцией. Этот подход в значительной степени справедлив для ряда национальных движений Западной Европы, где национализм был призван уничтожить препятствия нациостроительства, исходившие от Церкви. Что касается Латвии, то религия и национальное движение здесь шли рука об руку. Религия в православной форме привела к началу национальной активизации латышей в 40-е годы XIX века. Позднее религия, уже протестантизм, широко использовался участниками латышского движения, который приобрел выраженный латышский национальный характер. Это сближает развитие латышского национального движения с аналогичными тенденциями к участию Церкви в нациостроительстве и формировании национальных идеологий в Литве, Польше, Эстонии.

Начало XX столетия - принципиально важный этап в истории латышского национального движения. Он отмечен не только тенденцией к институционализации национализма, что проявилось в создании латышских политических партий, но и важными изменениями идеологического плана. Политические идеи начала XX века принципиально отличны от более ранних национальных концепций. Если раньше в национальной доктрине важнейшее место принадлежало идее сохранения как нации, вопросам формирования и поддержания национальной идентичности, то в первые годы XX века эти проблемы уже не были столь принципиально важны. Перед латышским национальным движением встали новые политические задачи, требовавшие принципиально нового политического оформления. Почувствовав свою силу, национальное движение с вопросов развития национальной идентичности переключилось на проблемы, скорее, политические, нежели этнические. Проявлением политизации идеологии национального движения стала постепенно усиливавшаяся критика немцев и настойчивое культивирование нового понятия «Латвия». Антинемецкие идеи так же были крайне важны для латышского движения. Именно антинемецкий настрой делал движение националистическим, обеспечивая ему постоянный рост сторонников в числе латышской интеллигенции. Критика немцев велась латышскими националистами по нескольким направлениям. Основные претензии были связаны с неравноправием латышей в политической и экономической сфере. Однако, значение антинемецкого национализма не следует преувеличивать. Если в начале XX века А. Ниедра про-

явил себя как антинемецкий национализм, то позднее он пошел на союз с немецкими политическими кругами.

Наряду с антинемецким компонентом важнейшим элементом в идеологии латышского национального движения стало складывание политического понятия «Латвия». Латвия в сознании латышских национальных идеологов обретает свои границы. Примечательно и то, что в эту латышскую, пока воображаемую, политическую сферу стала включаться и Латгале, ранее почти исключенная из национального движения. Это говорит, с одной стороны, о начале принципиально нового этапа в истории национального движения, а с другой, об оформлении тех границ, в рамках которых национальное движение позднее будет бороться за создание независимой Латвии. Формирование данного политического концепта ставило перед латышскими националистами новые задачи. Поэтому, наряду с созданием политических партий они начинают писать о необходимости создания латышской автономии. Вместе с тем Латвии придается и особый исторический смысл - в прошлом латышские националисты искали основания для легитимации своих действий в настоящем. При этом создание истории ставило Латвию и латышей в число развитых европейских наций, служило оправданием национального политического движения, превращая его не в бунт масс, а в движение за восстановление исторической справедливости. Это свидетельствует о том, что национальное движение в Латвии почти перестает быть движением культурно-языкового национализма, превращаясь в политический национализм. События первой мировой войны, рост антинемецких идей лишь усилили эту тенденцию. Таким образом, в идеологии латышского национального движения в начале XX века имели место принципиально важные изменения. Политизация национальной идеи привела к тому, что национализм из культурной силы превратился в силу политическую. Изменения, вызванные войной и революционными событиями в России, лишь политически усилили и без того достаточно окрепший латышский национализм, который превратился в движущую силу в процессе создания независимого Латвийского государства.

Модерновость латышской нации - результат удачного национального проекта, развития латышского национального воображения. Именно в более ранний период усилиями латышских интеллектуалов была создана современная латышская нация. Латышский национальный проект - один из самых удачных в истории Российской империи, так как демонстрирует эволюцию крестьянского сообщества традиционного плана в сторону нации модернового типа. Этот процесс начался еще в 1850-е годы и завершился к началу XX столетия, когда к созданной усилиями латышских национально думающих интеллектуалов языку, культуре и литературе добавились политические составляющие латышской нации как воображаемого сообщества. Появление политической организации означало начало нового этапа в развитии латышей как воображаемого сообщества. Партии вели к

тому, что они и сама Латвия все в меньшей степени становятся воображаемым сообществом, так как тенденция к политической институционализации (латышей в политические партии, Латвии в государство) становится все более очевидной.

Рассматривая процессы, имевшие место в Латвии начала XX столетия, следует принимать во внимание, что они были лишены какой-либо уникальности и неповторимости, хотя местный колорит, безусловно, и присутствовал. Они не были уникальны в смысле того, что были только исключительно латышскими. Аналогичные процессы имели место и в других национальных районах Российской Империи. В первую очередь, аналогичные явления представлены в истории соседних народов - литовцев, эстонцев и финнов, которые так же переживали процесс институционализации национальных движений. Характер событий этого периода на латышских территориях России был в корне отличен от процессов протекавших в собственно русских губерниях. Если в России революция и появление политических партий имели политические и социально или экономически детерминированные истоки, то в Латвии истоки революции и возникновения партий были, по преимуществу, национальными. По данной причине, мы можем говорить о латышской революции 1905 – 1907 годов и процессе латышского партотгенеза, которые совпадали с аналогичными российскими процессами лишь хронологически, но не по своему внутреннему содержанию.

Вместе с тем, процесс институционализации латышского национализма может быть вписан в более широкую общеимперскую перспективу. Партии и организации в начале XX века возникли и в рамках других национальных движений - украинского и белорусского, армянского и грузинского, азербайджанского и татарского. Из общеимперской перспективы вытекает перспектива европейская. Эти процессы мы наблюдаем и в рамках национальных движений европейских народов, лишенных политической независимости. Правда, в Европе такие партии возникли несколько раньше, что не исключает того, что истории Латвии начала XX века была вписана в большей степени в европейский, а не российский политический контекст.

Появление партий свидетельствует и о значительной слабости Российской Империи, которая оказалась не в состоянии выработать определенной и четкой политики в отношении нерусского населения. Игнорируя важные национальные процессы, тенденции к консолидации и складыванию современных наций на базе нерусских общностей, власти потеряли механизм контроля над ними. Они оказались не способны руководить сложившимися нациями, в то время как масса русского крестьянства, не имевшая четкой национальной идентичности, оказалась относительно легко управляемой. Упустив ситуацию, имперские власти вошли в XX век не с многочисленными крестьянскими сообществами на западных окраинах Империи, а с

развитыми нациями модернового типа, склонных развиваться вне рамок общеимперского политического пространства.

Слабость Империи, с одной стороны, и усиление, нерусских народов, с другой, свидетельствует о том, что национальные движения, обретя политическую организацию, начали стремиться к более широкой политической институционализации, то есть к созданию своих собственных независимых государств. Появление партий лишь дополнило число других национальных атрибутов латышского национального движения, доказывая то, что оно в состоянии ставить уже вопросы не о сохранении латышей как нации, о создании независимой Латвии как латышского национального государства.

Сыграв свою историческую роль, латышские общества и организации постепенно трансформировались в новую форму – в политические партии. Отличительная черта первых латышских партий состоит в сочетании в идеологии общедемократических лозунгов с национальными требованиями. В качестве своего главного противника возникшие латышские партии рассматривали балтийских немцев, в то время как в отношении российских властей они демонстрировали свою лояльность. Российские же националисты, в свою очередь, особого уважения в отношении латышских партий не проявляли, но не смогли проявить себя как их политически конструктивные критики. Вместо этого российская реакция превратилась в националистическую волну, направленную против «инородцев» как таковых. Латышские националисты в своих политических целях пытались использовать российскую Государственную Думу. Однако попытка воздействовать на российское общество через парламент не принесла значительных результатов по причине малочисленности латышских представителей в Думе. Кроме этого российский парламент не был настолько влиятелен, что мог бы стать каналом для реализации национальных идей латышских деятелей.

Последним фактором, который оказал влияние на развитие латышского национального движения в Российской Империи, была Первая мировая война. Война России против Германии привела к значительной активизации латышского национализма. Война оживила надежды латышских националистических интеллектуалов на занятие монопольных позиций в политической и экономической жизни. Латышские националисты, спекулируя на росте антинемецких идей в России, стремились упрочить свое положение и увеличить влияние. Война, действительно, вылилась в усиление национализма и активизацию латышского национального движения. При этом война принесла латышским националистам то, чего они не ожидали. Благодаря войне были созданы латышские вооруженные части в составе российской армии. Участие латышей в войне против немцев усилило национализм, реально поставило вопрос о предоставлении Латвии автономии.

Политические изменения в России, кризис 1917 года и февральская революция перевели вопрос о латышской автономии из плоскости политиче-

ских дискуссий в политическую реальность. Последующие события, Октябрь 1917 года в России, приход к власти большевиков, Ноябрьская революция в Германии способствовали еще большей радикализации латышского национального движения. Результатами стали борьба латышей против балтийских немцев и латышско-русских большевиков, что привело к созданию независимого Латвийского Государства, где латышский национализм продолжал развиваться, но в иных формах и условиях.

Научное издание

Максим Валерьевич **КИРЧАНОВ**

Zemnieki, latvieši, pilsoņi:
идентичность, национализм и модернизация в Латвии

Монография

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
<http://sbook.ru>

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, пр-т Труда, д. 48
тел. (4732) 205-715, 29-79-69
e-mail: ipc@sbook.ru